

Мораль и этическая теория

Специфика и структура морали

Социальные функции морали

Проблемы индивидуальной нравственности

Категории и понятия этики

Методологические проблемы этики

Академия наук СССР

Институт философии

Мораль и этическая теория

Некоторые актуальные проблемы

Издательство «Наука»

Москва

1974

В книге рассмотрен ряд важнейших проблем, выдвинутых в центр советской этической науки ходом социального и нравственного развития советского общества, задачами формирования нового человека в условиях зрелого социализма, а также процессом развертывания марксистских этических исследований на современном этапе. Приобретшие к настоящему времени высокую общественную и научную значимость, эти проблемы еще недостаточно изучены во многих отношениях и ставят исследователей перед немалыми трудностями. Авторы книги ведут их обсуждение, не избегая дискуссионных моментов, анализируя имеющиеся в марксистской литературе точки зрения, давая и самостоятельные ответы на возникающие вопросы.

Под редакцией

О. П. Целиковой

♦

Предисловие

Воспитание нового человека стоит в центре внимания советской общественности как насущная задача, определяемая объективными условиями, интенсивными общественными процессами развитого социализма. В нашей стране выросли поколения культурных и образованных людей, с высокими морально-политическими качествами, поколения убежденных интернационалистов, целеустремленных борцов за коммунистические идеалы. Весь ход нашей повседневной жизни — ее динамизм, развертывание научно-технической революции, совершенствование всей системы общественных отношений — вызывает настоятельную необходимость энергично направлять усилия на воспитание нового человека, на всестороннее развитие его сознания и мировоззрения, на формирование его идейно-политических и нравственных качеств, всего его духовного мира в соответствии с потребностями дальнейшего прогресса, с перспективами коммунистического строительства.

«Сама суть коммунизма,— отмечал Л. И. Брежнев на торжественном заседании по поводу 50-летия СССР,— определяется тем, что граждане обладают высокой степенью сознательности и чувством ответственности перед обществом, высокими нравственными качествами. Именно поэтому воспитание общественно-го сознания всех граждан — одна из важнейших составных частей процесса коммунистического строительства».

Ведущей силой общественного и, в частности, морального про-

гресса при зрелом социализме остается рабочий класс, тот класс, который получил наибольшую политическую и нравственную закалку в борьбе за освобождение человечества и который связан с самой передовой в настоящее время формой общественной собственности — государственно-социалистической, а также с передовыми формами организации труда.

Это означает, что в условиях нашего общества мораль рабочего класса, мораль коммунистическая, становится моралью не только рабочих, но также крестьянства и интеллигенции: принципы, нормы коммунистической морали общи для всех строителей коммунизма, отражают самые существенные их интересы. Коммунистическая мораль при этом обогащается всем лучшим, что рождается во всех классах и группах социалистического общества, воспринимает и поддерживает все прогрессивное в нравственных отношениях, сознании и поведении людей. Таким образом, коммунистическая мораль, возникшая и прошедшая долгий путь развития в качестве революционной морали рабочего класса, выступает ныне в нашей стране, на этапе зрелого социализма, уже и как мораль общенародная.

Изучение связанных с современным этапом закономерностей функционирования и дальнейшего совершенствования коммунистической морали — первоочередная и притом чрезвычайно ответственная задача специалистов в области этики.

Подчеркивая значение указанной задачи, было бы, конечно, недопустимо упускать из виду тот факт, что коммунистическая мораль складывалась, формировалась и продолжает развиваться не как какое-нибудь изолированное явление, а как закономерный, качественно новый итог прогрессирования морали как таковой. Мораль, т. е. специфическая форма общественного сознания и его воплощения в поведении людей, имеет свои общие признаки, особенности в процессе воздействия на человека. Ее общая специфика связана не только с качественными признаками именно коммунистической морали, но и со всем тем моральным опытом, который приобретало человечество в ходе своей истории. Поэтому исследование коммунистической морали, ее воздействия на духовный облик, на личностные качества и поведение людей необходимо предполагает и постоянное вни-

мание к новым явлениям нравственной жизни нашего общества (их теоретический анализ и обобщение), и дальнейшее развитие теории морали в целом. Разработка теории коммунистической морали нуждается как в непреложном своем условии в развитии общей этической теории.

Иначе говоря, решение задач воспитания нового человека, задач совершенствования наших нравственных отношений немислимо без теоретического обобщения имеющихся в практике морального воспитания достижений, без научного исследования всех новых явлений жизни. Немислимо оно и без опоры на развитие марксистско-ленинской этики в целом. Поэтому расширение и углубление этических исследований, развитие этической теории приобретает в современных условиях особое значение.

Ряду важнейших проблем морали и этической теории и посвящена эта книга. В ней рассматриваются специфика, структура и функции морали, проявления индивидуальной нравственности, особенности выражения в языке морально-этического содержания, понятия и категории морали и этики, основные методологические проблемы этики и другие. Все эти проблемы трудны теоретически и еще недостаточно изучены в историко-этическом и социологическом аспектах. В своей совокупности они составляют известное единство, относительно цельный круг, хотя, разумеется, далеко не исчерпывают предмета сегодняшних исследований советской этической науки.

Авторы отдают себе полный отчет в том, что ими рассматриваются научные вопросы, по которым во многих отношениях еще нет однозначных, общепринятых в среде научной общественности ответов, ввиду чего неизбежен дискуссионный, гипотетичный характер некоторых положений. Элемент дискуссионности здесь вполне закономерен. Там, где ведется научный поиск, невозможно обойтись одними неоспоримыми утверждениями, без выдвижения тех или иных мыслей, которые требуют дальнейшей проверки. Авторский коллектив надеется, что всестороннее и благоприятное научное обсуждение рассматриваемых в данной книге вопросов поможет в определенной мере выполнению задач, имеющих самое прямое отношение к практическим потреб-

ностям и нуждам развития морали советских людей, к формированию нового человека в ходе коммунистического строительства.

Разделы книги написаны: «Специфика и структура морали» — А. И. Титаренко, «Социальные функции морали», «Проблемы индивидуальной нравственности» — Т. С. Лапиной, «Особенности выражения в языке морально-этического содержания», «Категории понятия этики» — О. П. Целиковой, «Методологические проблемы этики» — Р. В. Петропавловским.

Специфика и структура морали

Социализм вырвал из узколичных масштабов жизни огромные массы людей, вывел их на арену широкого социального творчества. Небывало возросло значение индивидуального развития человека. Потоки революционных изменений — научно-технических, социальных, в культуре, образе жизни, межличностных контактах и иных, охватившие современный мир, обуславливают то, что вместе с усложнением социально-исторических задач, стоящих перед личностью, возрастает и значение ее инициативы и творчества, ее духовных, в том числе и моральных, качеств, ее ответственности и целеустремленности. Моральный строй личности, его ориентирующая и регулятивная эффективность подвергаются серьезной исторической проверке. Из глубины процесса нравственного развития, еще недавно не привлекавшего к себе столь острого внимания, как теперь, возникли проблемы, ставшие во весь рост как перед каждым человеком, так и перед всем обществом. Это проблемы, занимающие одно из центральных мест в столкновении двух мировоззрений — коммунистического и буржуазного. Каким образом развитие коллективистских форм жизнедеятельности успешно соединять с глубоко субъективными, разнообразными у различных индивидов устремлениями? Как согласуются нынешние наши завоевания — научные, технические, культурные — с собственно нравственным развитием? Как полноценно объединить моральные цели, что определяют ныне высокий смысл жизни человека, с наличными средствами, которые позволили бы — и не только в перспективе, а сейчас, в повседневности, — соединять их с действительностью? Как добиться, чтобы каждый индивид жил и действовал, не погрязая в рутине случайностей и однообразии будней, а, раскрывая все свои способности, полнокровно, творчески? И почему в эпоху

величайших научно-технических и социально-исторических свершений, в эпоху головокружительных возможностей все еще нередко дает о себе знать человек, не приверженный к большим делам и порой противопоставляющий себя им путем нравственного «отклоняющегося» поведения? Отчего моральные «пережитки» могут так пластично превращаться в «нажитки», изменяя свое нормативное содержание и форму, цепко приспосабливаясь к новым социальным отношениям? Каковы действительные параметры и перспективы (общенсторические и личностные) нравственного совершенствования, гармоничного со стороны соотношения общественных и личных интересов? Все эти и многие другие вопросы неразрешимы без помощи этической науки. Этика как наука о нравственной жизни людей оказывается ближе всего к тому глубокому внутридушевному «нерву» деятельности человека, без которого эта его деятельность, его судьба обесмысливаются, а сам он не может быть творцом и оказывается человеком, существующим лишь по инерции, т. е. ближе всего к внутренним целям, надеждам человека, к ощущению им человеческой значимости своего бытия. Вот почему в современных условиях не только уже возросла, но и далее будет — причем ускоренно, лавинообразно — возрастать роль этики как своеобразной философской науки, призванной, в частности, объективно определить состояние и перспективы морального развития при социализме, донести свои результаты до широких народных масс, предельно прояснив личности ориентиры, четкое понимание самого смысла его нравственных исканий, его совершенствования. Формирование человека коммунистического типа немыслимо без таких исканий. И теперь жгуче неотложной является потребность в преодолении их стихийности, в целенаправленном научном управлении ими.

Однако ответить на все эти запросы, тесно связать этику с реальными процессами нравственной жизни нельзя, не разрешив ряда принципиальных, общетеоретических проблем. Без верного подхода к их решению этика методологически беспомощна. Обращение к эмпирической реальности нравственной жизни — богатой, насыщенной, противоречивой — для нее в этом случае подобно блужданиям слепца в густом лесу. Она заранее обречена на поверхностное описание тех или иных моральных феноменов, на некритическое заимствование у массового нравственного сознания тех или иных норм, запретов, на назойливую их проповедь или осуждение. Недаром разрыв теоретического и практического отношения к объекту исследования — морали — ведет в этике, как правило, к двум традиционным болезням: к старческому бессилию формализма, пытающегося

с помощью спекулятивного выведения категорий, игнорируя данные о реальном нравственном поведении людей, решить все этические проблемы, и к сентиментальному, проповедническому морализированию, которое, обращаясь к нравственным нормам, не может предложить ничего, кроме их проповеди, без сколь угодно серьезного, научного их обоснования, без понимания объективно происходящих нравственных процессов, их внутренних противоречий.

Две проблемы — специфика и структура морали — во многом являются ключевыми, имеющими принципиальный смысл для этики. То или иное их решение связано с подходом к исследованию реальных нравов, их коллизий и перспектив развития. Недоучет своеобразия морали приводит не только к неверным теоретическим схемам в этике, но и к ошибочным рекомендациям в деле моральной регуляции поведением людей, в нравственном воспитании. Незнание реальных содержательных структур нравственного сознания и методологическая беспомощность в их выделении обрекают исследователя на эклектизм в понимании отдельных явлений нравственной жизни, не дают возможности видеть их целостно, в функциональном единстве.

Проблема специфики морали

В нашей этической литературе существуют весьма разнообразные определения морали как предмета этической науки. Разумеется, в этих определениях много общего, общезначимого. В то же время широкий диапазон различий между ними говорит не только о разных «углах зрения» авторов, но и о разных по уровню методологической зрелости и эффективности подходах. В «Кратком словаре по этике», например, мораль определяется как «общественный институт, выполняющий функцию регулирования поведения человека»¹. В «Философской энциклопедии» мораль характеризуется как «форма общественного сознания, совокупность принципов, правил, норм, которыми люди руководствуются в своем поведении»². Конечно же, эти определения указывают на существенные характеристики морали: на выполняемую ею функцию регуляции поведения, на то, что она — форма общественного сознания, что выступает, в частности, как совокупность норм и т. п. Но собственно специфики морали, того своеобразия, которое отличает ее от других форм сознания, способов регуляции, эти определения не дают.

¹ Краткий словарь по этике. М., 1965, стр. 226.

² Философская энциклопедия, т. 3, М., 1964, стр. 499.

В статьях последних лет некоторые авторы, стремясь подчеркнуть специфику морали, указывают на «внеинституционный» характер подкрепления нравственных норм, которые поддерживаются силой общественного мнения, а не силой государства, как нормы права, не организациями управления и учета, как нормы административно-хозяйственной деятельности. Другие пытались решить эту проблему путем разграничения сфер действия морали, выявления особой области нравственных отношений. Оба эти подхода, на наш взгляд, с самого начала были обречены на неудачу, так как брали за основу внешние, формальные, а не содержательные особенности нравственного регулирования поведения людей. Исторически развиваясь, мораль как своеобразный способ регуляции поведения обнаружила исключительную гибкость. Сфера ее приложения могла в зависимости от социально-классовых потребностей и условий неожиданно сокращаться или резко, почти скачкообразно увеличиваться. Знаменательно, что предметом моральных оценок и императивных требований оказывались при этом действия людей в таких областях социальных отношений, где влияние морали до того почти не ощущалось. Таким образом, исторически мы встречаемся с весьма разнообразным полем ее действия. Она к тому же по-разному переплетается с другими способами регуляции поведения.

Нравственные отношения по самой своей природе приспособлены к утверждению определенной связи между поступком и нравственной ценностью, декретируемой обществом, классом, группой,— связи, которая может сложиться в любой, самой, казалось бы, отдаленной от морали области социальной деятельности. Вот почему выделение какой-то «устойчивой» сферы морали, хотя и очень полезно, не может раскрыть ее специфики. Но и отсутствие «институционного оформления» тоже, даже еще более, не позволяет этого сделать. Во-первых, существует целый ряд правил, предписаний, норм, также не закрепленных институционно, но тем не менее не относящихся к нравственности (технических, бытовых, гигиенических и т. п.). Кроме того, исторически, в зависимости от разных общественных условий, требования морали то подкреплялись, то не подкреплялись действиями социальных институтов. И мораль вовсе не переставала быть моралью от того, что прямо поддерживалась силой институционных санкций. Во-вторых, институционность—не только довольно внешний, но и весьма обманчивый показатель. Так, например, правонарушения, караемые законом, в своем подавляющем большинстве одновременно подвергаются открытому или скрытому моральному осуждению. По-видимому, специфику нравст-

венности следует искать не в разграничении сфер или внеинституциональном оформлении. Раскрывается специфика морали прежде всего, как нам представляется, на путях выявления ее функционального своеобразия, ее социальной незаменимости.

Нравственность как явление относительно самостоятельное, не слитое воедино с прочими формами общественного сознания, в ходе исторического развития отшлифовала свои «приборы» ориентации человека в социальной среде: оценки, императивы, членение социальных явлений на «добрые» и «злые» и т. д. От нерасчлененной формы освоения мира, где познавательный, императивный и эмоционально-художественный моменты были внутренне слиты, человечество перешло к более дифференцированным формам.

К. Маркс писал, что теоретический способ освоения мира отличается «от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира»³. Понятие «освоение», как нам думается, употреблено здесь не случайно. Это предельно широкое понятие, позволяющее различать науку, нравственность, искусство и т. д. как особые способы освоения мира, функционально. Практически-духовное освоение мира включает в себя моральное отношение человека к среде и самому себе. Определение морали как особого способа освоения, несмотря на свою широту и простоту, получает первостепенное методологическое значение, создавая возможность наметить наиболее эффективные пути определения нравственной специфики. Оно ориентирует исследователя на изучение особых способов и особого характера освоения человеком действительности, которые и определяют, в частности, своеобразие нравственности. Научный способ освоения мира человеком дает нам теоретическое познание, движущееся в дихотомии решающей противоположности истины и заблуждения. Художественное освоение мира есть его образное осознание. Осуществляется оно в немалой мере благодаря противоположности прекрасного и безобразного. Мораль является таким оценочно-императивным способом освоения социальной действительности, который связан с противоположностью добра и зла. Наука, искусство, мораль — три способа освоения мира, взаимно незаменимых в силу своей специфики. Проблема истины в прямом, узком смысле слова — центральная в научном познании; проблема художественного образа — в искусстве; проблема нормы с ее оценочным и императивным аспектами — в развитой морали. Разделившись в качестве форм практики и осознания человеком мира, они специфичны именно по способу

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 728.

освоения мира, что находит выражение и в специфике их проблем.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин никогда не сводили все своеобразные способы освоения мира человеком лишь к одному — к научному. Им довелось открыть и разработать подлинно научную теорию общественного развития, но их подход к нему никогда не был тождествен подходу «позитивистских сциентистов», вульгарно и на идеалистический манер абсолютизовавших роль научного познания в жизни общества. Вспомним хотя бы оценку К. Марксом творчества О. Бальзака или английских писателей-реалистов, которые, по его мнению, открыли миру в ряде аспектов больше политэкономических истин, чем классическая буржуазная политическая экономия. Основоположники марксизма-ленинизма отстаивали позицию гармонического сочетания различных, своеобразных способов освоения мира человеком.

В реальной практике различные способы освоения мира проникают один в другой, перекрещиваются в общественном сознании, взаимно дополняясь и обогащаясь. Притом их особенности — специфика истины, добра и красоты — являются оправданием их относительно самостоятельного исторического существования. Во взаимодействии различных способов освоения мира наука ныне в громадной степени увеличила свое значение. Однако она не может заменить собой иные способы, обладающие как своими особыми функциональными преимуществами, так и определенной ограниченностью. Общественный прогресс — и реальная, материальная основа развития этих способов, и их предмет, их сфера воплощения. Подчеркивая эту сторону дела, К. Маркс писал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», что «принимать *одну* основу для жизни, другую для науки — это значит с самого начала допускать ложь»⁴.

В нашей этической литературе часто приводятся слова Ф. Энгельса, который, подчеркивая прогресс в морали, назвал ее «отраслью» человеческого «познания», существующей наряду с другими⁵. Причем ударение делается на слове «познание», а слово «отрасль» (подчеркнем: особая, наряду с другими) не расширяется. Так что получается, что мораль — это нечто вроде такой особой отрасли познания, как, скажем, медицина или биология. А ведь Ф. Энгельс, как бы конкретизируя свою мысль в другом, тоже часто цитируемом, месте «Анти-Дюринга», писал: «...Апелляция к морали и праву в научном отношении несколько не подвигает нас вперед: в нравственном негодованием, как

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 595.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 96.

бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом»⁶.

Казалось бы, прямое противоречие: с одной стороны, мораль — как «отрасль познания» и, с другой — в научном знании ее данные — только «симптом». Но никакого противоречия здесь нет, ибо мораль как особый способ освоения мира человеком познавательна, причем ее не столь строгие и точные, как в науке, познавательные моменты подчинены регулятивной, или, говоря более точно, оценочно-императивной функции. Моральные предписания не могут подменить научное знание. Здесь они нередко только «симптом» тех или иных общественных изменений. И тем не менее в них зафиксирован особый прием ориентации человека в социальной среде. Знание в морали важно не вне отношения к социально-нравственным ценностям. Оно значимо, только будучи закодировано в императивах требуемого поведения, т. е. знание в ней существует в преобразованном, зашифрованном — через особый способ оценки, повеления — виде. Разумеется, в морали знание от того, что оно существует в особом виде, не теряет значения правильного или неправильного, соответствующего или не соответствующего объективной реальности. Но его специфика, его особый вид обеспечивают ему как свои, в плане ориентации поведения человека, преимущества, так и неизбежные слабости в сравнении с другими способами освоения мира человеком, в том числе в сравнении с наукой.

Познавательность, художественная образность, императивность присущи (хотя и в разной степени, в своеобразном преломлении) всем трем способам освоения мира, но играют в них неодинаковую роль. Мораль как особый способ обладает своими, вненаучными приемами ориентации человека в социальной среде, регулируя направленность его поведения. На эту сторону дела указывал Ф. Энгельс: «По законам буржуазной политической экономии наибольшая часть продукта *не принадлежит* рабочим, которые его произвели. Когда же мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть,— то до этого политической экономии непосредственно нет никакого дела. Мы говорим лишь, что этот экономический факт противоречит нашему нравственному чувству... Но что *неверно в формально-экономическом смысле*, может быть верно *во всемирно-историческом смысле* (курсив мой.— А. Т.) Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот

⁶ Там же, стр. 153,

факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым»¹.

То, что «неверно» в формально-теоретическом отношении, оказывается все-таки «верно». Разве это не парадокс? Не выглядит ли это даже как ущемление правомочности научного знания? Ни в коем случае: Ф. Энгельс здесь по существу указывал на функцию предвосхищения, особый подход морали к явлениям социальной действительности, отличающийся от научного установления фактов и от научного предвидения, но не лишенный познавательного значения. Правильность морально-познавательной квалификации фактов проверяется не прямым ее тождеством с теоретической трактовкой фактов общественного развития определенного периода, а ее соответствием общеисторическим перспективам поступательного движения человечества, перспективам, которые улавливаются не только научно (научное предвидение, гипотезы и др.), но и морально. Причем на определенном историческом этапе познания этих перспектив, а именно тогда, когда полноценное научное предвидение еще не достигнуто, моральное предвосхищение будущих контуров социального развития, связанное с определением важных социальных целей, с ожиданиями известного будущего и борьбой за него, оказывается незаменимым. Хотя оно и не может по точности, строгости и обоснованности соперничать с научным предвидением, но играет исключительно благоприятную роль — и не только как программа массового поведения людей по изменению социальной действительности, а также и как ценностная установка, стимулирующая эвристические усилия ученых.

Говоря об эвристической, познавательной функции морали, сравнивая ее с научным познанием, мы постоянно должны иметь в виду всю сложность этого сравнения. Проблема специфики морали в немалой степени раскрывается во взаимодействии ее исторически сформировавшихся функций. Марксисты, изучающие мораль в нашей стране и за рубежом, выделяют ряд таких главных функций: познавательную (ее почему-то неудачно называют иногда гносеологической, хотя познавательный и теоретико-познавательный, т. е. гносеологический, моменты — не одно и то же), оценочную, императивную, мотивационную, ориентирующую (воспитательную) и др. Функции морали, раскрывая ее роль в социальной жизни, свидетельствуют о своеобразии ее как способа освоения человеком социальной действительности. В механизмах функционирования нравственного сознания заложено

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 184.

жены разнообразные «приборы» ориентации человека в социальной среде, способы социализации регуляции коллективного и индивидуального поведения. Эти «приборы» нельзя просто заменить научными рекомендациями. В практике повседневного морального выбора это невозможно да и не нужно. К тому же при общем рассмотрении обнаруживается, что нормы, оценки, идеалы, запреты, требования морального обычая, этикета и т. п. нередко не только не отличаются научной строгостью заключенного в них познавательного момента, но и почти его не имеют, существуя как иллюзии, предрассудки, суеверия. В социологии морали давно обратили внимание на эту проблему, а ряд буржуазных мыслителей (М. Вебер, В. Парето, Г. Моска, Б. Кроче и др.) незамедлительно попытались интерпретировать мораль как антагониста науки, как сферу, удобную для отвержения самой истины. Однако прогресс нравственного сознания, особенно в наше время, ведет к тому, что оно постепенно избавляется от этих предрассудков и иллюзий. Вместе с тем моральный способ освоения человечеством мира есть специфический способ: здесь познавательный момент подчинен регулятивной и, если говорить более узко, оценочно-императивной функции. Вот почему различные составные части моральных требований могут иметь различие в научно-познавательном и ценностном отношении. Познавательный момент может быть выражен искаженно (или даже выступать как полная иллюзия), а ценностное содержание морального требования — тем не менее соответствовать перспективам поступательного развития общественных отношений, иметь прогрессивное значение в регуляции поведения. Историческая ценность того или иного морального требования должна, следовательно, определяться не только по верности познавательного момента, в нем заключенного, но прежде всего по его регулятивной роли, которая может соответствовать или, наоборот, противоречить передовым историческим тенденциям.

Конечно, можно считать закономерным в исторической динамике нравственности то, что реакционные моральные требования, как правило, опираются на силу предрассудков, суеверий, будучи весьма нетерпимы к правильным в познавательном отношении оценкам социальных явлений. Передовая мораль содержит всегда намного больше верного знания, воплощаемого в мотивации и «объяснении», чем реакционная. Это несомненно. И все же самое главное в том, что передовая мораль в своей ценностной ориентации, предлагаемом идеале, нормах и запретах нащупывает правильные, более высокие пути жизни человека, соответствующие ведущим историческим тенденциям, «уга-

дывает» их и открывает людям (даже если допускает неадекватную и в познавательном отношении иногда недостаточную форму объяснения, оправдания). «Виной», причиной такой неадекватности, иллюзорности являются незрелость, неполнота социального знания. Моральный способ освоения человеком социальной среды иногда прогрессирует, двигается вперед, заполняя пробелы социального знания вынужденными, временными иллюзиями обыденного морального сознания. Нужно иметь в виду, что он и не в силах научно отражать социальные отношения, ибо это не его задача. Потому здесь и возникает широкая возможность прибегать к иллюзиям как подтверждению, обоснованию, оправданию, мотивации позиции. Мораль реализует свои, интуитивно-чувственные способы ориентации человека в социальной среде, «приспосабливая» (иногда удачно, иногда нет) к этим способам и познавательный элемент. Когда знание и иллюзия сталкиваются в общественной психологии, живучесть иллюзии объясняется не только специально-классовыми причинами, но и тем, что в ней нашла свое оправдание и «объяснение» действующая, практикуемая норма поведения.

Разумеется, исторические формы объяснения можно изменять, они меняются с прогрессом социального знания. Но для этого необходимо время. Кстати сказать, нередко то или иное моральное требование, облаченное в одежды иллюзий и предрассудков, со временем теряет одежды — его прежнее иллюзорное «обоснование» забывается, но регулятивный эффект, воздействие на поведение человека сохраняются. Для этого требования должны обрести устойчивость общепризнанности и, пройдя данный этап, заостенеть в привычке.

Нравственность — особый прием ориентации человека в социальной среде, в частности избирательный, коммуникативный и ценностно-конструктивный. Для морального сознания характерны напряженный поиск ценностно-нормативного смысла поступков и отношений людей, резкое усиление этого смысла и на этом основании — оценка социальных взаимосвязей в обществе. Моральное сознание помогает установить связь поступка (поведения) с принятой в обществе ценностью. Моральная оценка — это особый, ориентирующий акт, неразрывно связанный с избирательным предпочтением нужного ориентира, нормы поведения.

Избирательный характер моральной ориентации проявляется на всех ее уровнях: подсознательном, эмоциональном, логико-рефлексивном. Определение достойного поступка может проводиться и в мировоззренческих координатах, путем теоретико-понятийного установления социальной ценности поступка,

и посредством моральной интуиции, своеобразной логики чувств, и даже с помощью непосредственного узнавания нравственной ценности. Моральное восприятие и не только на уровне чувств, но, вероятно, даже на уровне подсознательного,— изобразительно.

Нередко нравственные эмоции считаются чем-то спонтанным, составляющим лишь «фон» морального выбора, совершаемого с помощью чисто логических средств. Однако это не так. Моральные чувства имеют свою, весьма сложную и эффективную логику ориентации, со своими своеобразными психологическими механизмами. Специфику морали как определенного способа освоения мира человеком нельзя верно выделить, игнорируя особую роль морального чувства. Непосредственное узнавание, «схватывание» нормативной ценности, моментально-интуитивная оценка, определяющая (причем именно морально) значение того или иного поступка, события, поведения и т. п.— все эти явления, присущие нравственному сознанию, в немалой мере характеризуют его именно в плане его специфики. Если даже в научном познании исключительно велика роль «интеллектуальной интуиции», т. е. «прямого постижения умом истины»⁸, то в регуляции поведения человека роль моральной интуиции еще более велика. Здесь мы сталкиваемся со специфическими психологическими механизмами нравственного сознания. Моральные эмоции — не «шумовой фон» рациональной рефлексии. Это не нечто хаотичное. На самом деле они внутренне организованы и достаточно определенно соотносятся со стандартными ситуациями, с привычной расстановкой ценностей и т. п. Моральное чувство — это упорядоченная, целенаправленная реакция, диктуемая определенным эталоном эмоционального поведения. Социальная обусловленность таких эталонов во многом общеизвестна: на свадьбе не следует грустить, на похоронах — выражать радость и веселье и т. п.

Моральная интуиция занимает немалое место не только в функционировании нравственного сознания, но и в объективной «ткани» поступков, нравственных отношениях и т. д. Без нее были бы невозможны полноценные межличностные нравственные контакты. Она позволяет даже по отдельному штриху — поступку, слову, жесту, интонации, гримасе — уловить нравственную позицию другого человека, а также его моральные качества. Моральная интуиция быстро располагает на определенной «шкале» ценностей предполагаемые моральные качества личности, совершившей тот или иной поступок. Причем такое интуи-

⁸ В. Ф. Асмус. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1963, стр. 6.

тивное действие носит не столько логический, сколько оценочно-эмоциональный характер. Реакции человека на поступок другого нередко заключены как свернутые программы поведения в моральную эталонность выбора. Эти «программы» в динамике моральной коммуникативности корректируются, дополняются, иногда ритуализируются. Необычная, непредусмотренная реакция на поступок вызывает потребность в переосмыслении позиции индивида. Ритуализация поведения исключает возможность частого переосмысливания, искания нравственной ориентации в каждом отдельном случае. Следовательно обычай, этикет, при посредстве которых совершается такая ритуализация, с одной стороны, выглядят антиподами моральной интуиции, ее заменой внешними шаблонами и стереотипами поведения, безразличными к нравственным переживаниям, исканиям субъекта. В своих косных разновидностях ритуализированные формы поведения действительно сковывают, подавляют развитие нравственного сознания человека, в том числе такого тонкого, чуткого указательного «прибора» его, как интуиция. Вместе с тем, с другой стороны, развитые системы ритуализированного поведения могут формировать весьма изощренные механизмы моральной интуиции, особой, «этикетной», культуры нравственных чувств. Запас нравственной культуры, заключенный, в частности, в этикетных предписаниях, оказывается ценнейшим условием формирования морального поведения, в том числе в его творчески гуманистических разновидностях. Эта противоречивость связана с общей диалектикой нормы, обычая, этикета.

Во многих этических работах до сих пор, к сожалению, явно преувеличенно, неадекватно реальной «механике» морального выбора современного человека оценивается роль нравственной рефлексии и недооценивается значение нравственных чувств, интуиции. Психологический интроспекционизм с его постулатом о тождестве психического и осознаваемого до сих пор лежит в основе подобных этических построений. Тот факт, что психологическая наука давно преодолела этот постулат, показав его ущербность и вред, как-то незаметно игнорируется многими исследователями морали. Этот ошибочный подход был в свое время последовательно продемонстрирован В. Вундтом в его «Этике». В этой работе самонаблюдение, моральная рефлексия не только отождествлялись с общим механизмом нравственного сознания, но и принимались в качестве основного поискового способа вскрытия строения этого сознания. И, разумеется, неудача, постигшая В. Вундта и его последователей на этом пути, вовсе не была случайной, продемонстрировав неправильность их пони-

мания психологии морали. Однако если в психологии эти позиции оказались подорванными всем ходом развития научных знаний о человеке и его мышлении, то в этике они периодически еще отстаиваются. Конечно, это объясняется не столько недостаточным контактом представителей двух дисциплин, сколько мыслительными традициями, сложившимися в этике. До сих пор моральный выбор (а нередко и вся мораль) у ряда авторов выглядит как рефлексия: будто бы маленький «гомункулус» в голове каждого человека играет роль «бухгалтера от морали», суммирует с помощью арифмометра «долга» все данные внешней среды, сравнивает свои личные интересы с общественными, с опаской оглядывается на «понуждающие» нормы и затем выбирает определенный способ поведения. Мораль оказывается уже не функцией, аспектом, способностью всей психической жизни человека, даже не всего сознания — она становится делом лишь этого «гомункулуса» — нравственной рефлексии. Сам рефлектирующий «гомункулус» при этом, разумеется, выступает как самоочевидность, не нуждающаяся в объяснении и в то же время все объясняющая. При таком подходе, однако, не только нравственные чувства, переживания человека в моральном выборе выглядят лишь неким побочным явлением, «аранжировкой» работы арифмометра рефлексии, но и сама рефлексия, которой приписывается роль всемогущего «дирижера» нравственной жизни людей, по сути представляется примитивно, упрощенно, урезанно. Ее результат — моральный выбор — выступает как бухгалтерский «учет». Вся сложность феномена морального выбора, благодаря которой он производится не только иногда мгновенно, непосредственно, но и на «комплексном» поисковом уровне, пропадает, игнорируется. А ведь моральное сознание — целостный поисковый ансамбль, обеспечивающий специфическое освоение социальной действительности совсем не элементарными средствами. Рефлексия является лишь одним из аспектов нравственной жизни, частью общего способа моральной ориентации человека.

Несомненно, роль моральной рефлексии, самоанализа весьма велика и в моральном выборе, и в нравственных исканиях вообще. Моральная рефлексия — такая следящая система, без которой невозможна сознательная регуляция поведения. Но реальную и важную способность человека к моральной рефлексии нельзя превращать в источник преувеличений и этических спекуляций. Действительное богатство нравственной жизни индивида нельзя обесценивать, ограничивая его теми отблесками в зеркале рефлексии, которые обыденному рассудку кажутся самоочевидными (и единственными) проявлениями «моральности»

сознания. Многие компоненты структуры нравственного сознания как функционально-целостной системы действуют вовсе не на основе рефлексии и попадают под контроль самонаблюдения лишь в особых социально-нравственных ситуациях. Да и сама моральная рефлексия не дана индивиду изначально. Она формируется тогда, когда условия общественной жизни вынуждают его использовать механизмы рационализированного морального самоконтроля. Моральная рефлексия — исторический продукт развития нравственного сознания, совершенствования его структуры. Она возникает наряду с иными своеобразными компонентами этого сознания, которые к рефлексии никогда не сводимы. Преувеличение смысла и значения роли моральной рефлексии в этике — также исторический результат, вполне объяснимый для своего времени как попытка перенести на мораль односторонне понимаемый «рационализм». Такое преувеличение ныне представляет собой лишь остаток недиалектического подхода к жизни человека.

Моральное сознание являет собой пример особого рода мышления, которое оперирует не только отдельными категориями, а и целыми «смысловыми образованиями», определенными «ансамблями команд-оценок», органически соединяющими в себе рациональное и эмоциональное. Аффективно-эмоциональное, чувственное в морали как особом освоении социальной среды человеком играет не только большую, но и более своеобразную роль, чем, скажем, в научном познании⁹. Здесь нравственное сознание ближе всего образному мышлению — художественному. Да и сама этика как наука о морали вместе с эстетикой соприкасается с этим способом мышления, пожалуй, больше, чем какая-либо иная гуманитарная дисциплина.

Нравственные чувства — интериоризованные представители общественного начала в человеке. Они, несомненно, возникают позже чувств, имеющих чисто биологическое значение и обеспечивающих удовлетворение физиологических потребностей (голода, жажды и т. п.). Широко известна принципиальная мысль К. Маркса, рассматривавшего и эти чувства в человеке как социальные, изменившие свою природу. Более того, К. Маркс рассматривал чувства человека — человека социального — как его сущностные силы. Столь высокая их оценка вытекала из истори-

⁹ Различие морали рефлексивной, «рассудочной», и морали чувственной, «импульсивной», давно занимает этическую мысль как в связи с оценкой кодексов нравственности, так и в связи с воплощением морали в индивидуальном характере. В советской литературе основы критики тех направлений буржуазной этики, которые абсолютизируют роль нравственного чувства, см.: *О. Г. Дробницкий, Т. А. Кузьмина. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967.*

ческого взгляда на формирование личности и ее сущности. Именно «благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз — короче говоря, такие *чувства*, которые... утверждают себя как *человеческие* сущностные силы... *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории»¹⁰. Историчны, следовательно, не только мысли, но и чувства человека, в частности моральные чувства. Вся психика человека начиная от ее сенсорных корней находится в зависимости от истории общества, истории его культуры.

Вероятно, в большинстве реакций индивида на социальную информацию присутствуют нравственные чувства. Они активизируют психику личности в целом, предоставляя ее познавательным усилиям ориентиры моральных ценностей. Но особенно они активизируют волю человека, его готовность к действию и настойчивость его исполнения — тонус и темп поведения зависит во многом от них. Если все чувства человека «настраивают» его на деятельность в социуме, то моральные чувства — «настройка» на социально значимые ориентиры поведения. Настройка нередко мгновенная, во многом интуитивная. Моральные чувства, как и другие чувства, суть сублимированное, по словам советского психолога П. Я. Гальперина, «свернутое» действие. Связь морального чувства и поступка обнаруживается, таким образом, не только в генетическом, но и в структурно-инструментальном аспекте. Однако нравственные чувства в отличие от других чувств привязаны к «свернутому» действию, рассматриваемому всегда под определенным углом зрения: в координатах взаимодействия добра и зла. Как верно замечает Ю. В. Согомонов, «лишенное эмоциональности добро становится бессердечным, ригористическим и содержит в себе серьезную опасность превратиться в антигуманное или лицемерное действие». И еще: «Понятно, что одно только рассудочное восприятие добра и зла является слишком большой нагрузкой на сознание. Вместо быстрой и точной реакции возникает нескончаемая цепочка споров с самим собой»¹¹. В сфере подсознательного процедурные звенья восприятия и поддержания «должного» поступка как бы сокращаются, хотя и не теряют последовательности. «Свертывается» при этом и процесс мотивации. От рационального обоснования поступка остается просто связь с той или

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 593—594.

¹¹ Ю. В. Согомонов. Добро и зло. М., 1965, стр. 54.

иной ценностью, только чувство правильного или неправильного действия.

В морали как своеобразном способе освоения мира человеком играет значительную роль нравственная интуиция. Поэтому отголоски настороженного отношения к интуиции, еще встречающиеся здесь (как они встречаются, хотя и редко, и в гносеологии), совершенно неоправданны в этике. В ней они особенно архаичны, ибо ведут к игнорированию важнейших, специфических функциональных механизмов нравственного сознания. Ранее некоторые философы под предлогом борьбы с идеализмом вообще отвергали в материалистической гносеологии роль «непосредственного знания» (интуиции). Сейчас часто можно встретить утверждение, что интуиция — лишь вспомогательный, побочный элемент в познании. Видимо, такая постановка вопроса даже в собственно гносеологической области выглядит односторонне. Все дело ведь в том, какие конкретные задачи решает мышление. В зависимости от этих задач интуиция и играет разную роль — от вспомогательной до одной из основных. Но то, что одностороннее в гносеологии, вдвойне односторонне и примитивно в применении к морали, где оценочно-императивная функция невозможна без интуиции.

Интуиция здесь выступает в единстве чувственных и рациональных своих моментов как способ ускоренной, непосредственной ориентации в мире социальных ценностей. Причем это не просто механизм «свернутой» мгновенной реакции, построенной на провозглашенных в обществе и усвоенных индивидом нормах. Интуиция — не обязательно некая сублимированная «рутина» жизни морального сознания, взятая в его чувственных, полусознанных формах (хотя она и может быть таковой). Ее смысл значительно шире, значение весомей. Можно говорить о «продуктивной», творческой моральной интуиции, которая в моральном выборе дает верное, перспективное решение, несмотря, скажем, на недостаток опыта в данной ситуации. Выходя за пределы того, что непосредственно логически следует из ограниченного набора данных опыта, она может давать оценку, созвучную более широким историческим тенденциям и перспективам, вероятным путям движения истории. Более того, моральная интуиция может в помощь индивиду увидеть фальшь применения какой-либо нормы в той или иной конкретной ситуации, причем тогда, когда «факты» ситуации и норма, казалось бы, прямо соотносимы, т. е. она позволяет почувствовать скрытую ограниченность нормы и перейти в этом случае к более широким и морально более верным нормативным оценкам ситуации. В этом своем качестве моральная интуиция в историческом

плане — буревестник изменения самих норм и запретов, инструмент нравственного творчества в поведении человека. Моральная интуиция, таким образом, может выполнять весьма разную роль в зависимости от того социально-исторического содержания, которое она выражает: это могут быть прозрения как ретроспективного, так и перспективного (подобно предвидению) характера.

Если даже в науке трудно различить интуицию чувственную и интеллектуальную, то в морали такое различие еще более условно. Ибо сама мораль есть синтез чувственного и рационального, конкретного и абстрактного, и в этом — тоже своеобразие ее как особого способа освоения мира. Это такое рациональное, которое само оперирует эмоционально-волевыми «ансамблями». Это единство абстрактного и конкретного на ином, чем в науке, уровне освоения мира человеком, когда абстрактное не уходит скитаться вдаль от конкретного. Это такое «абстрактное», которому, как правило, и не нужно пускаться в эти скитания, ибо оно сильно и эффективно именно своим способом соединения с конкретным, решением своих, особых задач — задач оценочно-императивной ориентации поведения человека в социальной среде. Мораль может и не выражать (ей не обязательно) мысль в чистом виде (в виде логически стройной научной истины): это прерогатива науки, а не нравственности. Отражая окружающую человека социальную действительность, заключая в себе познавательные моменты, мораль пользуется ими в преображенном виде, специфически *императивно*, в связи с полярной противоположностью добра и зла.

Интуиция вообще, моральная в особенности, позволяет видеть целое раньше его частей, своеобразно возмещает недостаток точных данных о ситуации, ценностный смысл которой требуется установить. Роль моральной интуиции наряду с рациональными процедурами мотивации, долга и т. п. важна в конкретной ситуации. Здесь, если, например, сталкиваются две положительные нормы, рассудок находится нередко в затруднении. Тут-то и приходит на помощь интуиция: по незаметным приметам ситуации, отмеченным в эмоционально-нравственном опыте индивида, она помогает принять правильное решение. Там, где рассудок видит неразрешимость и находится в состоянии Буриданова осла, моральная интуиция нащупывает неулавливаемые логикой (по крайней мере сразу) различия, подводит к требуемой оценке, решению, которое выглядит нередко как озарение. Где для сложных процедур мотивации и логического самоанализа не хватает времени, где решение надо принять мгновенно, там особенно велика роль интуиции.

Моральные чувства, настраивающие человека на действия в соответствии с выработанными в обществе ценностями, непосредственно входят в психические установки личности, определяя ее готовность к совершению нравственно-значимых поступков. Они стимулируют моральную мотивацию — осознание побуждений личности. Более того, нередко само моральное чувство осознается человеком как причина (и оправдание), как мотив того или иного поступка. Закрепляясь в стереотипах поведения, сочетаясь с принципами мировоззрения, нравственные чувства как устойчивые инварианты входят в моральные качества личности. Моральные качества позволяют личности не только приписывать другому человеку мотивы его поступка, но и сопереживать их эмоционально. «Приписать мотив» — это уже значит сделать определенное заключение о внутренних нравственных переживаниях другого человека. Нравственные чувства вызывают идентификацию с другой личностью, ее радостями и страданиями. Без такой эмоциональной идентификации нравственная коммуникативность межличностных отношений была бы опустошена, обескровлена.

Впрочем, эта идентификация может носить отчасти и характер рациональной процедуры, сочетаясь, например, с воображаемой «репетицией» вероятных оценок со стороны окружающих, которую индивид продельывает, прежде чем совершить поступок. Здесь особенно велика роль моральной мотивации и самоанализа, протекающего нередко в форме незримого собеседования, обсуждения морального выбора с теми, чья нравственная оценка предполагаемого поступка важна для человека. Подобное собеседование позволяет предвосхитить нравственную реакцию окружающих, а также выбрать и оправдать нужный способ поведения. Таким образом, в процедуре внутреннего морального собеседования коммуникативность нравственного сознания прямо выражается. Формирование моральной самооценки индивида, ее «воспитание», следовательно, в немалой степени зависят от развитости чувства идентификации, от способности к внутреннему моральному собеседованию.

Чувство как выражение нравственной позиции к другой личности становится устойчивым ощущением симпатии или антипатии, любви или ненависти к ней. Такие моральные чувства также самым непосредственным образом влияют на межличностные отношения. Подобные моральные «персонифицированные» чувства, несомненно, индивидуально довольно различны. Их глубина, свежесть и точность меняются вместе с возрастными этапами жизни человека.

Нравственная деятельность сознания человека как бы трех-

слойна, протекает в трех «измерениях»: подсознательно, в форме игры чувств и страстей и в виде логико-понятийных процедур выбора, нравственного анализа. Разумеется, сфера подсознательных механизмов, область чувств одобрения и осуждения, область логических суждений (в том числе такой их разновидности, как рациональный самоанализ) связаны взаимопереходами. Состояние моральной неудовлетворенности, неустроенности (или, напротив, удовлетворения), накапливаясь в подсознании, вызывает движение моральных эмоций, где в чувственно-образной форме начинается определение нравственной позиции индивида. Сфера морально-эмоциональная — через ценностные ориентации, предпочтения и т. д. — оказывает воздействие на моральный выбор, совершаемый в логико-понятийных процедурах.

Морально верная оценка складывается в результате взаимодействия различных слоев сознания. Это — эвристическая, поисковая подготовка морального сознания к выбору и оценке. Моральные чувства связывают эту поисковую установку сознания со всем нравственно-эмоциональным опытом индивида, выявляют привычные «комплексы» чувств и ориентиров поведения, признаков ситуации, в которых индивидуально закрепился этот опыт. Эти «комплексы» как бы изнутри, в масштабах скрытой расстановки принятых ценностей и ориентаций, могут объединять в единые «пучки» целые ансамбли понятий, суждений и т. п., причем в отдельных случаях даже противоречиво, казалось бы, «нелогично». (Этот факт был выявлен психологом Юнгом в исследовании «субъективных ассоциаций».) Наконец, логико-понятийная процедура различения ценностей, морального выбора применяется в наиболее сложных ситуациях и завершает, объединяет всю работу нравственного сознания. Обратное воздействие этой процедуры на чувства и вместе с тем на поведение индивида, имея относительно самостоятельное значение, может быть решающим.

Исследование моральных чувств важно еще и потому, что они являются динамичным полем, непосредственно связывающим осознанное и бессознательное в психической жизни человека. Волны чувств доносят до сознания человека, делают предметом моральной рефлексии самые отдаленные побуждения, самые скрытые движения души. Они же уносят и закрепляют в подсознательных стереотипах устойчивые, ставшие непреложными для индивида нравственные правила поведения. Этот механизм «перелива» сознательного и бессознательного чрезвычайно важен для понимания нравственного формирования личности. Недаром прогрессивные психологи и педагоги придают ему столь боль-

шое значение. Психологи многими опытами показали, что взаимодействие и взаимопереходы сознательного и бессознательно-го в самых различных сферах поведения человека весьма широки. Таким образом, нравственная оценка многих явлений, которая не фиксируется обычно сознанием человека (он может считать их «внеморальными»), закреплена в его подсознании. Можно предположить, что в подсознании существует свое «силовое поле» моральных ценностей, с определенной конфигурацией связи и зависимости, адекватной индивидуальному нравственному опыту человека. Действие этого поля во многом позволяет непосредственно узнавать, угадывать в окружающей среде ценности, моментально различать «доброе» и «злое», вызывать ощущение одобрения, симпатии или осуждения, антипатии. Чувства оказываются исключительно тонким избирательным механизмом моральной оценки: моральная окраска чувств — это, таким образом, не просто сопутствие сознательной рефлексии, а особый способ нормативной классификации и систематизации окружающих явлений, лиц, их поступков. Вместе с тем очевидно, что моральное осознание поведения и рационализированная самооценка имеют не только большое самостоятельное значение в деятельности нравственного сознания в целом, но и в определенной степени выступают в функции управления с нижними этажами психики человека. Их огромная роль в моральном выборе, формировании нравственной ответственности, убежденности, последовательности и т. д. достаточно широко показана в нашей этической литературе. Меньше внимания исследователи обращали почему-то на то, как рационализированная рефлексия воздействует на весь строй моральных чувств, всю гамму нравственных эмоций, систематизируя и упорядочивая их динамику. Через рационализированную моральную рефлексию, в частности через мотивацию, во внутренний мир личности, в том числе в игру ее страстей, ее симпатий и антипатий, вводится дисциплинирующее мировоззренческое начало. Таким образом, рациональные слои нравственного сознания человека не только испытывают на себе воздействие чувств, эмоций, не только стимулируются влечениями, потребностями, зародившимися в глубинах подсознательного, но и активно, целенаправленно обратно на них воздействуют. Эти слои — не некий пассивный объект воздействия, они сами играют активную роль, придавая нравственному сознанию *единую целенаправленность*, соединяя составные его части и функционирующие механизмы в единую *целостность*. Если это верно по отношению к отдельному индивиду, то еще более верно это по отношению к общественному сознанию классов, групп и т. д. Рационализированная моральная

мотивация может казаться неустойчивой в сравнении с установками, потребностями, строем чувств и характера только в том случае, если нравственность рассматривается через призму индивидуального морального выбора, на уровне поведения отдельного человека. (Но даже и на этом уровне анализа, если нравственное сознание цельно, а не разорванно, мотивация и чувства, рациональная самооценка и потребности оказываются соединены в диалектическом взаимодействии, взаимообусловленности.) Ведь то, что в психической жизни индивида может оказаться весьма неустойчивым, подвижным в сравнении, скажем, с существенными особенностями его характера, т. е. мнения и мотивация поступков, оказывается устойчивым и весомым, будучи закреплено в моральных кодексах классов и групп. В широких исторических масштабах значительность личностных особенностей характера, строя чувств и потребностей оказывается ниже, так как случайности личностного своеобразия «уравновешивают» друг друга в масштабах массового поведения. Моральная мотивация, ее целенаправленность здесь выглядят заметнее, значительней, чем многообразные особенности индивидуальной нравственной жизни. Будучи фиксированы в опыте многих поколений, они становятся мощными побудителями моральной жизни масс людей (классов), стимулами большой эмоциональной силы и устойчивости. Их воздействие, особенно в периоды прогрессивных исторических переломов и революции, простирается на установки, ориентации, чувства, потребности индивидов и формулирует новые нравственные характеры людей, причем в массовом масштабе, в последовательной смене поколений.

Марксистско-ленинская этика подходит к взаимодействию чувственного и рационального в морали диалектически, т. е. рассматривает их во взаимодействии, взаимообусловленности, не отрывая и тем более не противопоставляя их друг другу. И здесь она противоположна как иррационалистическим доктринам этики, стремящимся изобразить разум простой марионеткой непознаваемой «игры страстей», так и антисенсуалистическим, позитивистским концепциям, отвергающим ориентирующее значение нравственных чувств. Для обоих этих подходов характерен разрыв чувственного и рационального, противопоставление их друг другу. Марксистско-ленинская этика, используя общую методологию диалектико-материалистической гносеологии, напротив, исходит из их единства, взаимозависимости (причем требует учитывать специфику этого единства, отличающую мораль как особый способ освоения мира человеком от науки).

Буржуазные авторы всячески драматизировали факт зависи-

мости рациональной мотивации от более глубоких, в том числе подсознательных, структур сознания. Даже в тех случаях, когда они не приписывают этим бессознательным стимулам роль безусловных, безотказно действующих программ, полностью и автоматически предопределяющих разумную жизнь человека (как это делали фрейдисты), они часто в той или иной степени приписывают области бессознательного темный, низменный, животное-аморальный смысл. Тот факт, что область подсознательного у человека состоит из нескольких слоев и что «социализованные» слои играют здесь решающую роль, ими обычно игнорируется. А ведь многие устойчивые структуры подсознания человека глубоко социальны и морально благородны. Они содержат в себе громадный нравственный, т. е. социально-значимый, опыт.

Между этими «слоями» и рационализированным сознанием поведения существует весьма сложная взаимосвязь, никак не сводимая к односторонней детерминации. Эту связь нельзя драматизировать, видя в ней свидетельство лишь иррационализма жизни человека или подчиненности его темным, животное-низменным комплексам. Весь вопрос здесь состоит, следовательно, в том, какие по историческому содержанию (передовые или реакционные) сознательные моральные мотивы и подсознательные побуждения вступают во взаимодействие в сознании человека, в игре его страстей и последовательности поступков.

Ошибка фрейдизма состояла не в том, что им была акцентирована проблема соотношения подсознательных импульсов и рационально обоснованных норм, а в том, как она решалась. Моральные нормы, запреты, требования З. Фрейд рассматривал преимущественно как социально-обусловленные факторы рационального мышления (на уровне «я» и «сверх-я»). Именно им отводилась роль цензоров, стражей чистоты нравственного сознания. Считалось, что именно под их воздействием в область бессознательного загонялись недозволенные побуждения, импульсы, инстинктивные влечения. В действительности же важные психологические механизмы нравственного сознания находятся как на уровне сознательного, так и в сфере подсознательного, т. е. проблема выглядит «не по Фрейду»: не как соотношение моральных запретов в сфере осознанного (рационального) с аморальными влечениями в области инстинктивного, подсознательного. Это проблема расположения компонентов нравственного сознания на разных уровнях — осознанном и подсознательном, проблема различных способов функционирования моральной структурности. К тому же взаимодействие осознанной сферы с подсознательной не сводится к функции запрета, как это

утверждали фрейдисты. Эта ошибка фрейдизма выросла из извращенной «саморефлексии» буржуазного индивида XIX—XX столетий. Представление о морали как преимущественно запретительном феномене — не более чем поверхностная иллюзия «несчастливого» буржуазного сознания. Главная функция морали — стимулировать положительное поведение. Нравственное сознание, построенное на одних запретах, не может в общесоциальном плане существовать сколько-нибудь длительное время. Сам рост удельного веса запретов в общем содержании морали, если он наблюдается, свидетельствует о ее неблагополучии, об истощении тех социально-исторических источников, из которых она черпала силу. Нельзя также считать, что моральное подсознание, многие пласты чувств и эмоций — дочеловечно, составляет чуть ли не животный слой психики. История давно очеловечила и приспособила к нуждам социальной жизнедеятельности подсознание человека. Разумеется, здесь еще предстоит очень многого добиться в смысле решения той задачи, которую Ф. Энгельс определял как установление господства человека над самим собой, над своим собственным внутридушевым миром. Разумность и гуманизм исторически были весьма прочно связаны. Теперь пришла пора в большей мере овладеть «нижними этажами» и «подвалами» психики человека (как, впрочем, в большей мере овладеть и возможностями человеческого разума), не только внедрять в сознание высокие моральные нормы и принципы, но и облагораживая сами чувства и побуждения человека в сфере подсознательного, теснее связать гуманизм не только с передовой мыслью, но и с искренним чувством, состраданием, совестью, причем связать, так сказать, «внутридушевно», в самых глубоких подсознательных механизмах функционирования. Но эта грандиозная по историческим масштабам задача переделки человека, переделки всей его психики, по плечу только новому общественному устройству — коммунистической общественно-экономической формации.

Область морального проявляется в реальном поведении людей. Моральные устои жизни личности и социально-значимые области ее устремлений оказываются единой системой. Сфера морали охватывает как субъективные, так и объективные плоскости бытия человека. Изучение особенностей функционирования нравственного сознания приводит нас к проблеме его социальной обусловленности. Моральные ценности, утверждаемые обществом, выступают ориентирами функционирующего индивидуального сознания; непрерывно происходит «перемещение» ценностей из системы внешних связей во внутреннюю субъективно-личностную структурность и обратно: из внутренней структур-

ности — в сетку общественных ценностей. «Внешние» ценности социальной сферы посредством усвоения человеком преобразуются во «внутренние», становятся содержанием нравственного сознания личности.

Следовательно, проблема специфики морали раскрывается не только посредством выявления ее особых характеристик как способа освоения мира, но и путем выявления ее структуры, которая конкретизирует эту проблему. Причем здесь надо говорить о структуре в ее объективных и субъективных параметрах: как о системе нравственных отношений, закрепленных в стереотипах поведения, ценностях и т. п., и о структуре морального сознания, рассматриваемого в конкретно-функциональной целостности. Поведение людей в обществе, будучи относительно устойчивым и повторяющимся, объективирует нравственные ценности, ориентации, позиции людей. Картину объективированной, действующей в обществе морали раскрывает перед нами целая совокупность ее показателей: определенная сетка ценностей, утвердившаяся и воспроизводимая в общественных отношениях; пути и способы моральной коммуникации; особый моральный «код», как принятый способ расстановки ценностей в общественном мнении; объективно типичные ситуации нравственного выбора и соответственно — своеобразные моральные проблемы, которые приходится решать индивиду, классу, обществу; способы закрепления требуемых решений, социальные санкции и т. п.; уже превратившиеся в массовые, ставшие реальностью поведения больших (в том числе классовых) групп стереотипы и образцы, а также многочисленные этикетные и традиционные правила, воплощающиеся в каждодневном образе жизни, нравах и многое другое. Нравственные отношения выступают при этом как аспект социальных отношений. А так как социальные отношения были исторически разнокачественными, специфическими, то таковыми выступают и нравственные отношения, определенные системы принятых ценностей и т. п. Исторический тип социальной связи определяет и исторический тип личности как совокупности определенных общественных отношений. Именно *тип* социальных связей предопределяет и своеобразие той или иной морали, выступающей как способ освоения социальных условий человеком в ту или иную эпоху.

В мировой истории можно выделить *четыре* крупных *типа* социальных связей и соответственно *четыре* крупные *системы* нравственных отношений и *четыре* *структуры* нравственного сознания, их отражающих (не считая, разумеется, переходных форм). Первый тип — это родовые, кровно-племенные отношения, соответствуют эпохе первобытнообщинной формации. Второй тип —

это отношения личной зависимости, непосредственного господства и подчинения в рабовладельческой и феодальной формациях. Третий тип— отношения «вещной» зависимости, господствующие над формально автономными индивидами и составляющие механизм капиталистической эксплуатации. Четвертый тип — это свободная общественная взаимосвязь ассоциированных индивидов, сообща владеющих средствами производства и планомерно направляющих процесс социального и личного совершенствования, т. е. тип связи, соответствующий коммунистической общественно-экономической формации. Каждому типу социальных отношений соответствует своя, качественно-определенная, системность нравственных отношений и структурность нравственного сознания. В рамках социально-исторического развития человечества мы можем указать на крупномасштабные перевороты, сопровождавшиеся качественными изменениями моральной структурности. Это переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому и феодальному, затем замена последних капиталистическим способом производства и, наконец, переход от капитализма к коммунизму. Каждый из этих всемирно-исторических переворотов может оцениваться как *революция* в нравственном развитии человечества.

Нравственный переворот в отношениях и сознании людей, присущий переходу от капитализма к коммунизму, есть наиболее фундаментальная, принципиальная революция. Она, творчески наследуя все то положительное, что включает в себе нравственный опыт человечества (особенно народных масс), вместе с тем означает окончательный разрыв с моралью, приспособленной к отношениям угнетения, классового неравенства, эксплуатации человека человеком. Потому это и наиболее революционная мораль, приспособленная к задачам творческого, всестороннего развития личности, к задачам, которые требуют качественной перестройки структуры нравственного сознания, совершенствования его контрольно-императивных механизмов, большей точности и гуманизации нравственных оценок и норм, лучшего соответствия задачам коллективной нравственной деятельности, с ее более тонким моральным взаимопониманием, единодушием, богатством и содержательностью межличных нравственных контактов и т. д.

«Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»¹², — писал К. Маркс. В сложной системе связей,

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 356—357.

образующих общественные отношения, существует целый ряд механизмов саморегуляции, обеспечивающих ее стабильность и непрерывность воспроизводства. В общественно-экономической формации как целостном историческом образовании эти механизмы действуют и на экономическом уровне, и на всех других, где роль регуляторов поведения выполняют общественные институты, право, мораль и пр. Будучи производными от фундаментальных механизмов, действующих в экономике, некоторые из этих регуляторов воздействуют прежде всего на сознание людей, приспособлявая его к объективно-материальным условиям их жизнедеятельности. Моральные ценности играют здесь громадную роль.

Нравственность в самом широком смысле слова и есть единство объективной системности социальной среды и определенным образом закрепляющей ее совокупности морально-ценностных ориентиров и механизмов, субъективного, обладающего своей структурностью морального сознания.

Самые различные потоки информации, вызываемые социальной средой, перерабатываются моральным сознанием, преломляясь через классовые, групповые, профессиональные кодексы, установившиеся образцы поведения, традиции и т. п. Для понимания той или иной сложившейся в обществе системы ценностей весьма важно знание реальной эффективности тех нормативно-ценностных коммуникаций, которыми она располагает. «Проводимость» каналов таких связей, их развитость и протяженность, способность к преодолению «помех» различного рода, возникающих в ходе передачи ценностной информации, и т. п. в немалой мере определяют эту эффективность. Трудность для понимания составляет здесь то, что само нормативное содержание межличностной информации может по форме выражаться весьма различно — от открытого провозглашения норм, оценок, запретов до символического выражения некоторых ценностей, определенных эмоциональных симпатий и антипатий, скрытно воздействующих над подсознание людей.

Длительное время функционирующая система ценностей закрепляется в определенных эталонах поведения, нормативной последовательности ценностной процедуры поступков, приспособленных к исторически типичным ситуациям морального выбора, разрешения конфликтов. В отдельных группах в рамках общей связи ценностей наблюдается предпочтение некоторых из них. Это могут быть произведения искусства, научные знания, политические цели, физическое здоровье, богатство, знаки и символы религиозного культа и т. д. Такое предпочтение может проявляться в рамках единой системы нравственных отношений,

входя в эту систему в качестве одной из координатных точек, узлов нормативных значений. Причем нужно отмечать действительное предпочтение в ценностях от мнимого.

Важную роль в системах моральных ценностей играют, как это уже отмечалось, образцы поведения — стереотипы, обуславливающие определенную направленность и последовательность поступков, приспособленные к типичным социально-нравственным ситуациям. Каждый общественный уклад характеризуется привычно повторяющимися ситуациями, в которых индивиды делают моральный выбор, принимают решения. К таким ситуациям общество привычно прикладывает «общезначимую» моральную оценку и готовый образец поведения как задачу и схему поведенческой процедуры. Для отдельного индивида и эта оценка, и этот образец выступают как нечто социально объективное, закрепленное в определенных «стилях жизни» и общественном мнении. Образцы могут иметь относительно жесткую, маловариабельную процедуру — это наиболее характерно для ритуализированных форм регуляции поведения, обычаев, правил этикета. Но образцы могут представлять также лишь набор некоторых исходных параметров морально требуемого стереотипа поведения, оставляя для индивидов значительный выбор различных вариантов процедуры. Каждый класс вырабатывает и затем стремится закрепить свои особые образцы поведения, отвечающие его интересам.

Образец выражает уже воплотившееся в чем-то действительном поведении единство поступков, отвечающих известному ряду ценностей и определенному типу социально-нравственной ситуации. Он может состоять в параллели определенному эталону поведения (или, говоря иначе, модели), который является идеальным его выражением, выступает как морально-желательная поведенческая схема, взятая в ее безусловности, в ее очищенном от случайностей конкретной ситуации виде. Образцы поведения, в том числе в их морально-ценностных значениях, могут укреплять социальные роли индивида во всей их определенности — экономической, профессионально-технической, классовой, политической, социально-статусной и т. д. Известно, что роли, выполняемые в течение длительного времени, при известных условиях даже передаются от поколения к поколению, влияют на моральные качества человека, на превращение принятых образцов поведения в ценностные эталоны индивидуально-го сознания, закрепляются в самом его содержании и структуре.

Выполняя свою социальную роль, индивид нуждается в том, чтобы предугадывать реальные последствия своего поведения,

сообразовывать его с определенной нормой, а вместе с тем предвидеть, как он будет выглядеть в моральном отношении с точки зрения других людей, среды. Моральное воображение, интуиция здесь просто незаменимы. В связи с реакциями окружающих его людей индивид научается оперировать моральной самооценкой. Эта самооценка в рациональных и чувственно-образных формах является преломлением закрепленных в ценностном эталоне поведения (и подкрепляемых общественными санкциями разного рода) общественных связей, преобразованным «снимком» с укоренившегося стереотипа поведения (с реальных возможностей, предоставляемых индивиду в моральном выборе). Вместе с тем моральная самооценка отражает нормативное отношение человека не только к самому себе, но и к другим людям, социальным группам, классам и в конечном счете к обществу, в котором он живет. Она в той или иной степени имеет связь с мировоззренческим оформлением интересов людей, включая связь с предельно-высшим образцом нравственного сознания — с моральным идеалом.

Каждый класс является большой нормоустанавливающей группой. В его недрах кристаллизуются моральные требования, нормы, вырастающие из специфических, массовидных социально-нравственных ситуаций, присущих образу жизни представителей класса и соответствующих их общим интересам.

Нормы как социальное условие поведения людей придают поведенческим процедурам ценностное значение, которое часто сопряжено с использованием специфической символики¹³. Они выражают и опосредствуют определенные общественные отношения, связи людей. Символизм, который при этом может быть отмечен, рассчитан на интерпретацию скрытого морально-ценностного содержания, обозначением которого он является. В наибольшей степени такой ценностный символизм присущ ритуализированным формам поведения (в том числе обычаю и этикету). Здесь поведенческие процедуры в их инструментальном значении связаны с системой моральных норм, ценностей особым образом. Нередко сам морально-ценностный смысл опосредствованных ими актов поведения рассматривается людьми как нечто большее, чем направление к непосредственно практическому-полезному результату.

Моральный символизм поведения людей в классовом обществе так или иначе выражает социально-классовые контрасты и

¹³ Интересное раскрытие значений «символа» содержится в статье А. Ф. Лосева «Проблема символа в связи с близкими к нему литературоведческими категориями» («Известия Академии наук СССР». Серия «Литература и языки», 1970, вып. 5).

противоречия. Неравное социально-экономическое положение различных классов и слоев (групп), связанное с неравным распределением условий жизнедеятельности, закрепляется в различных «схемах» процедур поведения, имеющих нравственно-ценностное значение. Символизм, сопряженный с этими процедурами, как раз и указывает на различное — классовое, сословное, кастовое — положение индивидов, подчеркивает дистанции в их общественном статусе, фиксируя сложившиеся в обществе социальные различия, препятствуя «смешению» различных групп и т. д. Иногда, в случаях общения лиц с одним и тем же или различным рангом в социальных группах, он выступает как откровенная манифестация социальных дистанций.

Соответствующие определенным «образам жизни» совокупности эталонов и ансамблей фиксированных процедур, ценностная «кодировка» информации о поведении, моральный символизм — все это существенные социальные регуляторы деятельности людей в обществе, обуславливающие в ряду прочего своеобразие, специфику морали. Но их определяет система объективных социально-классовых (в конечном счете — экономических) отношений людей. Последнее следует особо подчеркнуть, ибо буржуазная социология морали нередко спекулирует на факте существования этих регулятивных, морально-ценностных феноменов. Она нередко придает им характер конечных причин и источников классово-группового деления, формирования социальных статусов и дистанций в обществе. Да и само общество рассматривается ими по преимуществу как «символическая» среда, а человек выглядит как существо, производящее символы и затем живущее в соответствии с ними. Наличие в обществе социального и, в частности, морально-ценностного символизма, его регулятивное влияние на поведение, на воспроизводство относительно устойчивых форм общения людей она пытается истолковывать в духе аксиологического идеализма и иррационализма.

Особым образом при этом обыгрывается то, что немалая часть ценностного символизма, возникающего в классово-антагонистических обществах, имеет характер предвзятых иллюзий и предрассудков, скрывающих действительную суть общественных отношений. Парадоксальность состояла здесь в том, что эти иллюзии были все же более или менее эффективными регуляторами поведения индивида, организующими его социальную жизнедеятельность. Как бы иррационально ни мыслил индивид, он, практически действуя под влиянием подобных иллюзий, нередко достигал успеха. Иллюзии получали, таким образом, видимость подтверждения в практике общественной жизни, а истинное зна-

ние общественных отношений, их смысла оказывалось при этом ненужным или даже «опасным». Иррационализм символических форм регуляции поведения оборачивался против научной истины. Исторический смысл подобной парадоксальности, свойственной определенным формам идеологии, раскрыл К. Маркс. Анализируя капиталистический способ производства, он показал, в частности, каким образом движение внешних форм капиталистических производственных отношений порождало иррациональные представления о них в сознании людей, мистификацию действительных связей и тенденций. «... До опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они также чувствуют себя, как рыба в воде»¹⁴, — писал К. Маркс в «Капитале».

Разумеется, не всякий морально-ценностный символизм тождествен иллюзиям и не всякий противостоит истине. Морально-ценностная символика в отдельных случаях просто обозначает для индивида параметры его правильной деятельности в типичных ситуациях, ориентируя его на стереотипы, содержащиеся в зашифрованном виде тот громадный исторический моральный опыт, который позволяет человеку «без раздумывания» принимать решения и действовать в социальной среде. Лишь научная марксистская этика может раскрыть действительный смысл символически зашифрованных моральных ценностей, стереотипов вынуждаемого подобным способом поведения и тем самым дать их историческую оценку как передовых или реакционных. Но и это рационально-аналитическое раскрытие подспудного морального смысла стереотипов не устраняет (по крайней мере до поры до времени) эффективности тех или иных символических способов ориентации поведения человека, если неизбежными остаются социально-экономические условия, их порождающие.

Немалое значение в функционировании морали имеют различные формы морального *удовлетворения*, во многом особые на каждой ступени морали. С ними соотносятся и им соответствуют также своеобразные шкалы наград и наказаний. Моральное сознание, будучи императивно-оценочным отражением

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 340.

господствующих в обществе отношений, прямо воплощается в нравственной жизни, исканиях, надеждах определенного типа личности. В исторически определенной шкале наград и наказаний зрелость и своеобразие морального сознания находят, таким образом, известное свое отражение и частичное воплощение. Выявление такой шкалы, отражающей исторически определенную общественную психологию эпохи, нередко рассказывает историку о реальных проблемах нравственной жизни, о типичных ситуациях не меньше, чем сведения о совершенных людьми поступках. Знаменательно, что в нравственной деятельности различных исторических периодов санкции, имеющие моральный смысл, неодинаковы. В первобытном обществе, например, представление о возмездии (награде) как компоненте морального выбора непосредственно выражало простоту и неразвитость морального сознания. Нравственная деятельность обычно считалась ценной не сама по себе, а в ожидании будущих наград или наказаний, которые она влекла за собой. Мотив и поступок здесь находятся, следовательно, в своеобразном взаимоотношении. Мотив внешне выглядит как стремление получить поощрение и избежать наказания, только поступку приписывается значение морального качества, причем это «качество» на поступок возлагает внешняя среда, внешние — карающие или покровительствующие — силы. Поступок соответствует внешнему моральному предписанию, а не «внутренней» нравственной императивности. Таким образом, обнаруживается общая закономерность формирования моральной субъективности: именно поступок «лепил», по своему образу и подобию, нравственный мотив. В этом пункте еще раз видна правота марксистского материалистического понимания истории: объективный акт поведения («внешний» поступок) стимулирует появление адекватных ему устремлений. Мотив исторически приобретает черты «моральности» (или безнравственности) вслед за характером совершенного поступка (и недаром древние вообще не различают мотив и поступок).

В ходе исторического развития нравственного сознания все большее значение придается мотивам поступков, поведения, учитываемым наряду с его результатами. Помыслы и намерения становятся предметом нравственной оценки, за поступком пытаются увидеть лежащие в его основе мотивы. Угроза возмездия за неправильное поведение выступает как дополнительное средство воздействия на решение индивида. Его моральный выбор как соответствие или несоответствие нормативным запретам и велениям начинает рассматриваться как, возможно, главный показатель оценки поведения.

Моральные требования и диктуемый ими нравственный стереотип поведения исторически различны по степени строгости и безусловности. Здесь существует весьма широкая градация от крайне строгих до весьма мягких предписаний. Крайне строгие моральные требования выглядят как приказы, весьма мягкие — как пожелания или советы. *Степень строгости* моральных предписаний является важной функциональной особенностью исторически определенной структуры нравственного сознания. В нравственном сознании степень принудительности исторически сочетается с целым рядом представлений и ценностных обоснований: это и апелляция к разумности, и рассмотрение предписаний в качестве священных, и утверждение их как воплощения справедливости, человечности и т. п. Каждая из таких характеристик может быть рассмотрена как в плане общесоциологического анализа (обусловленности), так и в плане собственно нормативном. Следует при этом иметь в виду, что преднамеренность действий и их моральное обоснование (мотивация) находятся в весьма различном соотношении, особенно в разных классах и обществах. Церемониал феодально-сословных отношений мог, например, осуществляться без развитой системы морального обоснования. Другое дело — конфликтная ситуация, участниками которой выступают люди с развитым нравственным самосознанием. Здесь осознанность, мотивация поведения будут многократно выше.

Проблема структуры нравственного сознания

Проблема структурности морали и в особенности нравственного сознания, — несомненно, одна из центральных на современном этапе марксистских этических исследований. Она привлекает внимание многих специалистов своей неразработанностью, важностью, многоплановостью. Многие вопросы, поднятые в советской этической литературе последних лет, — о системе этических категорий, о функциях и специфике морали и др. — не могут быть плодотворно решены без серьезной разработки проблемы структуры морального сознания. Обращение к этой проблеме, таким образом, не дань моде, а назревшая с точки зрения этических исследований задача.

Конкретное понимание содержания структуры нравственного сознания, рассмотрение формы, функций, строения, элементов морали в их конкретно-историческом наполнении позволяют увидеть ту или иную историческую структуру морали как целостное, единое в системном и функциональном отношении образование. Тем самым, с одной стороны, преодолеваются слабости

эмпиризма в описании моральной регуляции и, с другой — ставятся серьезные заслоны абстрактно-спекулятивному рассуждению относительно морального сознания. Опыт показывает, что попытки формального рассмотрения «структуры морального сознания вообще» оказываются в большинстве случаев бесплодными в теоретическом отношении. Действительно, стремление определить структуру морального сознания путем выведения одних этических категорий из других, путем формального уточнения их значений, оторванно от конкретной динамики нравственности, способно только продемонстрировать слабости абстрактно-спекулятивного подхода. С другой стороны, чисто эмпирическое описание тех или иных явлений моральной жизни, столь важное в социологии морали, оказывается невозможно без общего понимания нравственного сознания в целом, т. е. без хотя бы приближенного выявления общей его структуры. Схемы, претендующие на описание структуры морального сознания «вообще», одинаково применимой к любому историческому периоду, оказываются неприменимыми нигде и не могут быть практическим исходным пунктом в конкретно-социологических исследованиях. Нередко, будучи построены на чисто спекулятивных началах, такие схемы прямо противоречат фактам истории нравственности, зафиксированным этнографией, исторической психологией, историческим правоведением, историей художественного творчества и т. д.

Возьмем для примера ценностную ориентацию. Ведь представление о том, что моральное сознание имеет какую-то ориентацию, весьма важно, но в абстрактном виде явно недостаточно. Нужно еще знать, на что направлена эта ориентация. Но как, оставаясь лишь формальным систематизатором, найти это «что»? Обращение к действительной истории нравов здесь просто неизбежно. Нужно в самой истории пайти ряд ценностей — прошедших (погибших), настоящих, нарождающихся (выступающих как тенденции и устремленных в будущее) — и уж затем в соответствии с ними выяснять структурно-системные особенности всевозможных «моделей» морального сознания. В этом случае чисто теоретический пересмотр всех возможных вариантов может оказаться несомненно полезным, позволяя находить некоторые общие пути разветвления старых, моральных систем и структур в новые. Но все это возможно лишь при условии соблюдения требований исторической содержательности, сохранения контакта с фактами истории, без которого формально общие построения рискуют превратиться в субъективную спекуляцию. Формальное, оторванное от исторических реальностей конструирование структурности нравственного сознания, как и

других интеллектуальных форм, ведет к идеалистическому «конечному объяснению», побуждает рассматривать духовные образования как априорные константы, без генезиса, вне действительных социальных зависимостей (именно по этому пути идет философский структурализм в его формально-идеалистических разновидностях). Подобные «структуралистские» построения в этике означали бы смерть проблемы человека, гуманизма, ценности. Плодотворное рассмотрение структур нравственного сознания даже на самом абстрактном теоретическом уровне невозможно вне связи с конкретно-историческим их содержанием.

Здесь в полной мере необходимо применение марксистского принципа историзма в этике, методологическое значение которого чрезвычайно велико. Нужно обратиться к конкретно-историческому материалу, к истории развития нравственности — только тогда проблема выявления структуры морального сознания, даже взятая в наиболее общих признаках, может быть поставлена правильно. Повернуться лицом к конкретно-историческому материалу — актуальная задача современной марксистской этики. Марксистское материалистическое понимание исторического процесса снабжает исследователя нравственности теми средствами, которые необходимы для успешного изучения морали, в частности и ее структурных проявлений.

Исторически различные типы социальных отношений, общественные уклады вызывали к жизни и разные, *качественно-своеобразные* (приспособленные к обслуживанию этих укладов) структуры нравственного сознания. И эти качественно-своеобразные структуры надо изучать, тем более что исторические науки накопили в этом отношении громадный материал, который просто требует этико-философского обобщения.

Нельзя говорить о структуре морального сознания «вообще», не зная ни одной структуры конкретно. Нельзя говорить о классовой морали трудящихся и эксплуататоров «вообще», не изучая конкретно ни одной. Маркс специально отмечал, что неверно говорить об обществе, прогрессе вообще и т. д., не изучая конкретного общества, конкретного прогресса. Для научного понимания развития общества в целом имеет значение основополагающее марксистское учение об общественно-экономических формациях. В истории развития нравственности также вырисовываются качественно своеобразные структурные образования, соответствующие тем социальным укладам, которые господствовали в те или иные исторические периоды. Изучение содержания, формы, элементов, функций этих образований, их сопоставление, выявление преемственности и тенденций развития — прямая задача марксистско-ленинской этики.

При этом необходимо исследовать процессы смены структур, взятых в их классовой определенности. Борющийся класс лишь до поры до времени выражает свои особые интересы в рамках господствующей структуры морального сознания. (Здесь мы наблюдаем вариации — причем классовые — самого содержания структуры морального сознания, лишь временно обеспечивающей «моральную коммуникативность», моральную «понятность» в масштабах всего общества.) Как только он в своей социально-политической борьбе достигает известного уровня зрелости, он становится самостоятельной нормоустанавливающей группой, в недрах которой складываются не только отдельные, новые нормы, но и их целостная система, создаются моральные ценности, запечатленные и психологически, и в новой, формирующейся структуре нравственного сознания.

Именно тот или иной класс в период своего развития создает новую мораль, которая в своем основном содержании выводит его за рамки существующего строя. Опыт революционной борьбы пролетариата и затем нравственное творчество рабочего класса, строящего социализм и коммунизм, — наглядный пример такой выработки новой, исторически качественно более высокой моральной системы.

Ни одна общественная наука не может успешно развиваться, игнорируя реальный динамизм своего предмета, в том числе и этика. Исторические науки и добытый ими конкретный материал поставили перед ней принципиальную задачу: освещение качественно-своеобразных, исторических самобытных структур нравственного сознания, смена и трансформация которых и составляет в своей преемственности моральное развитие, взятое исторически.

Марксистско-ленинская этика не только призвана дать верную картину восходящего движения нравственности, но и, будучи революционно преобразующей, действенной, должна определить себя «субъективно» в панораме изменяющихся морально-нормативных ценностей, открыто приняв сторону передовых, обосновывая историческую закономерность торжества коммунистической морали. Изучение конкретных, исторически меняющихся структур нравственного сознания этикой нужно рассматривать и направлять именно в связи с этой ее задачей. Оно должно выявить социально-классовые координаты различных моральных явлений, их подлинный оценочно-императивный смысл, определить общую линию движения от прошлого — через настоящее — к будущему.

Изучение структурности нравственного сознания, его типов непосредственно связано с научной методикой анализа класса

определенных идеологических, психологических и т. д. явлений, их повторяющихся, устойчивых связей. Это неформальная структурность, ибо «конфигурация» ее элементов подчинена историческому содержанию императивности, имеет фиксированную ценностную ориентацию, свои особенности функционирования и специфические масштабы оценки. Элементы морального сознания — оценочно-императивные требования и запреты, взятые в устойчивом соподчинении, в строго определенной сориентированности, составляют инварианты, которые, несмотря на многообразие конкретно-эмпирических, исторических проявлений, позволяют говорить об определенных *типах структурности*. На первый взгляд кажется, что достаточно путем скрупулезного сравнения и анализа выделить общие признаки, показатели нескольких конкретно-исторических структур, чтобы затем перейти к более высокому уровню абстракции — оперированию этими показателями как всеисторическими, по известным логическим правилам. Однако в этом необходимо избежать опасностей абстрактного дедуктивизма, абстрактной теоретической игры с «мыслимыми» и «немыслимыми» структурами, не допуская их превращения в самоцель. Исходные элементы, их «силовые связи», общая направленность, функции и механизмы структуры — все это должно быть определено путем научного анализа, взято из реального исторического материала, а не с потолка, не постулировано как результат спекулятивного каприза и вымысла. Вычленение структурности нравственного сознания требует философско-этического, типологического сопоставления исторических разнокачественных структур.

Основные показатели, важные для такого сравнения и существенно характеризующие моральное сознание как структурно-функциональную ценность, на наш взгляд, таковы: ценностная ориентация, понимаемая как общая императивно-оценочная направленность морального сознания (обеспечивающая его функциональное единство), общий трафарет моральной оценки — типичный по содержанию и расстановке ценностей исторически-определенный способ построения моральных суждений; исходная моральная позиция, соответствующая объективно закрепленной в социальных отношениях «сетке» ключевых ценностей; контрольно-психологические механизмы самосознания, выступающие как специфические способы утверждения внутриличностной императивности и особые приемы регуляции поведения; своеобразная конфигурация взаимосвязи и состав образующих ее элементов со стержневым нормативным принципом и др. Причем — и это хотелось бы подчеркнуть — различие исторического содержания вызывает

и различные формы построения компонентов морального сознания и его функций.

Доказательство существования самобытных исторических структур нравственного сознания, правомерности определенных его структурных признаков нуждается как минимум в конкретно-историческом, содержательном сопоставлении хотя бы двух структур. В выпускаемой издательством «Мысль» книге «Структуры нравственного сознания» мы прибегаем к такому этическому сопоставлению, беря для него два типа морали: феодальную и буржуазную (в ее «классическом» виде, присущем доимпериалистической стадии развития капитализма). Но в кратком тексте крайне трудно воспроизвести ту конкретно-историческую аргументацию, которая необходима: для этого потребовались бы многие страницы, обширная библиография. Поэтому приведем лишь некоторые данные (итогового, общего характера) сопоставления двух господствующих структур нравственного сознания — феодальной и буржуазной, намеченных в самых общих контурах. Так, если мы сосредоточим внимание не на их сходстве, а на их различиях, то мы получим следующую картину. Структура феодального типа отражает социальные отношения общества личной, сословно-статусной зависимости и утверждает во многом внешнюю регламентацию и ритуализацию поведения (в традиционных, этикетных и т. п. формах). Структура буржуазного типа выражает общественные отношения «вещной» зависимости формально свободных, «автономных» индивидов, регулируя их поведение через универсальные нормы, приспособленные к абстрактной ситуации «свободного выбора». Ценностная ориентация первой структуры — это направленность на упрочение сословного статуса индивидов, его места в системе феодальной иерархии. Вторая характеризуется ценностной ориентацией на достижение и умножение богатства. В качестве общего трафарета нравственной оценки структура феодально-нравственного сознания выделяет мораль «отцов» и «детей», уподобляя отношениям отцов и детей все нравственные отношения и подгоняя под этот шаблон содержание самых разных моральных суждений. Структура буржуазно-нравственного сознания имеет своим общим трафаретом оценки требование соблюдения «эквивалентности» («слепок» с торгово-денежных отношений), формально равного воздаяния автономным индивидам, отношения которых предполагают «взаимную выгоду» (по формуле: «что я тебе, то и ты мне»). Первая — эстروвертна, вторая — интровертна. Вторая структура имеет развитой аппарат мотивации и моральной рефлексии, приемы «оправдания» поведения здесь обычно носят характер рациональных проце-

дур; первая же преимущественно оперирует более простыми, но достаточно мощными способами «обоснования» морально-желательного — религиозно-обрядовыми, опирающимися на обычай и пр.; моральную дозволенность (оправданность) поступков она охотнее опосредствует ценностно-статусной (и религиозной) символикой. Стержневым элементом, объединяющим иные содержательные элементы феодально-нравственного сознания (храбрость, щедрость, «милостивость», гостеприимство и т. д.), служит принцип сословной чести, а в буржуазно-нравственном сознании на значение такого элемента претендует буржуазно понимаемая честность. Контрольно-императивным механизмом первой выступают сословная верность, преданность, тогда как вторая строится на психологической процедуре долга, в котором моральная императивность (в отличие от императивности верности) носит не экстравертный, а интровертный характер, связана с развитой системой мотивации и рациональной рефлексии, формально выглядит как универсальная, а не ограниченная (групповая или личная) обязательность.

Все разнообразные показатели, содержательно характеризующие нравственное сознание, имеют различное значение в построении и функционировании его структуры. Конкретно-исторические моральные требования, нормы дают реальное наполнение структуре нравственного сознания. Моральное требование, выступающее как основной, стержневой нормативный принцип, здесь является как бы тем элементом, который скрепляет все части структуры в одну общую целостность.

Иное значение имеет ценностная ориентация нравственного сознания, если ее условно обособить от его нормативности. Она характеризует нравственное сознание в его общей направленности. Ценностная ориентация обеспечивает функциональное (причем содержательное в плане императивности) единство всей структуры нравственного сознания.

Общая ценностная ориентация личности объединяет различные разновидности ориентаций, она, как верно замечает Г. Л. Смирнов, «есть некое генерализующее начало, охватывающее все сферы, «этажи» человеческой психики — от потребностей до идеалов»¹⁵. Свое мировоззренческое завершение она находит в идейно-нравственной убежденности личности.

Основная ценностная ориентация, присущая нравственному сознанию определенного исторического типа, конкретизируется в целом ряде вспомогательных ориентаций. Основные ценностные ориентации двух качественно разных структур нравствен-

¹⁵ Г. Л. Смирнов. Советский человек. М., 1971, стр. 51.

ного сознания могут, особенно в переходные исторические эпохи, переплетаться, даже «срачиваться» на момент, вызывая моральные коллизии особого рода.

Общий трафарет моральной оценки обеспечивает определенное (по расстановке ценностей и их зависимостям) построение моральных суждений и умозаключений. Качественно-своеобразные трафареты моральной оценки в различных структурах сознания — свидетельство разных «систем отсчета» при определении морального смысла поступка (поведения). Трафарет моральной оценки, следовательно, выражает собой единство той содержательной системы мер нравственного порядка, которая типична для определенной структуры (здесь встает проблема перевода и «непереводимости» нравственных оценок одной системы в другую, с плоскости одной, исторически определенной шкалы ценностей на иную; эта проблема еще почти совсем не изучена, несмотря на ее большую теоретическую и практическую значимость).

Контрольно-психологические механизмы нравственного сознания определяют процессы моральной саморегуляции индивидуального поведения. Они входят как важнейший компонент в общую систему моральной регуляции, принятой в обществе, и в сочетании с объективированными в нравственных отношениях приемами закрепления желательного для общества поведения (социальные санкции, устоявшиеся в общественном мнении требования и др.) выполняют важную функцию. В каждой исторически определенной структуре нравственного сознания они выступают именно как механизмы, как особые способы внутренней работы этого сознания. Их развитость и эффективность — существенный показатель исторической зрелости той или иной структуры.

Исходная нравственная позиция сочетает в себе как объективные, так и субъективные предпосылки моральной деятельности индивида. Она, с одной стороны, зависит от того объективного положения, в котором находится индивид в отношении всей системы закрепленных в обществе ценностей. С другой стороны, она выражает определенную систему основных, фундаментальных ценностей, на которых и строит всю свою деятельность индивид (т. е. исходная нравственная позиция в ряде аспектов очень близка по значимости ценностной ориентации).

Экстровертность или интровертность нравственного сознания говорит о способах его функционирования, о психологической форме, психологическом его устройстве и т. д. Эта «психологическая функциональность» тесно связана с особенностями не только собственно моральности того или иного исторически

определенного типа индивида, но и со всеми особенностями его исторического мышления, приемами познания, творчества, короче — его мыслительной деятельности в целом.

Наряду с перечисленными показателями структурности нравственного сознания, позволяющими проводить содержательное сопоставление различных исторических структур, существуют и другие, причем весьма важные. Мы сосредоточили внимание именно на вышеперечисленных признаках главным образом потому, что они, во-первых, позволяют выявить качественную определенность структур и, во-вторых, почти не изучены. Здесь прежде всего следует упомянуть о диалектике добра и зла, которая в объективных и субъективных масштабах является самой общей пружиной самодвижения морального сознания. Это движущее нравственность противоречие присуще всем структурам нравственного сознания (и если его нет, хотя бы в зародыше, тогда мы уже не можем говорить именно о моральном сознании).

Содержание добра и зла исторически менялось от одной эпохи к другой, от одной структуры к другой. И для того чтобы вычленили их специфику, нужно обращаться к тому реальному материалу, в котором это добро и зло императивно-оценочно закреплялось, требованиям (нормам) и запретам. Однако, несмотря на качественное (с точки зрения их содержания) своеобразие исторически определенных норм и запретов, им присуща одна общая особенность. Они свойственны определенному способу освоения человеком мира, способу, основанному на членении (оценке и классификации) событий с помощью дихотомии добра и зла. Весьма своеобразными, особыми компонентами исторических структур нравственного сознания являются моральные идеалы. Они колоритно и неповторимо регистрируют своеобразное императивно-оценочное содержание этих структур. Смена идеалов в истории — специфический признак смены самих систем (и структур) нравственности, их функций и строения. Однако идеалы — весьма сложные нормативные образования, могущие довольно далеко «отлетать» от реального течения нравственной жизни (перспективное значение идеалов и моральное предвосхищение, которое в них имеется, нередко выводят их за рамки существующей системы нравственных отношений и типичной структуры нравственного сознания). Поэтому их изучение особенно ценно в деле определения нравственной динамики, в смене структур. Моральные идеалы, если они более или менее развиты, несут на себе прямую печать господствующей в обществе идеологии. Как и представления о смысле жизни, счастье и т. п., они нередко служат делу мировоззрен-

ческого выражения действующей структуры нравственного сознания, хотя могут содержать немалый момент неадекватности, иллюзорности. Все это необходимо учитывать при дальнейшем исследовании структур нравственного сознания.

Становление новых нравственных отношений — социалистических, а затем и коммунистических — требует перехода морального сознания (в массовом масштабе!) с одного исторического уровня функционирования на другой, более высокий. В ходе этого перехода происходит перестройка элементов, составляющих нравственное сознание: норм, принципов, запретов. Ряд из них, такие, как коллективизм, солидарность, взаимопомощь, трудолюбие, интернационализм и т. д., выпестованные внутри борющегося пролетариата — класса с особой исторической миссией, создателя нового строя, становятся всеобщественными нормами и принципами, представляя нравственное сознание социалистического типа. Они становятся присущи как господствующие (с некоторыми вариациями, разумеется) всем классам и социальным прослойкам общества: рабочим, колхозникам, интеллигенции. Некоторые из элементов морального сознания, провозглашавшихся, хотя и формально, в старом обществе, обновляются, наполняясь новым содержанием: честность, честь, долг и т. д., некоторые — резко, скачкообразно меняют свой смысл, получая новое, нередко прямо противоположное старым звучание. Это — представления о справедливости, патриотизме, достоинстве человека, смысле его жизни, счастье и т. д. Ряд оценок моральных качеств человека, требований и правил, носивших в немалой мере общечеловеческий смысл, развивается, обогащается и получает новое, более достойное место в реальной, а не только провозглашаемой системе нравственных отношений: благодарность, сочувствие, правдивость, вежливость, скромность, дружелюбие, отзывчивость, искренность, великодушие, уважение к старшим, сострадание к больным и т. п. Изменяется и ценностная ориентация, этот «локатор» всей структуры нравственного сознания: она изменяет направление, приспособляясь к улавливанию новых моральных ценностей, закрепленных коллективистским образом жизни в социалистическом обществе. Трансформируется общий стандарт моральных оценок, наполняясь передовым, гуманистическим содержанием. Меняются типичные ситуации морального выбора, общественные санкции, регулирующие поведение (возникает социалистическое соотношение убеждения и принуждения), сама исходная моральная позиция индивида — в ее объективных (классовых) и субъективных аспектах. Самый гуманный, но до революции кажущийся весьма отдаленным идеал (общества и человека) превращается в

строительную нить созидания нового, коммунистического общества. Короче говоря, происходит тот процесс, который прозорливо предвидел К. Маркс, определяя его как установление господства индивидов над случайностями и отношениями, которые ранее слепо господствовали над ними самими; в деле этого процесса их «сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим...»¹⁶. Мораль как важнейший регулятор и способ осознания этих отношений (через оценку и ориентацию) испытывает коренную перестройку, результатом которой является возникновение нравственного сознания нового исторически более высокого качества. Социализм — это огромная строительная площадка, где строятся не только новые заводы, шахты, жилища, дороги и т. д., но и создаются прогрессивные нравственные отношения людей, формируется зрелое моральное сознание, функции и структура которого приспосабливаются к выражению нового, гуманистического и коллективистского содержания. А «строить новые формы общественной связи между людьми» — это, как подчеркивал В. И. Ленин, «благодарнейшая и благороднейшая работа»¹⁷.

Выявляя некоторые основные показатели нравственной структуры сознания, мы отчетливо понимаем, что полученная картина неполна, в ряде аспектов спорна и потребует уточнений. Важно, что история развития нравственности с помощью выявления таких показателей была представлена как смена самобытных структур нравственного сознания. Слишком много примет существования этих структур содержат сейчас гуманитарные науки, этика не может, не имеет права их более игнорировать. А раз так, то можно ли решать общие теоретические проблемы этики, забывая этот факт? Писать о структуре «морали вообще», не обращая внимания на эту противоречивую историю морали, в которой складывалось и проявлялось ее социальное действие, ныне уже нельзя.

Нельзя квалифицировать и систематизировать элементы нравственного сознания, игнорируя то, что история опробовала и использовала самые различные реальные сочетания этих элементов; нельзя рассматривать долг и совесть, не ведая о разнообразии по уровню зрелости формах нравственной самооценки и самоконтроля поведения индивида, формах, из которых они выросли в их современном значении. Без исторического видения (хотя оно, разумеется, не самоцель) невозможно сегодня научно-конкретно решать и важнейшие проблемы развития со-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 441.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 316.

временных типов нравственного сознания, их структурности, тенденций и т. п. Выявление структур нравственного сознания на основе марксистского методологического подхода позволит поднять на новый, более высокий уровень исследования социалистической морали — этого качественно своеобразного, исторически высшего этапа нравственного развития человечества.

Проблема специфики и проблема структуры морали неразрешимы путем абстрактно-спекулятивных, чисто терминологических уточнений и расчленений. Они разрешимы лишь на путях содержательного (на историческом, психологическом, социологическом материале) анализа. Проблема специфики и структуры морали — это не статичная, а динамичная, историчная проблема. Мораль как особый способ освоения мира человеком не сразу сформировала всю систему способов регуляции поведения, выбора, оценок, определения ценностей, мотивов, приемов самоконтроля, воспитания индивида и т. п. Она их выработала в результате долгого исторического развития. Это развитие знает свои качественные этапы состояния морали и как системы объективированных нравственных отношений, и как структуры нравственного сознания определенного типа. Только содержательный философско-этический анализ этих этапов позволяет изобразить нравственность в ее структурной и функциональной целостности, с учетом ее своеобразия, в ее реальном, конкретном существовании.

Социальные функции морали

Моральная жизнь нашего общества крайне многообразна. Она проявляется в сложившихся в общественном мнении мерках и эталонах поведения современника, в свете которых раскрывается нравственный облик советского человека. Нравственная жизнь общества — это и выбор проводимой нами линии поведения, многие наши поступки и дела, их стимулы и мотивы. Некоторые из людских деяний как взятые лучшими представителями общества нравственные вершины в свою очередь обогащают критерии оценки человека. В духовной атмосфере социалистического общества существуют моральные ценности — признаваемые народом моральным благом определенные социальные явления, определенные нормативы, а также черты духовного облика человека. Нравственная жизнь общества пульсирует в осуждении людьми недостойного поведения и в высоком признании ими доблести, героизма, благородства, что происходит в коллективах, в семье, на страницах газет и книг, что часто не может миновать спора между людьми о нравственных оценках людских поступков, а также явлений общественной жизни. Она пульсирует в широко распространенном в обществе понимании смысла жизни, счастья, долга, в утверждении человеком достоинства и признании его за ним другими членами общества.

Мы равняемся на признанные в передовом общественном сознании образцами облики и жизнедеятельность ярких представителей человечества. Общество и его членов вдохновляет нравственный идеал как высшая духовная цель их развития. В то же время существуют устойчивые нравы, моральные традиции. Духовную жизнь общества характеризует постоянная борьба

между старыми и новыми нравами, между добром и злом, которую персонифицируют люди, которая сопрягается с их переживаниями, выливающимися, бывает, и в страдание, горе, и в ликование, радость.

Как разобраться в пестроте явлений нравственной жизни общества, как определить наиболее главные из них? Надо, видимо, присмотреться тут к тому отбору, который производит сама социальная практика, определяемая глубинными закономерностями общественного развития. В нравственной жизни общества доминирующими оказываются те процессы и тенденции, в которых проявляется активная роль нравственности в жизни общества, в воздействии ее на общественные отношения в целом, на поведение людей.

В отличие от политики и права мораль более опосредствованно отражает общественное бытие. Но это значит, что «бытие» самой морали достаточно своеобразно и сложно и при изучении ее малопродуктивны попытки сводить его к поискам одних лишь прямых «отпечатков» в ней базиса, производственных отношений. В то же время марксистско-ленинская этика изучает мораль в ее обусловленности, опосредствованиях с материальным бытием, а также со всей общественной жизнью. В настоящее время обострившаяся потребность активного обращения социалистического общества к морали как виду социального управления ставит задачу более конкретного изучения взаимной связи морали с бытием, с обществом в целом. Это необходимо, чтобы более успешно содействовать подъему уровня нравственности населения, возрастанию значения самой морали как фактора развития общества.

В нашем обществе ликвидированы коренные социально-экономические основы аморализма, которые есть при капитализме — частная собственность, эксплуатация человека человеком. Нравственность общества приобретает при социализме принципиально новое качество и намного более высокий уровень. Однако отсталые нравы, пережитки прошлого в сознании и поведении людей, факты безнравственности еще существуют. Между передовым общественным сознанием и реальными нравственными отношениями лежит ряд опосредствований, к которым относятся не только конкретные социальные условия жизни людей, но и каналы, способы воздействия общественного сознания на индивидуальную и групповую нравственность и нравы различных слоев населения.

Нельзя скрывать, что порой влияние передовой общественной морали на нравы отдельных групп населения очень ослаблено и они существуют нередко в их отрицательном отношении к

коммунистической нравственности относительно самостоятельно, в определенной микросреде, накладывая пагубный отпечаток на поведение придерживающихся их людей во всех других проявлениях их жизнедеятельности. С точки зрения задач борьбы с такими нравами и их искоренения также очень важно понять, каковы в принципе способы воздействий, доведения морали до людей, по каким путям осуществляется ее ценностно-регулятивное воздействие.

Вопрос о конкретных функциях морали начинает в последнее время освещаться в нашей этической литературе, хотя он еще не получил в ней развернутого изложения. При этом Л. М. Архангельский выделяет три функции: гносеологическую (отражательную), регулятивную и гуманистическую (воспитательную). Наиболее полно осветившая данный вопрос Е. А. Якуба вычленяет две основные функции морали: социальной ориентации и социального регулирования. Об идеологической и познавательной функциях говорит О. Н. Крутова, хотя из ее работы неясно, исчерпываются ли, по ее мнению, этим все функции морали. С. Ф. Анисимов перечисляет в качестве «основных функций морали» регулятивную, ценностно-ориентирующую, гносеологическую, воспитательную, революционно-критическую и апологетическую¹. Накопленный материал представляет большую ценность в смысле удачного решения отдельных частей проблемы, верного определения направления поисков и как отправная база для более углубленных разработок вопроса. (Из дальнейшего содержания главы станет ясно, по каким вопросам и с кем из названных ученых солидаризируется ее автор и с чем он, наоборот, не может согласиться.)

В повышенном на сегодняшний день интересе к проблеме функций этика не составляет исключения. Выходящая литература свидетельствует, что функциональные связи различных сфер природы, общества, познания составляют сейчас важный объект изучения в философии естествознания, социологии, кибернетике, эстетике, а в наиболее общей форме — в диалектическом материализме. Это свидетельствует об обусловленности постановки и решения вопроса о функциях в каждой отрасли философского знания, всем его ходом.

В литературе, посвященной диалектико-материалистической

¹ См. Т. В. Самсонова. Теоретические проблемы этики. М., 1966; Л. М. Архангельский. Лекции по марксистской этике, ч. I. Свердловск, 1969, стр. 34; Е. А. Якуба. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Харьков, 1970; О. Н. Крутова. Человек и мораль. М., 1970; С. Ф. Анисимов. Марксистско-ленинская этика, ч. I. Этика как философская наука. М., 1972, стр. 27—28; Е. М. Пеньков. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972.

методологии науки, отмечается, что введение понятия функции необходимо для более конкретного оперирования категориями сущности и явления, содержания и формы². Соответственно в применении к этике это означает, что изложение вопроса о функциях морали должно опираться на представление о морали как о целом, на марксистско-ленинское понимание ее сущности. Функции морали следует рассматривать как весьма важные, конкретные ее проявления как способа защиты и проведения общественного (классового) интереса, специфического духовного способа освоения и преобразования социальной действительности.

За последние десятилетия марксистско-ленинская этика сильно обогатилась, шагнула далеко вперед. Дальнейшее развитие этики как науки сейчас уже невозможно без систематизации накопившихся знаний и выявления, определения различных «ветвей» этих знаний. Данная систематизация, разумеется, должна отразить в первую очередь наиболее важные явления в сфере нравственности. Функции же — не случайные признаки морали, а проявление ее существенных признаков — то, благодаря чему нравственность существует как «живое» социально действующее целое. Поэтому задачи системного и исторически-конкретного анализа морали, систематизации и углубления знаний о ней нельзя решить, не выяснив природы, содержания ее функций.

Понятие «функция морали»

Как и другие формы общественного сознания, мораль вносит свой вклад в поддержание, развитие, смену, совершенствование производственных, а также всех иных общественных отношений. Конкретная моральная система может служить устойчивости, консервации определенного общественного строя, а может содействовать резкому его изменению, обуславливая в числе прочих факторов идеологического порядка скачок общества из одного качественного состояния в другое. Мораль выполняет в обществе обслуживающую и социально-преобразующую миссии.

² См. *И. Б. Новик*. О моделировании сложных систем. М., 1965; *М. Ф. Веденов*, *В. И. Кремянский*. Соотношение структуры и функции в живой природе. М., 1967; *М. Х. Хасанов*. Соотношение категорий структуры и функции с другими категориями диалектики. — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 2; *А. А. Фурман*. Принцип единства содержания, структуры, функции в материалистической диалектике. Томск, 1969; *И. Л. Андреев*. Соотношение формы и содержания, структуры и функции, элемента и системы. — «Ленин и диалектика». Свердловск, 1970; *О. С. Зелькина*. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов, 1970.

Разумеется, она оказывает влияние на общественную жизнь своими способами и по специфическим путям — определенным образом функционирует. Выявление функций морали — это установление именно ей присущих способов выполнения обслуживающей и социально-преобразующей миссии. Можно согласиться с Е. А. Якубой, которая пишет, что «„категория функций“ как бы уточняет понятие общего назначения, роли морали и права в прогрессивном развитии общества»³. Функции морали — это качественно-определенные направления и пути выполнения ею общей социальной роли и назначения, присущие ей способы воздействия на общественные отношения.

Как важнейший признак функций морали Л. М. Архангельский отмечает обратное воздействие нравственности на общество. «В моральных представлениях, — пишет он, — люди осознают и оценивают формирующиеся в процессе общения нравственные отношения, что ведет к необходимости учитывать обратное воздействие морального сознания на свой непосредственный объект отражения. Это обстоятельство выдвигает вопрос о функциях морали и их взаимосвязи»⁴. Наше положение об обратном воздействии морали на общественную жизнь как оснований выделения социальных функций морали разделяет по существу еще один исследователь вопроса о действительности общественного сознания, который пишет: «Функциональная зависимость общественного бытия от общественного сознания выражена в философии марксизма в виде закона обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие, дополняемого законом возрастающей активности сознания»⁵. Анализ функций помогает вскрыть, как протекает, в чем заключается относительно самостоятельное существование морали в качестве надстройки, сравнительно далеко удаленной от базиса, особенный характер ее обратного действия на всю совокупность общественных отношений. Таким образом, благодаря исследованию функций уточняются, конкретизируются научные представления об активной, действенной роли морали в обществе.

Считая так, а именно — что понятие функции морали конкретизирует научные представления об общем ее назначении, на наш взгляд, неправомерно выделять «идеологическую» функцию морали. Идеология — явление слишком сложное, многокачественное и значительное, чтобы ее применительно к отдельным

³ Е. А. Якуба. Право и нравственность..., стр. 129.

⁴ Л. М. Архангельский. Лекции по марксистской этике, стр. 34.

⁵ А. С. Молчанова. О социально-регуляторной функции сознания. — «Проблемы социальных исследований», вып. 2. Томск, 1972, стр. 34.

формам сознания можно было рассматривать лишь как одну из их функций. Если выделить такую функцию у морали, то, поскольку она отражала бы очень значительное содержание морали, вряд ли удалось бы выявить такие другие ее функции, которые рядопологались бы с этой. Задача при выявлении функций морали состоит не в том, чтобы идеологию назвать функцией (хотя бы и в той мере, в какой идеологична мораль), а как раз в том, чтобы, подчеркивая идеологическую природу морали, выяснить, каковы же относительно конкретные пути, способы выполнения моралью ее назначения как идеологического образования, формы общественного сознания, надстройки. Поэтому мы солидаризуемся с Л. М. Архангельским, С. А. Анисимовым, Е. А. Якубой, которые не выделяют такой функции морали, отнюдь не умаляя ее идеологической природы. Все функции морали идеологичны (что не означает, конечно, полной сводимости морали к идеологии).

Исследуя функции морали, мы обращаемся к изучению связей между моралью и обществом. При этом в центре внимания находятся не столько связи, направленные от общественного бытия к общественному сознанию, сколько обратные связи, направленные от морального сознания к бытию, к обществу. Разделить данные связи можно, разумеется, только в абстракции.

Полагая, что функциональными связями в данной сфере изучения надо считать влияние морали на общественное бытие и социальную жизнь в целом, мы не согласны с тем, что есть основания выделять «гносеологическую» функцию морали. То же содержание, которое можно назвать познавательной стороной морали, наиболее непосредственно обусловлено отражением общественного бытия в этой форме общественного сознания. Раздел этики, включающий проблемы специфики отражения действительности в морали, морального признака (или качества), связи морали со знанием, применимости к ней категории истины, весьма важен в системе этой науки. Он затрагивает некоторые коренные для существования морали связи ее с бытием. Но это сфера связей морали, идущих от общественного бытия, а не к нему, т. е. не сфера функциональных связей морали, как она определена выше. На практике, конечно, те и другие связи пересекаются, взаимодействуют, одних не существует без других.

Значительность морали как специфического знания отрицать нельзя. Во-первых, она связана со знанием и не только в том смысле, что влияет на отношение человека к образованию, к науке, ко всей духовной культуре, но и в том, что нередко нормативы морали кристаллизуются, формулируются, испыты-

вая в какой-то степени влияние теоретических (естественных, точных и гуманитарных) знаний людей о явлениях действительности. Кроме того, сами ценностно-нормативные суждения, общие моральные понятия, нравственные императивы выражают знания людей (часто стихийно-эмпирические) о нравственных отношениях, о природе феноменов морали (например, о ее психологии). Что касается научных, теоретических знаний, то они не непосредственно моралью добываются, а могут в принципе лишь привноситься в нее. Главное же, по всей видимости, состоит здесь в том, что мораль не в такой степени активна, как способ приобретения и закрепления людьми знаний, чтобы за ней как за наукой, которая действительна в первую очередь и специально как инструмент получения людьми их теоретических познаний, добывания, углубления и систематизации новой познавательной информации, признавать познавательную функцию как таковую.

Другое дело, что связь конкретной морали со знанием функционально используется социальным субъектом для проведения своих интересов. Буржуазная, религиозная мораль использует функциональное действие императивов, идеалов, в которых выражено не истинное, а ложное знание об обществе, основах и перспективах его развития. Благодаря этому освящаются, например, захватнические войны, различные виды социального неравенства и угнетения. Коммунистическая мораль, напротив, создавалась и развивается под могучим влиянием науки, прежде всего марксистско-ленинской общественной науки, марксистско-ленинской этики. Это значительно повышает действенность нашей морали. Соответственно этому, а также созданным при социализме условиям для многостороннего развития людей коммунистическая мораль повышает ответственность членов общества за уровень и характер (истинность) их знаний, на основе которых они принимают решения на работе, в общественной деятельности, в быту, содержит настоятельную рекомендацию о повышении людьми их знаний, духовной культуры. Но вряд ли это направление действенности нашей морали можно обособить из ее ценностно-ориентирующей и регулятивной функции в функцию особую.

Методологически крайне важно отправляться от марксистско-ленинских положений об общественном сознании как активном, творческом отражении действительности. Содержание функционального воздействия морали на общественные отношения во многом обуславливается именно тем, какие стороны социальной действительности она отражает. Ведь само собой разумеется: чтобы получить известную самостоятельность и в свою

очередь активно влиять на общественное бытие, мораль должна обрести достаточную определенность как форма сознания, имеющая свое содержание и структуру, как специфическое духовное овладение действительностью. Без понимания морали как отражения социальной реальности, бытия нельзя поэтому постичь не только содержания, но и пределов функционального воздействия нравственности на общество.

Объект отражения морального сознания находится в системе общественного бытия. Главным образом — это соотношение (противоположность, противоречие, конфликт) личных и общественных интересов. Общественное моральное сознание возникает и развивается как ответ на социальную потребность в согласовании (корреляции, координации, субординации, гармонизации) личного и общественного интереса, которое в разные периоды развития общества имеет исторически конкретные формы⁶. Применительно к классовому обществу речь идет прежде всего о согласовании интересов того или иного класса с интересами членов как данного класса, так и других классов общества. Применительно к бесклассовому обществу речь идет о согласовании интересов общества (общности) в целом и его (ее) членов. Социальное назначение морали не сводится при этом к тому, чтобы на каждом этапе социального развития исторически конкретно обеспечивать примат общественного интереса над личным, хотя такое обеспечение — важнейшая часть ее назначения. Мораль по-своему регулирует и отношения между социальными общностями самими по себе. В обществе, где существуют классы с противоположными интересами, мораль является одним из средств, при помощи которого класс, выдвигающий определенную мораль, стремится утвердить в качестве общественного доминирующего свой собственный интерес и так или иначе подчинить служению ему социальную деятельность всех слоев населения. Мораль развивается также как ответ на потребность в согласовании, упорядочении некоторых отношений социальных объединений, общностей между собой. Соответственно существует нравственный аспект отношений между нациями, народами, странами, классами, государствами.

Относительная самостоятельность морали обретает свое содержание на основе единства в нравственности процессов отражения общественной жизни и обратного воздействия на общество. Как форма общественного сознания она отражает бытие, активно влияя на поведение людей, на нравы, выполняя

⁶ См. Я. Э. Хайкин. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972, стр. 12, 25, 31, 97.

свои функции. Когда система моральных установлений не в состоянии оказывать действия на общество,— это признак большого несоответствия, разрыва между данной моралью и условиями социальной жизни. Таким образом, воздействовать на действительность мораль может, лишь будучи отражением общественного бытия. Но в то же время она отражает его лишь в ходе выражения, удовлетворения при ее помощи коллективным социальным субъектом (который данную мораль выдвигает) его потребностей, интересов. Вне «оперирования» моралью со стороны той общности, которая выдвигает конкретную моральную систему, не происходит и отражения бытия нравственностью.

Будучи производной от общественного бытия, она в то же время, конечно, имеет источники и саморазвития (например, взаимодействие, взаимообогащение в ней общественного и индивидуального сознания). Но они действуют лишь постольку, поскольку конкретная мораль нужна социальному субъекту для достижения его целей, проведения его интересов. Как живая, не сошедшая со сцены истории система, мораль предстает в качестве фактора направленной деятельности социальной общности, только и функционирует, будучи таковым. Функции морали отвечают потребностям социального объединения в определенном порядке в обществе, в определенном характере взаимоотношений между индивидами, служат установлению и закреплению связей достаточно определенного типа между индивидом и социальным целым. При этом, как было сказано, в первую очередь речь идет о согласовании личных и общественных интересов (мера и формы которого всегда исторически конкретны) при обеспечении первенства общественного интереса, а также о некоторой защите со стороны социальной общности суверенности индивида, что также происходит лишь в конкретных исторических формах (сплошь и рядом сильно урезанных в эксплуататорских обществах по отношению к неимущей личности).

Реальное участие морали в общественной жизни, ее функции, если подойти к ним именно со стороны отражения в ней бытия, можно рассматривать как процессы, благодаря которым «добывается» содержание морального сознания, кристаллизуясь в его специфических формах — императивах, моральных взглядах, оценках и т. д. Иными словами, если в ходе отражения выделять содержание и форму, а форму разделять на статическую (в которой закрепляются, фиксируются результаты отражения) и динамическую, или процессуальную (сам путь отражения), то функции в отличие от понятий, категорий,

суждений морали как статической формы составят процессуальную форму отражения. В этом проявляется диалектическое единство функциональных и иных связей, аспектов отражения и освоения действительности при помощи морали.

Функции морали не только составляют одно из проявлений ее определенной социальной направленности, но и содействуют существованию и развитию морали. Чем она эффективнее функционирует, тем сильнее укрепляется в обществе. Так, коммунистическая мораль отражает, а также закрепляет уровень развития социалистического общества, характер присущих ему общественных отношений. Такие ее принципы, как добросовестное отношение к труду, забота о сохранении и умножении общественного достояния, уважение к человеку труда, нетерпимость к несправедливости и другие, отражают неантагонистический характер социалистических общественных отношений, большую роль труженика в социальной жизнедеятельности, значение его социальной активности для развития общества, ориентацию самого общества на удовлетворение запросов его отдельных членов. Будучи не декларативными, а реально воплощающимися принципами, они содействуют закреплению этих черт общества, воспроизведению условий функционирования коммунистической морали.

Мораль, способная к функционированию, испытывая на себе влияние других сторон действительности, отвечает на эти влияния, а не разрушается. Она, функционируя, переплетается с другими формами сознания, в известной степени занимает своими процессами различные общественные феномены. В то же время она как бы вбирает воздействие других сторон, явлений социальной реальности (например, политики, права, искусства), в ходе чего каким-то образом перестраивается, модифицируется.

При обращении к проблеме функций морали раскрывается со своеобразной стороны конкретно-исторический характер духовной общественной жизни. Как нет морали «вообще», так нет и функций «вообще». Поэтому научный анализ функций не может быть исключительно формальным, абстрактным. «Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным?»⁷ — спрашивали Маркс и Энгельс. Применительно к нашему вопросу это означает, что мораль функционирует как та или иная конкретная мораль или же как взаимодействие нескольких определенных систем морали в соответствии с исторически-конкретным характером общественной жизни. Одна и та же с формальной

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445.

стороны функция имеет разное конкретное содержание в зависимости от того, функцией какой конкретной моральной системы она является. На протяжении истории человеческого общества мораль функционирует по-разному, если вести речь о конкретном содержании тех способов, благодаря которым она выполняет свое назначение в обществе, а также о наличии или отсутствии тех или иных направлений воздействия морали на общественную жизнь. Социальный организм — своеобразная целостность, одним из структурных элементов которой является мораль. Особенности ее функционирования находятся в зависимости от природы социального организма на каждом этапе его развития.

Но понятие функций морали, конечно, необходимо и в его сравнительно абстрактном, общем виде. Как достаточно определенный феномен функции меняющихся систем морали не настолько расплывчаты, аморфны, чтобы совсем не иметь общих признаков. Однако выявление их самых общих черт становится реально плодотворным, когда социально-аналитический принцип исследования бывает связан с исторически-конкретным, когда анализ функций нравственности соотносится с этапом ее развития. Таким образом, с одной стороны, при рассмотрении функций мы обращаемся к относительно стабилизированному состоянию морали (ведь при изменении системы морали претерпевают серьезные изменения и ее функции). Это не значит, что данная мораль рассматривается статично. Наоборот, исследование функций предполагает изучение динамизма морали по отношению к обществу. Однако тут берется тот динамизм, который существует в рамках одной и той же морали. С другой стороны, мы исходим из предпосылки об исторически конкретной обусловленности морали и ее функций, о наличии у каждой системы морали начала и о неизбежности ее конца. Следовательно, функции морали можно и необходимо изучать в разных планах: применительно к каждой конкретной морали и в их исторической эволюции. В данной статье анализируются в основном функции коммунистической морали. От них во многом (по цели, содержанию, а в связи с этим и по форме) резко отличаются функции морали в антагонистическом обществе, особенно той морали, которую выдвигают эксплуататорские классы. Черты функционального действия коммунистической морали нельзя распространять на социально-нравственную жизнь антагонистического общества, во многих отношениях протекающую по-другому.

С точки зрения функциональной мораль сейчас большинством марксистских исследователей определяется прежде всего

как средство социальной регуляции поведения людей, а через это — общественных отношений в целом. При таком определении, действительно, улавливается центральное направление влияния морали на общественную жизнь. Наряду с правом мораль является важнейшим духовным регулятором общественных отношений. В первую очередь через канал регуляции проявляется наиболее действенный признак морали — императивность. Не составляя всего «тела» морали, его тем не менее пронизывает нормативность, которая становится непосредственным повелением в регулятивной функции. Соответственно регулятивное действие осуществляется в основном благодаря таким элементам общественного морального сознания, как предписания, оценки, стимулы. Здесь, таким образом, на первом плане — прескриптивная сторона морали.

Действенность, гибкость регуляции общественных отношений при помощи морали достигаются и за счет того, что коллективный социальный субъект выдвигает выработанные в социальном опыте нравственные взгляды, моральные жизненные «концепции», представления о моральной ценности, ориентируя этим людей на определенные моральные предписания, склоняя индивида принимать их. (Стоит заметить, что развернутые нравственные взгляды присущи лишь достаточно развитым моральным системам.) Это конденсация социального нравственного опыта скорее в форме повествовательного суждения, чем повеления, хотя и нравственные взгляды обладают большим нормативным смыслом. При помощи нравственных взглядов, концепций ценности и смысла человеческой жизни мораль выдвигает образцы поведения и нравственных отношений и активно участвует в общей системе социальной ориентации человека, чему соответствует, на наш взгляд, особая ценностно-ориентирующая ее функция, в которой на первый план выступает ценностная сторона морали.

Ни в качестве ориентации, ни как регуляция мораль не функционирует вне, помимо человека. Поэтому функционирование морали принимает еще одно важное направление, благодаря которому действие морали на общество чрезвычайно усиливается. Мораль вносит большой вклад в формирование личности, а также коллектива. Общность в целях воспитания ее членов активно использует пути, методы и средства нравственного воспитания. Благодаря интернализации мораль от лица общности функционирует в большой (хотя и не во всей) части ее содержания через индивида как его свободное волеизъявление, в чем состоит значительный резерв и один из источников действенности общественной морали. На первый план при

реализации функции формирования социального субъекта выступают педагогическая и психологическая стороны морали.

Итак, если говорить о связи структуры и функций морали, то, надо отметить, ценностно-ориентирующая функция выполняется в основном при помощи нравственных взглядов, «философских концептов морали», при опоре главным образом на ценностную сторону морали; регулятивная — при помощи предписаний, оценок, стимулов, причем прескриптивная сторона морали доминирует при актуализации нравственностью функционирования по этому направлению. Функция формирования социального субъекта реализуется главным образом при помощи путей, методов и средств нравственного воспитания, а также основных форм морального самосознания субъекта (коллективного или индивидуального) — долг, совесть, ответственность, честь и достоинство и др. При функционировании морали в этом направлении особо явно выступает значение нравственной педагогики и психологии морали.

Конечно, на практике функции переплетаются, они выполняются ни в коем случае не одна после другой, а во многом одновременно и одна через другую. Функционирование морали в каком-либо направлении так или иначе включает в действие различные ее структурные элементы и стороны. Так что лишь относительно и условно возможно выделить такие элементы ее структуры и такие ее стороны, на которые падает основная нагрузка при осуществлении каждой относительно самостоятельной функции. Вместе с тем такое выделение необходимо. Без обозначения групп структурных элементов и сторон морали, в наибольшей степени связанных с ее конкретными функциями, невозможно отразить многоплановости, гибкости, определенности действия морали на общественные отношения.

Функции морали предназначены не «распылить», не просто по разным направлениям «распределить» силу социальной действительности морали таким образом, чтобы за ними не чувствовалось эффективности морали как целого, как важной сферы духовной жизни общества, вида идеологии, серьезного рычага самоуправления общества. В их взаимодополнении они выражают миссию морали по обеспечению согласования личных и общественных интересов и на этой основе позволяют ей вносить свой вклад в создание определенного исторически-конкретного общественного порядка. Через функции морали выражаются мера и характер ее участия в поддержании определенного социального строя, внесении ею порядка и определенного содержания в человеческое общение, ее вклад в формирование личности и такой величайшей социальной цен-

ности, как человеческое достоинство, ее роль в складывании коллектива. В этом смысле через них выражается содержание освоения социальным субъектом действительности при помощи нравственности.

Функции морали взаимодополняют и взаимопроникают друг друга, что позволяет ей выступать мощным духовным средством консолидации сил социальной общности. Сопряжение личных и общественных интересов, потребность в исторически определенных формах которого обусловлена глубокими экономическими причинами, осуществляется через определенное социальное поведение людей. Оно как нечто реальное проступает в их отношениях друг к другу, к социальным группам, институтам, обществу в целом и, наоборот, в отношении общности к ее отдельным членам. Это согласование, можно в этом смысле сказать, творится действиями людей. Данные действия членов общества, их поведение далеко не произвольны независимо от того, сознают люди это или нет. Обусловленный в конечном счете экономически, социальный детерминизм их поступков, взаимоотношений в аспекте согласования общественных и личных интересов как воля класса, общества выражается в нормативном содержании морали. Общественная мораль требует от членов общности и склоняет их к поступкам определенного типа, регулирует деятельность людей соответственно тому способу согласования общественного и личного интереса, который отвечает потребностям, интересам, положению в обществе общности, выдвигающей данную моральную систему.

Регулятивная роль морали в большой мере подчиняет себе и организует другие направления ее функционального действия. В широком смысле и осуществляемая ее средствами социальная ориентация, и нравственное воспитание служат делу регуляции общественных отношений. Однако наиболее непосредственно, именно как своеобразные общественные полномочия, регулятивные возможности морали реализуются через канал императивности (которая сама, как мы скажем ниже, может осуществляться в разных формах). Вместе с тем мораль и более гибка, и более богата, чтобы даже только в ее идеально-духовном содержании (не говоря тут о нравственной практике) представлять как лишь прямая предписательность.

Предписания морали получают своего рода обоснование в нравственных взглядах, в общих ее понятиях, которые, представляя собой виденье, оценку, своеобразное осмысление социальной действительности, способны подводить индивида к убеждению о приемлемости, справедливости, ценности определенной системы нравственных императивов. Эта система бази-

руется, таким образом, на мировоззренческой основе, на той стороне мировоззрения, которая выражается в нравственных взглядах общности, людей. Как часть мировоззрения, как модель поведения, как ценность мораль, кроме того, преломляясь через призму личностного опыта, выступает в качестве значительного содержания духовного мира человека, как сторона его напряженной внутренней жизни, часть мотивации всего его жизненного стиля. Таким образом, мораль регулирует его поведение, не только будучи внешней по отношению к социальному субъекту, но становясь чертами его облика, качествами его натуры. При этом функция формирования социального субъекта не только и не просто дополняет функции ценностной ориентации и регуляции, а и является необходимой для выполнения их, для реализации целей социальной регуляции и ориентации при помощи морали.

Названные функции выражают основные направления обратного воздействия коммунистической морали на общественную жизнь. Внутри них также можно различить отдельные «планы», аспекты проявления моралью относительной самостоятельности и активной роли в социальной действительности. Можно согласиться с положением Е. А. Якубы, что наиболее общие функции морали как бы обобщают ряд менее общих функций⁸. Функция ценностной ориентации, на наш взгляд, интегрирует мировоззренческое и аналитическое действие морали, регулятивная — контрольно-предписательное и стимулирующее, функция формирования социального субъекта отражает роль морали как в формировании личности, так и в формировании коллектива.

Мораль — форма общественного сознания, но внутри нее самой можно выделить духовное ее содержание и нравственные отношения, ее духовно-идеальные элементы и своеобразную практику: поведение, поступки, нравы. Благодаря определенным процессам духовные компоненты морали объективируются в поступках и поведении людей, в нравственных отношениях, закрепляются в нравах, действительно влияют через это на все общественные отношения. Таким образом, моральное сознание, выраженное в идеально-духовной форме, превращается тут в нечто материализованное, в компонент социальной среды, с которым не могут не считаться не только отдельные люди, но и группы, партии, классы.

При реализации функций морали духовно-идеальная ее форма объективируется, воплощается в результатах деятельности, поведении людей. Именно поэтому не только и не просто по

⁸ См. Е. А. Якуба. *Право и нравственность...*, стр. 130.

моральному самосознанию людей, общества, и эпохи, не исключительно по характеру общественных предписаний выносятся суждения о том, хорошо или плохо функционирует моральная система. Заключение такого рода делается на основе оценок реального состояния нравов, политических движений в обществе, результатов трудовой деятельности людей, уровня преступности и т. д.

Объективированные результаты воздействия морали на общественную жизнь в свою очередь весьма эффективно участвуют в выполнении моралью функций. Например, регулятивной действенностью обладают не только (а при определенных условиях не столько) идеально-духовные установления морали, но и устойчивые тенденции нравственных отношений, само состояние нравов. Наибольшую практическую силу имеют те духовные установления, которые получают подтверждение в самой моральной практике. Таким образом, выполнение функций — это воздействие морали на социальную действительность не просто как некоего духовно-идеального содержания, но и как определенной практики. При реализации моралью функций в ней наблюдается постоянное взаимодействие ее идеально-духовного и практического компонентов.

Ценностно-ориентирующая функция

Мораль дает людям ценностную ориентацию среди явлений социальной действительности через посредство взглядов на жизнь, выражаемых в категориях блага, добра и зла, справедливости, смысла жизни, нравственного идеала, счастья. Оказывая воздействие на формирование соответственных представлений, понятий, моральных «концепций» личностной жизни и принципов, она воздействует и на поведение членов общества. Понятия добра и зла, смысла жизни, нравственного идеала и другие из этой группы помогают члену общества ориентироваться в действительности, лучше разбираться в отдельных ее сторонах, так или иначе относиться к ней, определять свое место в обществе и строить отношения с людьми. Эти понятия важны и для познания социальным субъектом самой нравственности. Индивид неизбежно отмечает факт приложимости этих понятий в качестве социальных оценок общего плана ко всем явлениям общественной жизни. Уже через это он подходит к постижению большого значения нравственности в системе социальных отношений.

Посредством этих понятий, вкладывая в них свое содержание, социальная общность, прежде всего класс, специфическим

образом выражает свои интересы, свое отношение к разным сторонам действительности и стремится внушить такое отношение всем членам общества. Отдельная личность, усваивая и перерабатывая содержание общих моральных понятий, выражает при их помощи свои социальные позиции. Таким образом, овладение этими понятиями входит в число прочих духовных средств приобщения человека к социальной общности, освоения им роли относительно самостоятельного социального субъекта.

Ориентация, даваемая людям взглядами на добро, смысл жизни, идеал и т. д., имеет ценностный характер. Здесь с той или иной полнотой и адекватностью фиксируется (постигается и оценивается) отношение различных явлений социальной и природной действительности к моральным потребностям, нуждам социального субъекта⁹. Так, во взглядах, соответствующих коммунистической морали, наше общество и его отдельные члены выражают свое нравственное отношение к чертам, событиям действительности. Мы говорим: «Захватническая война — это зло, несправедливость»; «самоотверженность во имя благородной цели — добро» и т. п. В основе этих оценочных суждений лежит отражение отношения социальных явлений к некоторым потребностям развития, к интересам социалистического общества и его членов. Ценностное отношение к различным сторонам социальной реальности, выражаемое через понятия коммунистической морали, опосредствовано познанием объективного мира, научным постижением законов его развития. В этом, в частности, выражается характер коммунистической морали как вида научной идеологии.

Коль скоро оценки через понятия добра, справедливости и т. д. выражают отношение социального субъекта к явлениям действительности, этот субъект обнаруживает в соответствующих оценочных суждениях самого себя, свои собственные качества, свои преломленно выраженные интересы. Оценка одновременно отражает и свойства оцениваемого предмета, и природу ее субъекта. Благодаря этому мораль входит в число средств своеобразного осознания, постижения людьми социального мира и самого человека в качестве ценности. Конечно, такое постижение — исторический и классово обусловленный процесс. Глубина и характер ценностного представления о человеке зависят от уровня развития и классовой природы определенной системы морали. Понятия религиозных систем морали, например, извращенно представляют место и роль челове-

⁹ См. С. Ф. Анисимов. Ценности реальные и мнимые. М., 1970, стр. 6—7, 11, 21, 23.

ка в мире. Коммунистическая мораль выражает передовые интересы человека и человечества, а значит и современный уровень их развития, те социальные качества, которые им присущи. Благодаря этому мораль ориентирует социального субъекта на определенное отношение к нему самому и к другим субъектам. Наша мораль соответственно ориентирует на отношение к трудящемуся человеку, к борьбе против эксплуатации, к строительству коммунизма как к главным общественным ценностям и целям.

Через свои общие понятия моральное сознание класса отражает огромную положительную социальную значимость того, что им связывается с добром, благом, счастьем и т. п. Благодаря этому человек, овладевающий моралью, следующий ей, вооружается определенными социальными ориентирами, критериями отличия в реальности важного от менее важного, крупного от мелкого, хорошего от плохого, достойного с точки зрения интересов общности от недостойного. Посредством понятий коммунистической морали фиксируются определенные аспекты большого положительного значения многих явлений нашей действительности, как завоеваний народа, партии, государства, как результатов всей той революционно-преобразовательной деятельности, которая привела социалистическое общество к его свершениям. Например, мы оцениваем как величайшую справедливость отсутствие в нашем обществе эксплуатации человека человеком, миролюбивую внешнюю политику Советского государства; среди населения широко распространяется понимание смысла жизни как творческого самораскрытия человека на пользу общества. Подъем достоинства человеческой личности при социализме объективно и реально выражается в таких явлениях, как бесплатное образование и медицинское обслуживание, распределение по труду, право на отдых и обеспечение в старости. Объективными показателями возрастания нравственной культуры населения выступают огромный рост грамотности людей, необыкновенно большой по сравнению с капиталистическими странами интерес граждан к книге. Книголюб у нас — «звание высокое». Моральная ориентация людей совершается благодаря не только специфическим понятиям, нормативам, но и тем преобразованиям, к которым ведет социализм. Благодаря моральным понятиям своеобразным образом раскрываются величие коммунизма, благородство и героизм усилий народа, созидającego его, грандиозность наших достижений.

Итак, нравственные взгляды составляют часть системы взглядов социального субъекта на действительность, на место и роль

человека и человечества в мире, они — одно из средств выражения субъектом его социальных позиций. Через это мораль раскрывается как часть мировоззрения. Понятия нравственного идеала, смысла жизни, счастья, добра и зла тесным образом связаны с общефилософскими концепциями общества и человека, при их помощи с морально-нормативной точки зрения обосновываются определенные перспективы развития общества, совершенствования личности. Так, наше понимание смысла жизни зиждется на марксистско-ленинском учении о месте человека в мире, о народных массах как творцах истории, о человеке как преобразователе природы и субъекте социальной деятельности. Смысл жизни усматривается нашей моралью в единении человека с прогрессивной социальной общностью, в слиянии с ней и в то же время выделении из нее в качестве самостоятельного активного субъекта. Выдвигая идею активной роли личности в истории, марксизм-ленинизм важное место в понимании смысла жизни отводит ответственности каждого из людей за то, как и на стороне каких социальных общностей, классов человек выступает и, следовательно, как он участвует в борьбе за определенное положение в мире, за состояние своей страны, за счастье своего народа, за будущее человечества. Значение личности тут не абсолютизируется, но высоко расценивается. Наше понимание смысла жизни не угнетает человека возлаганием на него тяжкого и непосильного бремени (как это делают экзистенциалисты), но вместе с тем активизирует революционно-преобразовательную деятельность людей, масс, вдохновляет их на достойные дела, на борьбу за коммунизм.

Мировоззрение, как известно, носит активный характер, оно программирует деятельность социального субъекта. Понять, что есть добро, а что зло, что можно из возникающего вновь считать добром, а что злом, человеку нужно для того, чтобы знать, с чем бороться а что утверждать, что приветствовать и чего, наоборот, опасаться, чему радоваться, а чему огорчаться. В этом — важная основа деятельности социалистических коллективов, поведения советского человека. Правильность морального выбора, последовательность нравственного поведения обеспечиваются далеко не только знанием человеком повелений морали, но и помимо прочего обретением им широкого системного видения действительности, способностью к анализу ее на этой основе, пониманием исторической перспективы в ее научном и ценностно-нормативном выражении, осмыслением принимаемых моральных решений в свете социальных ценностей. Никакие предписания во многих случаях не подскажут человеку конкретных поведенческих решений, он должен уметь самостоятельно

мыслить на почве идеологических воззрений. Будучи одухотворенным мировоззрением, а значит, не только зная, но и владея социальными чувствами, член общества может творчески применять предписания для разрешения злободневных моральных проблем. Уже отсюда очевидно огромное значение ценностно-ориентирующей функции морали.

В марксистско-ленинском понимании морального добра заключено одобрение коллективной волей социалистического общества всего, что способствует движению человечества вперед, развитию личности. В. И. Ленин в «Философских тетрадах», конспектируя «Науку логики» Гегеля и размышляя в связи с его идеями, особо отмечает неудовлетворенность человека миром и его решение изменить мир¹⁰. Превращение неудовлетворенности миром в решение изменить, революционным образом перестроить его силами рабочего класса и его союзников отражается в нашем коммунистическом понимании нравственного добра. Такое понимание добра активно противостоит иному его пониманию, которое толкает человека на путь частнособственнических влечений, на путь эгоизма, отвлекает его силы в сторону искания несуществующей сверхъестественной благодати или побуждает ко всепоглощающему самосозерцанию. Марксистско-ленинское учение научно объясняет земную, социальную сущность ценности добра, указывает реальные пути его воплощения в жизни.

Задача коммунистической морали — побуждать человека находить возможности творения добра, усваивая определенный образ социального поведения. Таким образом, подчеркивая социальную природу добра, социальную обусловленность и классовый характер его понимания, марксистско-ленинская этика, непосредственно влияющая на коммунистическую мораль, не только не игнорирует субъективного момента в его содержании, а подчеркивает его зависимость от деятельности людей. Она кладет в основу его объяснения материалистическое понимание истории и научно определяет такое содержание понятия добра, которое позволяет ему быть стимулом прогрессивного социального творчества, деятельности определенной направленности и содержания, давать людям санкцию на революционно-преобразовательную деятельность.

Основным полем приложения, развития, обнаружения силы и ценности нашей морали является влияние на практическое преобразование социального мира с целью построения коммунизма. В. И. Ленин в своей программной речи на третьем съезде ком-

¹⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195

сомола вскрыл природу коммунистической нравственности как органичной части общего дела построения коммунизма. В составе всего марксистско-ленинского мировоззрения понятия идеала, справедливости, добра, счастья со своей стороны позволяют человеку ощутить и постичь социальную жизнь как целенаправленный процесс, имеющий «логику» развития, осуществляющийся закономерно посредством деятельности народных масс, человека. Осознание этого помогает человеку приобщать свою деятельность к деятельности других членов общества.

Связь основополагающих понятий морали с идеей самого передового и прогрессивного общественного строя раскрывает природу коммунистической морали как такой, которая направляется на воплощение вековых чаяний трудящихся о социальном равенстве, о признании человеческого достоинства за каждым членом общества.

Общие понятия морали составляют одну из духовных основ выработки моральных императивов (непосредственных повелений), а также определяют некоторым образом содержание критериев нравственной оценки. В коммунистической морали ее общие понятия, зиждясь на идее коммунизма, способствуют тому, что все содержание повелевающих установлений нашей морали оказывается пронизанным устремлением общества к совершенному общественному устройству. Коммунистическая мораль благодаря этому органично соединяет в себе две идеи: возвышение трудящегося человека как величайшей ценности и оценку коммунистического общества как самого нравственно совершенного, как блага. Эти идеи служат основой для программирования соответствующего практически-деятельного отношения членов социалистического общества к отдельным людям и обществу в целом. Коммунистическая мораль как часть мировоззрения — одно из идеологических руководств коммунистической партии и народных масс к действию.

Будучи усвоенными индивидом, понятия добра, нравственного идеала и другие становятся духовными побудителями его поведения. Усвоение их обеспечивает индивиду широкую основу для обоснованных, целенаправленных социальных действий. О широте данной основы тут приходится говорить в связи с тем, что, как показывает история нравственности, взгляды — наиболее подвижной элемент морального сознания. По мере развития общества какие-то конкретные моральные императивы, естественно, устаревают, перестают соответствовать интересам социального субъекта. В таком случае они не могут явиться руководством для должного поведения. Общественное сознание не сразу вырабатывает новые императивы. Моральные взгляды,

выраженные в понимании добра, справедливости, идеала, быстрее обретают новое содержание. И тогда именно они выступают для людей, социальных групп первым моральным обоснованием тех или иных действий, служащих удовлетворению вновь возникших потребностей.

Давая ценностно-мировоззренческую ориентацию (составляя нравственный аспект мировоззрения), мораль участвует в формировании представлений о социальных ценностях. При ее содействии происходят и кристаллизация, и утверждение духовных ценностей в общественном сознании.

В соответствии с коммунистической моралью общественное сознание социалистического общества устанавливает специфическое отношение к прошлому, настоящему и будущему человечества. Общие понятия, основные «концепты» морали играют в этом особо большую роль. Объектом морального рассмотрения выступают многие социальные явления: и производственные отношения, и данные о расширении или сужении социальных свобод, и развитие науки, и быт, и характер развлечений в обществе, и т. д. Такое рассмотрение не подменяет научного анализа, а сопутствует ему и дополняет его. При этом нравственная оценка может вскрывать, например, «правильность или, наоборот, ошибочность, фальшивость политической практики по своему не менее содержательно, чем самый скрупулезный научный анализ; однако в специфической форме — оценочно-нормативной»¹¹.

Конечно, нельзя забывать положения Ф. Энгельса о том, что «апелляция к морали и праву в научном отношении нисколько не подвигает нас вперед; в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом»¹². Моральная критика не может заменить собой научного исследования. И все же практически моральное виденье действительности играет очень большую роль в подготовке и осуществлении значительных преобразований в обществе, в мобилизации социальных сил на их осуществление. «Гнев, создающий поэтов,— продолжает Ф. Энгельс,— вполне уместен как при изображении этих пороков, так и в борьбе против проповедников гармонии, которые в своем прислужничестве господствующему классу отрицают или прикрашивают эти пороки...»¹³. В оценках, даваемых при помощи понятий морали, выражается активная природа нравственных

¹¹ А. И. Титаренко. Мораль и политика. М., 1969, стр. 223.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 153.

¹³ Там же.

взглядов. В этих оценках выражаются определенные требования социального субъекта к действительности, главным образом к тому, что называется «общественным состоянием», т. е. они — один из способов выражения субъектом его воли с целью активно повлиять на ход событий. При выработке рабочим классом революционной стратегии и тактики широкий моральный разбор явлений действительности с партийных позиций выступает необходимым элементом обоснования целей и средств классовой борьбы. Политически верные решения и действия чрезвычайно усиливаются, когда они и морально обоснованы. Для борьбы с ошибочными действиями в политике, для подрыва позиций политических противников необходимо не только политическое, но и нравственное их осуждение.

Общественные представления о ценностях способствуют утверждению в социальной жизни явлений, которые получают одобрение социального субъекта, и изживанию явлений, получающих его неодобрение. Эти представления, служащие выражением интересов социальных групп, — идеологический фактор объединения социальных сил в их борьбе за изменение действительности, за отстаивание одного и разрушение другого. Они помогают вырабатывающим их классам и партиям собирать и сплачивать силы. Морально-ценностное отражение носит, таким образом, не пассивно-созерцательный, а активный, социально-мобилизующий характер. Так, коммунистическая мораль в числе других идеологических средств формирует общественные представления о ценности тех явлений действительности, которые имеют громадное значение для всей жизни социалистического общества: о труде, мире, равенстве, братстве, свободе, о социалистической Родине и о многом другом.

Процесс образования ценностных представлений очень сложен, соответственно сложен механизм обретения теми или иными социальными явлениями «статуса» материальных или духовных ценностей. В частности, для формирования представления о ценности недостаточно единичного акта оценки какого-либо явления. Необходимо еще, чтобы положительная оценка утвердилась в общественном мнении, получила в рамках социальной общности широкое признание, стала «бытовать» как фактор духовной атмосферы общества. О высокоценимом явлении пишут печать и литература, на него ссылаются, к нему апеллируют.

В качестве ценностей материальной и духовной жизни общества явления утверждаются не только из-за их утилитарного значения для людей, но и из-за их положительного влияния на духовные потребности людей. Поэтому, например, практически-утилитарные результаты в области материального производ-

ства, политики, достигнутые отрицательными средствами, или совсем не относятся к ценностям в общественном мнении социалистического общества, или относятся к ним неоднозначно. Конечно, при образовании представлений о ценностях моральная оценка не является единственным видом оценки и, более того, нередко выступает оценкой подчиненной по сравнению, например, с научной. Но в своем качестве она общественно необходима и обладает большой социальной действенностью.

Положительная значимость неморальных явлений констатируется в основном посредством категории блага. Сознание общности, квалифицируя или не квалифицируя с точки зрения своих интересов те или иные явления как благо, принимает во внимание не только научную, политическую, правовую, но и моральную их оценку. Таким образом, отнесение к ценностям не принадлежащего непосредственно к морали явления происходит, как правило, при учете социальным субъектом моральной оценки.

Поскольку речь идет о неморальных социальных явлениях, то в качестве критериев их моральной оценки используются не столько те понятия, суждения, которые предписывают поведение, поступки, черты духовного облика людей, сколько моральные нормативные суждения, обращенные к самой социальной реальности (понятие о справедливости, требование признания за личностью ценности со стороны социального целого и др.).

Отнесение явлений самой моральной жизни к нравственным ценностям производится в основном через категорию добра.

К моральным ценностям, формирование и введение которых в духовную атмосферу общества составляет важное направление функционирования морали, надо отнести прежде всего поступки и поведение людей, в наибольшей степени соответствующие высоким критериям моральности. Такие поступки, такое поведение приобретает обычно значение положительного примера или подвига. Соответствующий поступок (поведение) получает в общественном мнении относительно самостоятельное «бытие», он становится элементом и фактором духовной атмосферы общества. В качестве подвига он предстает, уже получив общественную интерпретацию.

Относятся к моральным ценностям и нормы морали, но не любые. К моральным ценностям причисляются нормы, выявившие большой практически ориентирующий, регулятивный, воспитательный смысл: такие, которые действительно объективируются в нравственных отношениях. Нет автоматической связи между провозглашением нормы и приобретением им значения подлинной ценности. Установления, просто декларируе-

мые, но не являющиеся действительными руководствами поведения людей, не закрепляются в качестве ценностей. Так, если провозглашается предписание, следование которому крайне затруднительно для большинства членов общности в силу наличных социальных условий, такое предписание не приобретает практической регулятивной действенности и постепенно элиминируется как модель поведения, как образец нравственных отношений (так произошло, например, с лозунгом «свобода, равенство и братство» после буржуазных революций), а иногда отодвигается в отдаленный идеал.

Следовательно, общественное сознание вводит в число ценностей нормативы, прошедшие проверку практикой. Проверка прогрессивной практикой, которая возможна только с позиций передового на каждый период истории класса, позволяет попасть в число реальных ценностей установлениям морали, мобилиующим людей на революционно-преобразовательную деятельность, на то, чтобы человек раскрывал себя, обнаруживая красоту души и величие духа. Признание духовной ценности за императивом морали предполагает в числе прочего соотношение его с наиболее общими моральными понятиями, «просвещение» его через призму представлений о добре, идеале, смысле жизни, справедливости. В этом открывается одно из направлений взаимодействия нравственных взглядов и императивов морали и влияние ее взглядов на прескриптивное содержание морали.

В моральном сознании общества проделывается огромная работа: если не систематизируются (это задача этики), то выявляются и обобщаются как черты морально-положительного поведения, так и типичные ошибки, отступления от морали, формируются представления об ее антиподах. Средствами морали (в числе других средств осмысления поведения) показывается, что аморальные поступки не могут относиться к положительным ценностям, что вооружает людей в борьбе с аморализмом, ориентирует их в общении друг с другом. Соответственно мораль выдвигает нормативы как разрешения, с одной стороны, и запреты — с другой.

Конечно, каждая моральная система вкладывает в понятия хорошего и плохого свое содержание. Коммунистическая мораль типизирует поступки, поведение, черты духовного облика людей соответственно своим собственным требованиям, запросам развитого социалистического общества. Вместе с тем в создании представлений о положительном и отрицательном коммунистическая мораль критически использует нравственный опыт прошлых человеческих поколений в той степени, в какой он оста-

ся верным в современных условиях. Понятия благородства, самозабвения, дружбы, достоинства и т. д., а также подлости, предательства, бахвальства, навета и оговора и т. п. каждый раз, со сменой каждой формации, не создаются совершенно заново, а лишь обновляются, так как они имеют истоки в сознании прошлых эпох. Данная особенность общественного сознания позволяет говорить о механизмах наследования духовной культуры. Роль экономики в формировании идеологии заключается не в том, что она каждый раз создает новое содержание общественного сознания на пустом месте, а в определении природы, характера нового направления развития и рамок использования старых взглядов¹⁴.

Через посредство морали специфическим образом не только формируются, но передаются по наследству новым поколениям духовные ценности. Нравственность является своеобразной сокровищницей духовных ценностей. Общественное моральное сознание, исторически-конкретно проводя анализ поведения людей и групп, а также работу отбора, длительное время хранит ценности подобного рода (подвиги, героизм, доблесть). В передовой моральной памяти народов навечно остаются облики и деяния Жанны д'Арк, Джордано Бруно, Ивана Сусанина, героев революций, освободительных войн, доблестных строителей первого в мире социалистического государства, подвиги труда, любви, дружбы, материнства как образцы поведения и жизни. В морали воплощаются определенные аспекты социальной памяти человечества.

Регулятивная функция

Направляющий характер морали таков, что ее нельзя считать средством выработки лишь общего отношения к действительности. Мораль достаточно властно повелевает, содержит такие элементы, которыми люди могут более детально руководствоваться во многих своих действиях.

Предписательность — канал явно ощутимой и непосредственной действенности морали, ибо мораль эффективно влияет прежде всего на поведение человека. Основным объектом социального контроля являются все же не взгляды человека, даже не его духовный облик в целом, а его поступки, дела, поведение. Это вынуждает индивида считаться с общественной моралью в первую очередь в непосредственно очевидных для окружающих действиях.

¹⁴ См. К. Марко и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 420.

Предписания морали содержат программу поведения социального субъекта в тех аспектах поведения, в которых выражается духовно-идеологическое отношение субъекта к обществу, коллективу, социальным группам и отдельным людям; нравственные предписания — это модели, образцы наших поступков, аккумулирующие опыт человеческого общения, как он воспринимается и оценивается через призму интересов той социальной общности, сознание которой эти императивы вырабатывает. Повеления морали, таким образом, — важные средства передачи членам общества опыта людских взаимоотношений, человеческого общения, средства научения и обучения человека тому, как надо поступать, как вести себя, какого образа поведения придерживаться. В данном смысле о предписаниях можно говорить как о средствах социальной адаптации людей к условиям общественной жизни.

Для современной буржуазной этики характерна сильнейшая антинормативная тенденция. Она явственно выражена и в формалистических, и в иррационалистических интерпретациях морали. Представители первой (интуитивизм, неопозитивизм, лингвистический анализ в этике) изображают равнозначными все моральные позиции индивида, одинаково допустимыми. Они подлежат якобы со стороны этики лишь холодному, рассудочному анализу, который не может и не должен вести к какому-либо обоснованию общих моральных принципов, так как эти позиции лишены рациональных оснований, алогичны.

Представители буржуазного этического иррационализма — экзистенциализма, прагматизма, неопротестантизма — утверждают, что нет объективного критерия для проведения границы между добром и злом. Этика не в состоянии выдвинуть каких-то общих образцов поведения, потому что мораль уникальна для каждой личности. Современный австралийский неореалист Джон Андерсен — яркий представитель антинормативной тенденции в буржуазной этике — отстаивает механистическое понимание человека, согласно которому люди не имеют внутреннего мира как специфического феномена. Человек — такой же объект внешних воздействий, как и все другие объекты реальности. А поэтому разговоры об ответственности и долге ничем якобы не обоснованы. Этика может только наблюдать поведение человека и отмечать злые или добрые намерения согласно ей самой вырабатываемым представлениям, но призывать людей к чему-либо она неправомерна.

Таким образом, буржуазные этические учения современности стремятся развенчать мораль в ее важнейших ролях аккумулятора социального опыта в его специфических аспектах, школы

человеческого общения и ориентации людей на определенное поведение. Непризнание нормативного характера морали равносильно отказу считать ее важным социальным феноменом, закономерно возникающим в обществе, выражающим объективно обусловленную социальную необходимость определенного поведения людей, имеющим на этой основе достаточно четкие направления воздействия на общественную жизнь в целом. Мораль — сфера культуры человечества, конденсирующая в себе огромное духовное богатство. Благодаря такому ее качеству, как нормативность, в ней от лица социальной общности выдвигаются образцы поведения (поступка, жизненного стиля) и осуществляется обращение к социальному субъекту с повелением поступать так, а не иначе, определенным образом относиться к социальной реальности. Выдвижением образца поведения и повелением характеризуются и нравственные взгляды, и предписания морали. В предписаниях признак повелительности явственно выражен как обращенный к каждому члену социальной общности.

«Полномочия» морали как средства социальной регуляции достаточно широки и значительны. В каких-то пределах индивид может нарушать ее предписания, не сталкиваясь вслед за этим с серьезными осложнениями своей жизни. Он может следовать им неточно, не в полной мере или неудачно. Но в принципе индивид не может не испытывать влияния общественной морали. И, отступая от санкционируемых социальным объединением поведенческих образцов, он бывает вынужден маскировать свое поведение, жить иногда раздвоенной жизнью, что лишает его внутреннего удовлетворения и кончается духовным крахом личности. Эта раздвоенная жизнь говорит, что мораль и здесь составляет с собой считаться. Случаи, когда человеку удастся безнаказанно жить в противоречии с требованиями морали, хоть как-то не чувствуя ее «власти», не столь уж часты. Ее власть распространяется на всех без исключения членов общества любого социального положения, рода занятий, характера убеждений, уровня развития. По отношению к отдельному члену общества существование и воздействие морали объективны, он застает ее с рождения в числе условий его социальной жизни. Нравственная санкция как факт действует независимо от того, внемлет индивид зову морали или нет, придерживается ее установлений сознательно или стихийно. Уяснение факта распространения власти морали на всех и каждого имеет большое значение для выявления общей значимости морального способа регуляции поведения людей, для осознания роли нравственности как могучего рычага функционирования общества в качестве самоуправляющейся системы.

Однако от личности во многом зависят мера и характер восприятия морали. Это значит, что общий эффект регулятивного действия морали, конечно, зависит от активности, развитости, сознательности тех членов общества, к которым она обращена. В механизме моральной регуляции индивид играет роль не просто пассивного исполнителя или нарушителя установлений. Сама нравственная деятельность не осуществляется без человека, витая над его деятельностью. Если не один, не два человека, не несколько сотен или даже тысяч членов социальной общности не придерживаются установлений морали, а большинство составляющих ее людей, то нет и регулятивного действия данной системы морали — мы имеем ее кризис. Личность — условие актуализации моральных средств регуляции, реализации их в конкретных поступках.

Чрезвычайно важный регулятивный элемент морали — предписание. Посредством предписания социальная общность доводит до своих членов общественные представления о требуемых, желаемых ею и ожидаемых от людей способах поведения, типах поступков, чертах духовного облика личности. Любое требование представляет собой одновременно и указание на надлежащее с точки зрения интересов определенной социальной группы поведение и некоторое ограничение поведения. Каждое требование — это единство разрешения и запрета, причем одна из этих сторон в предписании может превалировать над другой.

Предписания моральной системы определяют черты подобающего с точки зрения соответствующих нравственных критериев поведения, подобающего образа жизни. Для выяснения регулятивного действия морали требуется решение вопроса о дифференциации среди ее предписаний, которая в принципе может проводиться по нескольким основаниям. Предписания могут выражать более конкретное или, наоборот, более обобщенное требование, повелевать строже или мягче. Они по-разному задают субъекту поведение в зависимости от того, более общий или более конкретный вид имеют, повелевают категорично или же по преимуществу склоняют, побуждают.

Простые правила нравственности предписывают конкретный поступок в достаточно определенной ситуации. Например: выразить сочувствие переживающему горе человеку, остановить мучителя животного, извиниться за свою оплошность. Простым правилом в большой степени предписан сам способ действия. Сознание людей обобщает в элементарных нормативах нравственности устоявшиеся, несложные способы реакции человека на те или иные явления в сфере общественных отношений. Правило определяет то, что с точки зрения морали стало для чле-

нов общества само собой разумеющимся, неукоснительным не только как «формула» общественного сознания, но и как практика поведения. Поэтому соблюдение этих правил входит у многих членов общества (общности) в привычку, становится поведенческим автоматизмом.

В отличие от простого правила более сложная норма моделирует уже не отдельные действия, а образ поведения, тип поступка, жизненный принцип (добросовестно относиться к труду, любви Родину, будь честным и т. д.). В такой норме предписание выражено в более обобщенной форме, чем в элементарном правиле. Она поэтому не предопределяет для индивида того, как надо конкретно действовать, чтобы придерживаться ее. Человек должен сам наметить то поведение, выбирать такие способы действия, чтобы реально воплощалось его стремление руководствоваться общими социальными нормами. В условиях очень разнообразных ситуаций они реализуются в поведении конкретных лиц с большей или меньшей полнотой. В этом смысле можно сказать, что неэлементарные нормы выполняются как тенденция. Как и простое правило, подобная норма предписывает обязательное поведение.

Но норма отличается от простого правила не просто по степени обобщенности выраженного в ней требования, а и по «захвату», по степени выражения через нее существа императивного содержания конкретной морали. Она моделирует гораздо более сложное, чем элементарное правило, отношение субъекта поведения к действительности, выражает представления социальной общности об *основных* должных нравственных позициях ее членов в сети общественных отношений. Поэтому в системе предписаний по отношению к нормам, к идеалу простые правила при всей их важности имеют подчиненный характер: границы и необходимость следования им ясны для субъекта поведения в свете норм и идеалов.

Идеал — поведенческая модель еще большей степени обобщенности. Он обрисовывает с точки зрения интересов социальной общности цель нравственного развития личности и общества. Из-за устремленности идеала в будущее его повелевающий характер не столь очевиден для людей в каждый отдельный момент. Тем не менее и идеал предписывает поведение, при этом специфически. Идеал моделирует не только и не просто должное, а и то, что можно обозначить словами «моральное высшее»¹⁵. Идеал побуждает, вдохновляет, но поскольку он побуждает и вдохновляет на что-то определенное (значит, запрещает по сути

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 49.

противоположное поведение), то идеал своеобразным образом и повелевает, служит предписанием.

Грани между выделенными видами морального предписания относительны. Прескриптивное содержание морали — не неподвижное, застывшее, а динамичное содержание. Внутри него происходит движение, в частности, от идеала к «повседневным» императивам. Если следование идеалу становится устоявшейся чертой социальной практики, то требования идеала начинают восприниматься людьми, а в общественном сознании соответственно переводятся в норму. Возможно и обратное движение. Так, при смене родового патриархального общества классовым многие черты взаимоотношений людей, связанные с их равенством и взаимным доверием, во многом перенесены из сферы обычных норм в сферу идеала. Повелительность морали детерминруется не только коренными социальными условиями жизни людей, но и конкретными ситуациями. Например, требование участия в общественно полезном труде в нашем обществе — непреложнейшее для здорового взрослого человека. А по отношению к тяжелобольному оно теряет категоричность, становится смягченным предписанием, возможно рекомендацией или только идеалом.

Предписания присущи любой моральной системе. Но в зависимости от того, какой класс, какая социальная группа ее выдвигает, в зависимости от конкретно-исторического времени ее действия предписания имеют разную социальную направленность, содержание, отличаются по форме. Они, например, могут регламентировать поведение в большем или меньшем количестве его сторон, задавать его ориентиры лишь в основном или же детально расписывать его. В моральной системе могут преобладать запретительные или же, наоборот, позитивные предписания. Истории известны случаи, когда моральная система моделировала по преимуществу не содержание, а форму, внешнюю сторону поведения.

Что в данном отношении характерно для коммунистической морали? В ее предписаниях отражаются ее богатство и социальная значительность: здесь специфически подтверждается новое отношение личности к социальной действительности — ее единство со всем обществом, равенство со всеми трудящимися страны, ее социальная активная позиция как участника революционных преобразований, значение труда на новых началах, коммунистической активности личности в жизни и деятельности общества, пролетарски-демократическая, социалистическая ориентация страны и всех ее представителей по отношению к другим странам, нациям. Требования нашей морали, таким обра-

зом, намного более социально масштабны, чем предписания других моральных систем.

При социализме передовая мораль ощутимо становится ориентиром и регулятором деятельности миллионов людей, широких масс трудящихся в таких важнейших, решающих сферах социальной жизни, как труд, общественная деятельность, политика. Этим она существенно отличается от морали прошлого, нередко ориентирующей человека главным образом на узколичные добродетели. Коммунистическая мораль «выводит» человека на широкую арену социально-масштабных действий. Принципы морального кодекса строителя коммунизма выражают прежде всего существо поведения советских людей, его очень значительные, социально масштабные черты, если иметь в виду тот аспект поведения, в котором сказывается отношение личности к общественным интересам: добросовестность в труде, бережное отношение к социалистической собственности, гуманизм, коллективизм, патриотизм и интернационализм, нетерпимость к недостаткам и несправедливости.

Делая упор на программировании содержания поведения, наша нравственность предписывает также обращать большое внимание и на внешнюю сторону поведения. Коммунистическая мораль, кроме того, впервые в истории нравственности с такой четкостью и силой санкционирует гармоничное сочетание в облике человека граждански-деловых и душевных качеств. С точки зрения ее критериев важны и такие качества человека, как простота и скромность, доброта, отзывчивость, любовь к природе.

Существо нормативного содержания моральной системы закрепляется в кодексе. Наличие кодекса свидетельствует об обретении нормативным содержанием морали относительной четкости и определенности. Сформулирование морального кодекса строителя коммунизма, закреплённого в Программе КПСС, свидетельствует о зрелости социалистического общественного сознания. Наш кодекс представляет собой свод основных нравственных принципов поведения членов общества и, в отдельных отношениях, деятельности групп, коллективов. Принципы абстрагируют в себе наиболее существенные черты всего предписываемого содержания морали, слагающегося в сумме из содержания простых правил, более общих норм, идеалов, рекомендаций, моральных призывов. Поэтому один и тот же принцип может конкретизироваться в ряде правил, норм, а также в идеале.

Конечно, в основном наш моральный кодекс закрепляет в себе обобщение нравственной практики социалистического общества. В его содержание входят простые правила, нормы. Но весь

целиком, как обобщение положительного нравственного опыта, он составляет содержание идеала, выражает общую цель морального развития человека на данном этапе, способного последовательно придерживаться данных принципов во всех сторонах поведения — не только и не просто правильного, но и очень богатого по содержанию. Это не значит, что содержание понятия идеальной нравственной личности исчерпывается моральным кодексом строителя коммунизма. Оно включает также представление о комплексе черт человека будущего.

Помимо предписания другим важнейшим средством моральной регуляции выступает оценка. Воля общности проводится здесь благодаря тому, что в ее сознании вырабатываются критерии нравственных оценок, общезначимые для всех ее членов. Относительно общие нравственные критерии — одно из условий морального единства социального объединения (общества), общественной духовной атмосферы — то, благодаря, в частности, чему люди находят единый «моральный» язык. Не будь этих общезначимых (в пределах общности) критериев, оценки не могли бы быть едиными в своем общем смысле, в своей общей тенденции: мы имели бы безграничный плюрализм нравственных оценок.

Если предписание в первую очередь решает задачи моделирования образца поведения и выдвижения повеления придерживаться его в поступках, то оценка в первую очередь служит делу социального контроля за реализацией следования людьми выдвинутой модели. Но такое разграничение относительно. В морали представление о положительном поведении и облике личности выступает не только требованием, но и мерилom оценки поведения и духовного облика человека, т. е., являясь компонентом критериев нравственной оценки, предписание несет в себе оценочную нагрузку. В то же время оценка выступает для индивида очень действенным средством выработки линий поведения, программирования и выбора поступков. Общественная оценка подтверждает или не подтверждает для человека верность его социальной ориентации, некоторым образом раскрывает ему то, как и насколько его деятельность вплетается в деятельность общества. Склоняя к одному и отвращая от другого поведения, оценка несет нагрузку предписательности.

В моральных оценках явлений действительности социальный субъект выражает свою удовлетворенность или неудовлетворенность теми или иными чертами социальной действительности, состоянием дел в обществе. Оценка может выражать стремление социального субъекта к изменению социальной реальности в тех или иных отношениях, а также к самоизменению, мо-

ральная оценка — одна из духовных основ конструктивной, преобразовательной деятельности людей. Как фактор моральной регуляции оценка значима тогда, когда она зовет, побуждает человека, социальную группу к действию, определенным образом настраивает их по отношению к общественной реальности.

Осуществляемый при помощи нравственных оценок контроль за поведением немало значим для планирования, программирования будущего поведения людей, при этом не только в индивидуальном, но и в общественном моральном сознании. Оценивая социальную практику, общественное сознание выделяет новые решающие тенденции нравственности. В связи с этим социальная общность (общество) вырабатывает новые требования морали.

Таким образом, в регулятивном действии морали наблюдается постоянное взаимодействие предписаний и контроля, требований и оценок. Вот почему обоснованно говорить о контрольно-предписательном действии морали. В связи с постоянным взаимодействием требований и оценок имеет смысл объединить все те структурные элементы морали, при помощи которых решается задача социального контроля и предписания, а также моральной стимуляции поведения, — нормативы¹⁶, моральную традицию, положительный пример и т. д. — понятием «установление» морали. Помимо норматива сюда включаются также определенные явления нравственной практики, те, которые обладают значением социальных регуляторов поведения человека.

Это не значит, что предписание и оценка не имеют различий, кроме указанных выше. Воля социальной общности выражается в оценке не в форме модели будущего, как то происходит в требовании, а в виде известного отношения к уже, как правило, свершившимся (а если будущим, то рассматриваемым так, как если бы они имели место) фактам поведения, к существующим (или ожидаемым, но рассматриваемым при оценивании как реальность) социальным явлениям. Нравственная оценка регулятивно действует при помощи подведения некоторого итога, выяснения определенного результата поведения или специфического заключения о состоянии моральной стороны социальных явлений.

Оценка — одновременно и духовно-идеальное явление, и то, что в известном смысле больше принадлежит практике: в ней ре-

¹⁶ Понятие «норматив» охватывает и предписания, и другие духовно-идеальные элементы морали, так или иначе содержащие положительный образец поведения (поступка) и того или иного характера поведение следовать ему, например нравственные взгляды, общие понятия морали, выработанные сознанием общности критерии нравственных оценок.

ально выражается конкретное нравственное отношение по конкретному поводу и в конкретной ситуации. Поэтому по сравнению со всегда стоящим на уровне общественного сознания предписанием оценка таит в себе большую опасность субъективизма, случайности. Она должна выноситься на основе выработанных передовым общественным мнением критериев. Но практически — в силу разных причин (незнания отдельными лицами данных критериев, неумения их прилагать при анализе конкретного поведения и т. д.) — это не всегда так. Кроме того, верная оценка предполагает учет конкретных обстоятельств действий, особенностей действующих лиц, что не во всех случаях и не всякому субъекту оценки удастся. Поэтому конкретные оценки сами подлежат проверке, контролю и с этой целью пересматриваются как тем же самым субъектом оценки (например, индивидом), так и другими субъектами (другими индивидами, коллективами, общественным мнением) — уточняются.

Оценка отчасти выступает как своеобразный резерв повелевающей силы морали. Есть члены общества, трудно воспринимающие предписания в качестве руководства к деятельности. В подобных случаях человек нередко следует предписанию под влиянием если не принуждения, то предвидения осуждения или одобрения со стороны, например, педагога, семьи, коллектива, друзей. Тут именно оценка, предвидение оценки и ее последствий служат особенно сильным рычагом регулятивного воздействия на поведение, а императивность требований отступает на второй план.

Оценка, поскольку она относит нас к образцу, служит для личности одним из путей и стимулов постижения положительных моделей поведения, предписаний, способов разрешения моральных проблем и конфликтов, как их актуализирует поведение людей. Она, таким образом, по-своему помогает нравственному просвещению человека. При этом (если, конечно, практика чаще сталкивает человека с верными, объективными, а не неверными оценками) просвещение тут оказывается и «теоретическим», и практическим: личность постигает общие образцы нравственности, как они, разумеется, с той или иной полнотой, конкретно воплощаются (не воплощаются, и тогда личность познает морально-положительное, идя как бы «от противного») в нравах, в поведении окружающих людей и других членов общества, о чем она может узнавать из газет, журналов, книг, рассказов.

Контрольно-предписательные элементы морали фиксируют не только моральные обязанности субъекта, но и выражают некоторые его моральные права, в числе которых находится право

на справедливую оценку его деятельности со стороны других социальных субъектов¹⁷. Мораль своими специфическими средствами дает субъекту некоторое духовное «обеспечение»: уважение, признание, почет, поддержку и т. д. (Другое дело широта и конкретные формы этого обеспечения, которые зависят от исторического времени действия морали, от социальных условий функционирования моральной системы.) Реальное взаимодействие соблюдения прав и выполнения обязанностей на практике также регулирует поведение субъекта. Индивид ведет себя, с одной стороны, соответственно представлению об обязанностях, с другой стороны — согласно тому, реализуются ли его права, соблюдаются ли они окружающими.

Авторитет предписаний какой-либо моральной системы поддерживается в большой степени практикой одобрения их выполнения и соответственно осуждения их несоблюдения. Можно сделать вывод, что от практики морального контроля зависит в какой-то степени авторитет предписаний.

Каждая значительная социальная общность выдвигает свои моральные предписания. Но практика разных общностей имеет тот общий момент, что широта моральных прав субъекта поведения нередко (если иметь в виду общение внутри данной общности) ставится в зависимость от выполнения или невыполнения им своих обязанностей. Например, личность вправе ожидать уважения со стороны членов общности, к которой принадлежит, если она достойно (в соответствии с принятыми критериями) себя ведет.

Для практики социализма характерна тенденция все углубляющегося соответствия между благими делами индивида и воздаянием ему со стороны общества. При социализме впервые в истории общества поставлено на большую высоту достоинство трудящегося. Социалистическое общество широко удовлетворяет право их достойных членов на признание за ними моральной заслуги, на уважение, почет. Широта и гарантированность моральных прав индивида не могут не повышать силу регулятивного действия коммунистической морали,

На поведение людей влияет и само соотношение между нормативным в духовно-идеальной форме выраженным содержанием морали и реальными нравами, моральными настроениями в обществе. При капитализме, например, регулятивную силу мо-

¹⁷ Для поддержания нравственности необходимы не только контроль за злом и выпеснение отрицательных общественных санкций по отношению к нему. Люди нуждаются и в том, чтобы творимое ими добро замечалось окружающими, достойно оценивалось общественным мнением. Иначе у них исчезает один из важнейших стимулов нравственно положительного поведения.

рали резко снижает очень большой разрыв между официально провозглашаемыми и внушаемыми нормами и идеалами, с одной стороны, и реальными нравственными отношениями — с другой. Противоречащая провозглашаемым нормативам моральная практика способствует еще большему развращению нравов, снижению уровня нравственности населения. В то же время моральный кризис общества способствует созреванию на другом полюсе общественных сил новой революционной морали, росту негодования против разложения нравов и порядков, вызывающих его.

Положительный же характер моральной практики усиливает влияние общественной морали. В этом случае доминирующие тенденции нравственных отношений поддерживают авторитет соответствующих установлений и влекут людей к действиям и поступкам, воспроизводящим эти тенденции. В таких условиях складываются обычаи и традиции, в свою очередь помогающие нравам общества сохранять устойчивость. Поэтому высказанное в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии положение об улучшении нравственной атмосферы в нашем обществе¹⁸ — не только констатация радующего всех нас явления и в этом смысле выявление одного из итогов духовного развития советской страны, но и указание на знаменательный факт положительного регулятивного значения, которое он приобретает по отношению к моральному климату в будущем.

Мораль моделирует, направляет поведение не только при помощи сравнительно жестких, обязательных для всех членов общества предписаний (императивов). Помимо категоричных большую роль играет группа рекомендательных моделей поведения: идеалы, рекомендации, призывы. И они содержат повеление, но предписывают не столько обязанности, сколько рекомендуемое и желательное с точки зрения интересов общности. Их можно назвать моральными стимулами поведения. Сюда же надо отнести положительный пример, моральные поощрительные оценки. Ориентирующую, мобилизующую роль подобных стимулов хорошо раскрывает практика социализма. Славные трудовые и общественные подвиги получают в стране широкую поддержку, немало граждан откликаются на призывы партии, комсомола участвовать в решении задач коммунистического строительства на особо трудных его участках.

Эта часть установлений морали как бы «рассчитана» на совершенствование, рост индивидов, к которым они обращены. В них особым образом аккумулируется моральный опыт, и че-

¹⁸ См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 85.

рез них общество (общность) обучает личность. Но для восприятия, усвоения этих предписаний и следования им нужны большая активность и развитость сознания и воли людей. Так, важнейшее из этой группы установление — идеал — ставит перед людьми довольно далекие цели деятельности, намечает «перспективные» черты облика человека. Выработка личности высокого идеала и способность следовать ему требуют от человека достаточно высокого уровня развития, которого на каждый данный момент достигают далеко не все члены общества.

В определенном смысле категоричны и требования идеала: в том, что член общества не должен заниматься деятельностью, препятствующей направлениям и целям развития (в том числе нравственным) социалистического общества. Идеал рекомендателен в другом отношении: чтобы уже сегодня человек воплощал в своей деятельности и духовном облике черты личности будущего. Поэтому общественное мнение требует прежде всего соответствия поведения человека обычным нормативам, идеал считая своего рода максимумом, следование которому люди отмечают и приветствуют, не предъявляя при этом требований идеала как непреложных для всех.

В общей системе моральных предписаний с точки зрения обязательности, неукоснительности соблюдения на первом месте для социального субъекта, к которому обращены предписания, стоят нормы. Но это не означает, что регулятивное значение идеала меньше. С точки зрения содержания идеал играет руководящую роль по отношению к прочим видам предписаний морали. Нормативные нравственные представления социалистического общества основаны на научном понимании целей развития общества и человека. Светом коммунистического идеала пронизаны остальные предписания, и только в этом свете до конца ясны их смысл для нашего общества и направленность. Регулятивное значение идеала, таким образом, сказывается не только в его непосредственном влиянии на поведение, образ жизни людей, но и в опосредствованном его воздействии на поступки в той мере, в какой он «просвечивает» через остальные предписания моральной системы.

Обязательные и рекомендательные предписания не исключают, а дополняют друг друга, те и другие необходимы как средства социальной ориентации и регуляции поведения. И генетически, и функционально идеал и норма предполагают друг друга. Среди предписаний коммунистической морали идеал как «совокупность представлений о нравственной цели, ради которой живет и трудится человек» и как «представления людей о том, какими должны быть моральный облик человека и его по-

ведение в общественной и личной жизни»¹⁹, представляет собой развитие соответствующих норм. Как понятия идеал и норма соотносительны. Выработка в сознании общности представления об идеально нравственном человеке предполагает наличие в нем представлений о нормах поведения и облика личности. Нравственная практика, лишенная стремления к идеалам, в какой-то степени бескрыла, не озаренная перспективной целью, она ограничена. Идея роста и совершенствования одухотворяет и направляет ее. Вместе с тем нельзя говорить о высокой моральности субъекта, если в его поведении стремление следовать идеалу, даже передовому, не сочетается с выполнением требований элементарного долга.

Соответственно различию среди моральных предписаний дифференцируется и нравственная оценка. Моральное сознание, как оно представлено в оценке, обладает широкими возможностями отражения общественных отношений, поведения людей и на этой основе воздействия на них. Иногда объектом этой оценки выступают отдельные качества человека и его поступков. Например, исходя из опыта общения, мы говорим об одном человеке как о добром и отзывчивом, а о другом должны сказать как о скупом и черством. Дела одного дают основания считать его скромным и простым, а поступки другого заставляют называть его самонадеянным и чванливым. Здесь оценка производится через фиксацию добродетели или недостатка. В морали имеется немало терминов и понятий для выражения обобщенной оценки поведения и облика личности: достойно (не достойно), порядочно (не порядочно), часто нравственная оценка поведения выражается через термины «хорошо» и «плохо». Моральная высота поступков отражается терминами «благородство», «подвиг», «героизм», а его низость — словами «подлость», «гнусность». При помощи моральных оценок не просто констатируется выполнение или невыполнение субъектом поведения предписаний, но и фиксируются специфическое качество, степень их нарушения или выполнения. Прежде всего принимается во внимание, выполняет ли человек свой прямой долг, свои минимальные обязанности. Однако благодаря богатству критериев, возможностей оценки она способна, если для этого есть основания, отразить высоту душевных помыслов человека, взлеты моральности, тонкости и нюансы духовной стороны поведения, те дела и качества человека, в которых во всей красоте и силе раскрывается нравственное величие личности.

¹⁹ О. П. Целикова. Коммунистический идеал и нравственное развитие личности. М., 1970, стр. 73.

Каким образом категоричные и рекомендательные предписания дополняют друг друга — сложная проблема. Иногда это происходит в виде взаимозаменяемости. Задачи предписаний одного вида решаются иногда при помощи предписаний другого вида. Хорошо известно, что возможны ситуации, когда личность стоит перед выбором: либо героизм, либо тяжкий проступок, а третьего не дано. Норма может быть здесь выполнена лишь на уровне идеала. С другой стороны, не только властно-неукоснительным, но и большим стимулирующим смыслом обладают и нормы, и простые правила морали. Дело в том, что все предписания выражают квинт-эссенцию положительной нравственности (согласно критериям соответствующей системы морали), они — абстракция от реальной поведенческой практики, где нередко, даже в какой-то степени неизбежно положительное моральное поведение сопровождается промахами, ошибками, отступлениями от нормативов, периодами моральной слабости действующего субъекта. В этом смысле предписания как идеально-духовные образования морали превышают нравственную практику. Хотя именно в социальной практике лежит источник утверждения, жизненности норматива, те нормативы, ценность которых выявилась на практике, всегда остаются несколько над ней, а поэтому в любых своих формах обладают значением призыва, стимула.

Если моральная стимуляция действенна, то это говорит об определенной развитости и активности и общественного морального сознания, и нравственности людей. Значение общественного сознания в воодушевлении людей высокими духовными целями огромно. Вырабатывая идеалы, рекомендации, сознание общности дает материал отдельному индивиду, склоняет и побуждает его к определенному выбору. Однако для следования идеалу, рекомендации, призыву обязательно требуется неприпущдаемое волеизъявление человека: заставить им следовать нельзя²⁰, тогда как можно и должно принудить к выполнению простого правила, нормы, если индивид не придерживается их добровольно. Руководство идеалом, рекомендацией как стимулом предполагает сравнительно широкий духовный горизонт человека и момент воодушевленности.

Вырабатывая прогрессивные идеалы, рекомендации, отбирая из поведенческой практики примеры, передовая мораль открывает человеку перспективу, указывает ему направления духовного развития, зовет к тому, что «приподнято» над обыденностью

²⁰ Это не значит, что общественность не может спросить с человека за следование антиобщественным, низким идеалам.

будней, как бы содержит предложения к дерзанию, к инициативе. Идеалы, рекомендации, примеры, выдвигаемые коммунистической моралью, при этом всегда стимулируют более активное участие человека в социальной жизни, а не уход, не отрешенность от нее, как то типично для религиозных идеалов. Пропаганда коммунистических идеалов всегда ведется при теснейшем связывании их с конкретными задачами сегодняшнего дня. Намечая для индивида направления приложения его творческих сил, инициативности, они влекут его к превышению в поведении выполнения долга, к воплощению сверхдолжного. Идеалы — сильнейший побудитель творческого элемента в нравственной жизни личности. Идеалы коммунистической морали побуждают к трудовым починам, к добровольному труду на общественных началах, к такой увлеченности, результаты которой содержат особенно большую общественную ценность. Результатом воплощения моральных идеалов советских людей выступает приближение будущего, превращение желательного в сущее.

Социализм вырабатывает много новых мер морального стимулирования людей, что является одним из действенных средств развития творческой самостоятельности, полезной для общества инициативы граждан. В нашей стране выработаны особые поощрительные санкции, торжественные церемонии выделения людей за общественно полезную образцовую деятельность, за доблестный труд, за большие заслуги перед Родиной, за подвиги и самоотверженность ради высоких целей.

Регулятивное действие морали обладает еще одной важной особенностью. Оно варьируется в зависимости от сферы, характера деятельности людей. Речь, в частности, идет о профессиональной морали, о таких модификациях общей морали, которые не отменяют необходимости единых для всей общности моральных предписаний и не изменяют их существа, их общего смысла. Наоборот, благодаря такому варьированию воздействие морали на поведение людей усиливается, делается гибче. Общие установления морали при этом специализируются, получая дополнительную силу воздействия в сфере профессиональной деятельности человека или же в сфере его основного занятия. Так, мы имеем этику педагога, врача, юриста, журналиста, ученого, деятеля искусства, работника сферы обслуживания. Выделены этика партийного работника, воинская, этика руководителя и подчиненного, этика спортсмена.

Морально-профессиональные правила, вырабатываясь в коллективном опыте, помогают человеку через его труд, конкретную деятельность последовательнее и глубже воплощать в поведении общие предписания морали.

Нравственность существует не только как аспект духовной атмосферы общества и сеть его нравственных отношений. Она существует и в виде индивидуальных нравственных миров. Причем, как они не существуют без морали общества, так и мораль общества не существует без них. В той степени, в какой нравственный мир личности не сводим целиком и полностью к морали общества, функционирование морали, претворенной в нравственную жизнь личности, имеет некоторую относительную самостоятельность.

Выполнение общественной моралью ее роли опосредствуется преломлением ее содержания во внутреннем мире человека не только и не просто в связи с его конкретным поведением, хотя это крайне важно. «...Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения»²¹. Это значит, что воспроизведение типичных для практики данной социальной общности нравственных отношений требует определенной личности, такой, которая обнаруживала бы соответствующие именно этим отношениям черты духовного облика. Нравственность персонифицируется в субъекте поведения. Как персонификация мораль функционирует, глубоко внедряясь в структуру личности, становясь аспектом, сегментом ее сознания, ее воли, ее чувств, входя даже в то подсознательное, что незаметно откладывается в запасниках памяти, воображения человека и порой дает себя знать как моментальное решение поступить определенным образом. Выполняя психологически-воспитательную роль, мораль формирует нравственную культуру человека, которая в высокой степени значима для его облика в целом.

О формировании личности и коллектива как об отдельной функции морали надо говорить еще и потому, что в практике социального управления, общественного воспитания дифференцированно применяются средства социальной ориентации и регуляции к объекту управления (воспитания) в зависимости от развития, активности управляемых, воспитываемых людей. Такое применение — уже не только ориентация и регуляция в их безличности в том смысле, что их средства одинаковы по отношению ко всем членам того класса, той большой группы или общества, интересы которых отражают, а особый подход к лич-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 440.

ности, к социальной группе, конкретизация возможностей морали в процессе воздействия на них.

Нравственно воспитанный индивид действует не просто под непосредственным влиянием условий среды, ситуации — он соотносит те нравственные ожидания, которые направлены к нему со стороны членов общности, и свои побуждения со своими убеждениями. Нравственность как свойство личности, таким образом, в числе других ее свойств обуславливает избирательность индивида по отношению к условиям существования его в обществе, помогает ему определяться в качестве представителя общности, субъекта социальной деятельности. Направляя его, она в то же время требует от него относительно свободных решений, самостоятельного выбора поступков. Став свойством личности, пронизывая ее структуру, нравственность обуславливает самовоспитание, во многом определяет его направления. Индивидуальная нравственность проступает через ценностные ориентации человека, сказывается на их иерархии в облике личности. Влияние на формирование личности как одна из целей морали состоит в расширении и углублении ее позитивных связей с обществом, и при этом она содействует раскрытию, обогащению индивидуальности человека. Не только как внешний ориентир и регулятор, но и как содержание внутреннего мира, как духовная жизнь человека нравственность способствует тому, что в действиях людей так или иначе осуществляется общественная необходимость. Личность же при этом существует как микросистема во всем богатстве ее проявлений.

Немалую, если не главную, трудность для личности как нравственного индивида составляет переход от знания моральных установлений к практическому поведению, их воплощающему. Без такого перехода мораль не выполняла бы своих функций. Здесь — сфера сопряжения собственных волевых усилий личности, ее индивидуального выбора и очерчиваемых моралью рамок. Здесь очень многое зависит от активности, направленности, ценностных ориентаций, волевой развитости самого действующего лица.

Сфера проявления индивидуальной нравственности гораздо богаче и конкретнее, чем установления общественной морали. Сплошь и рядом во власти самого человека — помочь другому или не помочь, совершить великодушный поступок или не совершить. Не сделай он этого, ему строго не будет вменено в ответственность его поведение. Личность во многом сама может определять широту и конкретное содержание своих нравственных связей с другими людьми и обществом. Вместе с тем общественная мораль является важнейшим источником содержания ин-

дидуального сознания, она вооружает человека в его нравственном общении, учит его порядку и правилам. Нравственная активность личности, сколь бы ни были добровольны и своеобразны многие ее проявления, характеризует социальное лицо человека, определяет его индивидуальный вклад в общую деятельность.

Мораль служит действенным фактором не только в воспитании, но и в перевоспитании членов общества, по отношению к которым применение перевоспитания необходимо с точки зрения общественных интересов. Конечно, внушение норм морали человеку, подлежащему перевоспитанию, применение к нему методов нравственного воспитания часто выступают задачей не первого, а второго порядка по сравнению с правовым принуждением — гораздо более строгим, жестким, чем нравственное. Иногда первоочередной задачей становится просто пресечение антиобщественной деятельности индивида. Это задача, выходящая за рамки нравственного воздействия, но действительно эффективно она может быть решена, если человека, отвращая от каких-то занятий, отучая от тех или иных отрицательных склонностей, приучают одновременно к социально позитивной, общественно полезной деятельности. Человека, который подвергается перевоспитанию, надо побудить трудиться на пользу людям, научить элементарно уважать людей, считаться с общим мнением. Наставление на правильный путь подразумевает «приучение» личности к само собой разумеющимся для нормального члена общества формам, способам социальной жизнедеятельности — труду, соблюдению правил общежития и т. д. А это все уже не просто юридические задачи. Это задачи повышения знаний человека, привития ему определенных профессионально-трудовых навыков, умений, а в первую очередь и главным образом задачи нравственные. Привитие человеку потребности и желания честно трудиться, считаться с другими людьми и т. п. предполагает такую перестройку индивидуального сознания и воли, при которой положительные нравственные мотивы, устремления заняли бы должное положение среди других намерений, побуждений, склонностей индивида.

Конечно, основное назначение морали — специфическое обслуживание базиса и всего социального строя, выражение классовых интересов. Но, признавая это, марксисты не игнорируют важности нравственного мира и нравственной жизни личности. Дело не только в том, что нравственное развитие — условие становления человека как социального субъекта, благодаря чему, в частности, мораль выполняет свое основное социальное назначение. Для достаточно развитой личности нравственная

жизнь, духовное самовыражение, а в известной мере и самоутверждение в обществе — предмет большого внимания и забот, в некотором смысле цель сама по себе.

В истории возникало и существовало немало концепций смысла жизни и назначения человека, преувеличивавших возможности морали влиять на человека. Многие мыслители, в том числе и великие гуманисты своего времени — Л. Толстой, М. Ганди, А. Швейцер и др., видели в нравственном самосовершенствовании главный путь людей к счастливой жизни, в морали — убежище от зол общества. Марксисты, конечно, не могут разделять такой (идеалистической) точки зрения на мораль и на общество. Но она не просто выдумка. В ней до огромных размеров раздут действительный момент, улавливаемый познанием о человеке. Моральное самосовершенствование действительно очень важно для развития индивида, для всей его социальной жизнедеятельности, а нравственность действительно накладывает отпечаток на все поведение человека, на весь его духовный облик.

Одной из задач этики является определение роли и места нравственного развития в формировании личности в целом. Тот факт, что в социалистическом обществе коммунистическая мораль становится все более и более важным регулятором поведения людей в самых значительных сферах общественной жизнедеятельности, отражается и на личности. Роль нравственного развития индивида неизмеримо повышается. Его трудовая отдача, его влияние на окружающих, его проявления как члена семьи, как товарища в большей, чем в условиях антагонистических обществ, степени определяется его нравственностью. С дальнейшим движением социалистического общества вперед результат всех крупномасштабных проявлений индивида все больше зависит от его работы над собой как над нравственной личностью, от его заботы о том, чтобы быть на уровне сложных запросов общества. Место индивидуальной нравственности в духовном облике человека помогает понять положение В. И. Ленина о задачах формирования личности: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»²². Это положение содержит глубокий методологический смысл. Из него следует, что нравственное развитие не подменяет развития индивида в других отношениях. Более того, условием нравственного развития личности является ее интеллектуальное, профессиональное, общественно-политическое, эстетическое, правовое,

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 309.

физическое развитие. Вместе с тем, как следует из данного положения В. И. Ленина, нравственное созревание члена общества должно являться своеобразным итогом и обобщением развития человека по другим важным направлениям. Идеино-нравственное содержание духовного облика человека должно обуславливать направления, точки приложения личностью ее умственных и физических сил.

Ленинская формулировка приобретает особо актуальный смысл, когда мы воспринимаем ее в связи с перспективой становления коммунистического общества, в котором должна будет отмереть политическая и правовая регуляция.

Нельзя, однако, упускать из виду того, что в наше время — время бурных политических потрясений во всем мире, обостренной классовой борьбы, экономического соревнования двух систем, постоянной угрозы общему миру со стороны империализма — успешное идейно-политическое воспитание члена социалистического общества является необходимым условием и нравственного созревания человека.

Содержание морали претворяется в сознание, в черты облика человека, в стиль работы и жизнедеятельности коллектива как стихийно, так и при преднамеренном создании для этого определенных условий обществом или классом. К этим условиям в первую очередь относятся пути, средства и методы нравственного воспитания, взятые в их системе. Благодаря функционированию этой системы осуществляется, во-первых, «воспитание в собственном, узком смысле этого понятия», т. е. сознательное, целенаправленное, рассчитанное на получение определенных, предвидимых идеологических и психологических результатов воздействия общества на индивида. Кроме того, во-вторых, благодаря этой системе в «объективном социальном воздействии» выявляются «факторы, наиболее благоприятные (с точки зрения данного общества или класса) для создания нужной «модели» личности», их педагогическая эффективность усиливается, а нейтрализуются, «насколько это возможно, нежелательные для целей воспитания влияния»²³.

Влияние общественного сознания на человека происходит, преломляясь в духовной атмосфере, принципах организации и жизнедеятельности тех социальных групп, объединений, к которым принадлежит член общества. Поэтому общество выдвигает определенные установки, адресованные семье, школе, учебным заведениям, печати, органам юстиции, трудовым коллективам,

²³ А. Г. Харчев. О диалектике процесса воспитания.— «Философские науки», 1971, № 1, стр. 5.

политическим, общественным организациям, учреждениям культуры. Это установки, касающиеся всей духовной атмосферы в названных группах и учреждениях, стиля отношений между вовлеченными в их деятельность людьми, содержащие определение задач, которые должны выполнять данные институты и коллективы в нравственном формировании личности. Следование этим установкам со стороны отмеченных групп, организаций, коллективов превращает их в опорные базы целенаправленного нравственного воспитания (хотя и стихийно оно так или иначе в них осуществляется). Через эти объединения и пролегают пути нравственного воспитания. В этих группах и объединениях получают применение методы и средства воспитания.

В каждой из основных сфер жизни человека (труд, общественная деятельность, быт, досуг) существуют свои «опорные точки» нравственного воспитания. Пути воспитания проходят также через выявление и использование духовного воздействия целого ряда важных социальных явлений. Используется воспитательное значение внешней и внутренней политики государства, науки, истории, труда, технического прогресса, спорта и т. д.

Яркой чертой социализма является громадное значение трудового коллектива в воспитании членов общества. В основе этого явления лежат глубокие экономические причины — общественная собственность на средства производства и следующее отсюда крайне значимое положение труженика в системе общественных отношений. Трудовой коллектив с его общественными организациями — важнейший посредник связи между личностью и обществом при социализме. Прежде всего здесь лежит поле выявления соотношения личных и общественных интересов в деятельности человека. В нем же весьма полно выявляется характер отношения общества к его отдельным членам. Поэтому принципы деловой, культурной жизни коллектива, характер формальных и неформальных отношений в нем, та специальная работа, которая ведется в коллективе в направлении политического, нравственного, эстетического воспитания его членов, решающим образом сказываются на их духовном формировании. Подчеркивая роль трудовых коллективов как основных ячеек социалистического общества, Л. И. Брежнев сказал в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС: «Здесь важное поле борьбы за повышение трудовой и общественной активности советских людей. Здесь формируются новые, социалистические качества трудящихся, складываются отношения дружбы и товарищеской взаимопомощи»²⁴.

²⁴ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 80

В связи с этим следует, хотя бы в плане постановки вопроса, коснуться социально-психологического климата внутри тех сравнительно небольших социальных объединений, с которыми, как правило, особенно тесно связана жизнь человека. Основным источником и общая база морали находятся на уровне класса или общества. Но внутри относительно малых социальных объединений (трудовых коллективов) создается климат, обусловленный в числе прочего психической стороной общения людей. Он проявляется в межличностных симпатиях и антипатиях, в коллективно-групповых настроениях, в явлениях подражания одним поведением других, заражения друг друга настроениями, в явлениях авторитета, популярности, конформизма и пр. Внутри объединения как такового могут господствовать оптимизм или пессимизм (если брать крайние случаи), может быть или не быть доброжелательность по отношению друг другу, что в свою очередь влечет либо деловую бодрость, уверенность в своих силах у члена коллектива, либо, наоборот, подавленность, напряженность в отношениях.

Воздействие общественной морали преломляется через все условия малой группы, коллектива, в том числе через социально-психологический климат. Они весьма ощутимо налагаются на общее действие морали и заметно отражаются на поведении людей, на восприятии ими нравственных ценностей. Социально-психологический климат ослабляет или усиливает ценностно-ориентирующее, регулятивное действие морали, препятствует либо помогает нравственному формированию индивида в желательном для крупной социальной общности направлении. Вопрос об управлении социально-психологическим климатом приобретает важное значение в связи с задачами нравственного воспитания коллектива в целом и его членов²⁵.

Большое значение имеют создаваемые обществом каналы донесения нравственных представлений и знаний, выявления и поддержания положительного мнения по вопросам нравственности: средства нравственного воспитания. Сюда надо отнести некоторые элементы образования (обществоведение в школах, этику в вузах), частично деятельность системы политпросвещения, а также направления агитации и пропаганды, систему морального поощрения за труд и общественную деятельность, поддержание положительных нравственных традиций, социалистическую обрядность, активное вовлечение марксистско-ленинской этики во влияние на коммунистическую мораль и в практический процесс нравственного воспитания. Могушие средства нрав-

²⁵ См. Предмет и система этики, гл. 8. Москва — София, 1973.

ственного воспитания — литература и искусство, все средства массовой информации и коммуникации.

В практике воспитания используются и особые методы нравственного воспитания. В качестве одного из главных здесь должен быть назван метод убеждения. Он предполагает передачу этических знаний, разъяснение нравственного смысла действий или явлений, «разговор по душам», беседы на темы морали, а иногда и прямое поучение, назидание. В тех случаях, когда убеждение не действует, воспитатели прибегают к принуждению, наказанию. В качестве воспитательных мер используются также поощрение и осуждение. Практика воспитания активно опирается на многие моральные санкции, органически применяемые в том или ином случае. К методам нравственного воспитания относятся и использование роли авторитета, положительных и отрицательных примеров. В морали, как и в других областях общественного воспитания, значительным фактором формирования личности и коллектива выступают также критика и самокритика.

Успех, эффективность нравственного воспитания зависят, помимо прочего, от самовоспитания членов общества. Склонять и побуждать личность к этому самовоспитанию, а также определенным образом направлять ее в этом — также метод нравственного воспитания индивида.

Мораль — сильное и важное средство формирования коллектива. Трудовые, общественные, учебные коллективы формируются не только в целях достижения ими прямых целей — трудовых, учебных и пр., хотя главным образом ради этого. Они складываются и как «нравственные единицы», представляют собой очаги духовной жизни, поле развертывания, складывания нравственных отношений, самопроявления индивида, источник усвоения им социального опыта в его многих гранях и место передачи другим людям своего собственного опыта. Нравственная атмосфера жизни коллективов — это относительно самостоятельная сфера их жизни и в то же время — нечто имеющее прямое отношение к деятельности, через которую достигаются непосредственные цели объединения. Она должна помогать членам коллектива развертывать их способности и проявлять склонности, приобщаться к жизни коллектива.

В достаточно долго существующем и прочном коллективе выделяются люди, пользующиеся наибольшим моральным авторитетом у других. Их личностные качества положительно и высоко оцениваются членами группы, порой служат объектом подражания. Руководитель коллектива и носитель такого нравственного авторитета порой представляют собой одно и то же лицо,

но не всегда. Вместе с тем надо сказать, что успех деятельности коллектива требует того, чтобы руководитель пользовался с моральной точки зрения уважением и доверием со стороны членов коллектива. Это важный фактор поддержания здоровой духовной атмосферы в группе, что прямым образом связано с деловым оптимизмом и бодростью ее членов. Конечно, незрелый, а тем более нездоровый коллектив может придать авторитет и незрелому в моральном отношении человеку. По достоинству оценивать и выдвигать людей, чей моральный облик действительно достоин уважения и подражания, бывает в состоянии коллектив, который сам достаточно воспитан. Тут наблюдается взаимодействие. Жизнь каждого коллектива — процесс. Коллектив претерпевает развитие на протяжении времени своего существования. При этом, с одной стороны, развитие коллектива способствует выдвижению, наделению авторитетом достойных в нравственном отношении людей, с другой стороны, нравственно лидирующие в группе лица содействуют установлению в нем определенных отношений и атмосферы.

Отмеченные процессы происходят не только стихийно и бесконтрольно. Коллектив, конечно, воспитатель своих членов. Но он в свою очередь выступает объектом воспитания. Его воспитывают установки общества (общности), другие коллективы, органы администрации и общественного контроля. В социалистическом обществе направляющую роль в этом отношении играют партийные организации. Велико также значение профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. Надо также исходить из того, что осуществление коллективом функций воспитания его членов в то же время является путем воспитания его самого и в деловом, и в нравственном отношении. Как и индивид, коллектив сам меняется в процессе своей собственной деятельности.

Интегральные итоги функционирования морали

Функции морали как социального феномена — это присущие именно морали способы выполнения общего ее назначения как формы общественного сознания, надстройки, идеологии. Это конкретные формы воздействия морали на общественные отношения, обусловленные ее относительной самостоятельностью и вместе с тем включенностью в социальную жизнедеятельность. Функции — это качественно определенные процессы реального участия морали в общественной жизни, в ходе которого устанавливаются известные связи между внутренним и внешним в нравственности, между моралью и другими сторонами соци-

альной жизни. Функции — не только проявления жизнедеятельности морали по отношению к социальной реальности, но и пути ее самоподдержания, самоукрепления в обществе. Это способы активного взаимодействия морали с социальным миром.

Функции морали взаимозависимы. Они взаимодополняют, а иногда и взаимозаменяют одна другую. Уже отмечалось, что развитость моральной системы выражается, в частности, в том, что ее императивы получают своего рода обоснование в нравственных взглядах, в наиболее общих понятиях морали о благе, добре и зле, справедливости и др. Предписания и оцениваются при помощи этих понятий, нравственных взглядов, хотя все элементы морали в то же время подвергаются оценке при помощи объективного критерия. Нравственные взгляды и общие понятия морали, имея общее нормативное значение, приобретают иногда силу непосредственных императивов, прямых руководств нравственного поведения. Значением моральной ценности могут в принципе обладать и нравственные взгляды, и императивы, и поведение людей, и нравственные отношения. Это значит, что ценностный, как и нормативный, характер морали мы не можем связывать с одной функцией морали. В одних отношениях он по преимуществу проявляется в какой-то одной функции, в других — в другой.

Взаимосвязь функций выражается еще и в том, что эффективность ориентирующего и регулятивного действия морали зависит не просто от отдельных поступков людей, ибо такие поступки могут не иметь между собой в ряде случаев никакой логически-нравственной связи, могут не обнаруживать действительных черт духовного облика стоящей за ними личности. Эта эффективность зависит от уровня развития, качественного содержания совершающей их личности, т. е. от успеха выполнения моралью функции формирования социального субъекта. Не только и не просто за счет самих установлений морали, но и потому, что проходящая школу воспитания личность приобретает относительно устойчивые черты, в поступках людей, в их нравственных отношениях обнаруживаются определенные тенденции, которые несут в себе наряду с изменчивостью какое-то постоянство.

Взаимосвязь, взаимодействие функций морали ярко проявляются и в тех социальных результатах, которые нельзя отнести за счет выполнения какой-то по преимуществу одной функции, поскольку они — итог действия морали как целого. Так, то участие, которое принимает коммунистическая мораль в борьбе с пережитками в сознании и поведении людей, конечно, результат ее функционирования как целого.

Для каждого общества типичны определенные нравственные отношения. Разумеется, они никогда не представляют собой точного воплощения моральных требований, желательного и должного с точки зрения определенной системы морали. Не говоря уже об упомянутом выше неизбежном факте некоторого разрыва между идеальными установлениями и практикой, надо сказать, что и при социализме наряду с передовыми существуют и отсталые нравственные отношения. Нравственные отношения складываются, испытывая влияние не только сознания, но и среды, сознания не только передового, но и отсталого. Недостатки материальной и духовной среды общества, трудности роста нового социального строя и другие причины вызывают и нежелательные явления в нравственных отношениях. Выполнение коммунистической моралью ее функций происходит и с целью помочь создать заслон для действия неблагоприятных для состояния нравов факторов, ослабить влияние на сознание людей прогивоположной морали. Опираясь на коммунистическую мораль, передовая общественность, коллективы социалистического общества выносят на суд людей ради осуждения и преодоления в борьбе то, что является антиподом коммунистической морали: стяжательство, взяточничество, тунеядство, клевету, анонимки, пьянство и т. п. Активизации этого процесса способствовал XXIV съезд КПСС. В Отчетном докладе Центрального Комитета съезду прямо говорится, что «новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого»²⁶. XXIV съезд партии дал установку на усиление борьбы с аморальными, антиобщественными настроениями и действиями незрелых членов общества. Конечно, не нравоучения главный путь борьбы с аморализмом, пережитками. Их искоренение предполагает совершенствование материальных и духовных условий жизни людей, подъем роли коллективов в воспитании человека, активизацию работы органов юстиции и т. д. Но оно предполагает также противопоставление отрицательному положительного, высоконравственного опыта и зовущих вперед ориентиров, т. е. дальнейшее развитие коммунистической морали и как сознания, и как социальной практики.

Участвуя в кристаллизации представлений о ценностях и внося вклад в утверждение, в упрочение в социальной жизни тех явлений, которые в общественном сознании получили значение ценностей, мораль, можно сделать вывод, по-своему формирует

²⁶ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 84.

культуру общества как совокупность материальных и духовных благ человечества. Вклад морали в формирование и поддержание культуры — тоже один из итогов ее функционирования — как одно из важных выражений относительно самостоятельного назначения нравственности в жизни общества представляет собой яркое проявление действенности морали, а также ее творческой природы. Культуру нельзя понимать исключительно статично как совокупность уже готовых результатов деятельности людей, ее надо рассматривать и как процесс. Как подчеркивают советские исследователи, живую душу культуры составляет творческая деятельность человека, создающего материальные и духовные блага. При рассмотрении культуры с этой стороны также явственно обнаруживается огромная роль морали. Мораль вооружает своих приверженцев ориентирами, руководствами деятельности и поведения, помогающими человеку в деятельности, направляющими его в социальном творчестве. Передовая мораль — мощное орудие социального прогресса человечества.

Играя немаловажную роль в определении ценностей, мораль в ее исторически меняющихся прогрессивных системах содействует выведению определенных явлений за пределы культуры, их преодолению того, что мешает прогрессу. Так, содержание коммунистической морали позволяет ей выступать в качестве одной из сил воинствующего гуманизма. Она по-своему, своими средствами вскрывает историческую обреченность эксплуатации человека человеком, империализма и всего отрицательного, что связано с ним, подрывая моральное доверие людей к капитализму.

Вершители позорных социальных акций, защитники реакционных режимов, как правило, много занимаются моральной самозащитой, нередко играют и спекулируют на моральных чувствах и представлениях масс. Моральное разоблачение реакции, хотя и не составляет в большинстве случаев главных способов борьбы с ней, принадлежит к числу действенных способов ведения борьбы и значительно ослабляет исходящие от сторонников социального застоя и мракобесия попытки оправдывать реакционные цели, стремления, акции. Такое разоблачение способствует вырыванию масс из-под влияния реакции. Тот вклад, который вносит коммунистическая мораль в развенчание и ослабление реакционных сил и движений, является важным аспектом борьбы коммунистической идеологии с буржуазной социальной практикой и идеологией.

Эффективность морали как социальной ориентации, регуляции, способа формирования личности и коллектива специфически выражает и закрепляет определенную, с развитием обще-

ства повышающуюся степень господства человека над общественными отношениями.

Сознательное начало господства человека над общественными отношениями при помощи морали выражается в том, что в истории общества мораль выступает в определенных случаях как вид социального управления. В функциях морали проявляется, что воздействие морали на общество не носит беспорядочного, спорадического характера, что оно достаточно определено в направленности своего действия и в своих тенденциях. Такой эффект достигается за счет разных средств: внешних по отношению к морали явлений и ее собственных феноменов. Функциональную по отношению к обществу роль мораль играет прежде всего благодаря ее собственным структурным элементам (нравственные взгляды, предписания, оценки и др.), ее собственным качествам (нормативность, ценностный характер, вплетение в психологию личности и др.). Не обладая достаточно развитой структурой, относительно определенными качествами, мораль не могла бы, в частности, действовать через неморальные средства выполнения своего назначения. Известно, например, о взаимодействии морали и политики, морали и права, морали и искусства, морали и науки, морали и философии в процессе реализации этими различными формами общественного сознания социальных функций. Это взаимодействие вовсе не свидетельствует о какой-то «слабости» морали, о ее неразвитости как социального феномена. Наоборот, чем полнее, глубже отражен в морали социальный опыт, тем больше число граней ее взаимодействия с политикой, правом и т. д. за счет проникновения структурных элементов и содержания морали в структуру и содержание других форм общественного сознания.

Развитие функций морали — одна из основ утверждения ее как вида социального управления.

Мораль не имеет собственных надстроечных учреждений, реализующих управление. Но для утверждения определенной морали правящий социальный субъект активно использует государственные органы, общественные организации, учебные заведения, культурно-просветительные учреждения, средства массовой информации и т. п. Как хорошо известно, мораль имеет в своем активе и такое средство обеспечения своего функционирования, как общественное мнение — социальное образование, хотя и не устанавливаемое законодательно, но далеко не просто и не только стихийно формирующееся, имеющее свои достаточно четкие структуру и функции. Можно поэтому сказать, что рассматриваемый признак социального управления — обращение к

надстроечным учреждениям — не вполне чужд морали, а имеет здесь лишь особую форму выражения.

Моральная регуляция осуществляется и без специальных функционеров. Воля класса проводится в сфере морали без выделения среди членов общества особых официально уполномоченных моральных руководителей, начальников. Но в обществе есть лица, которых условно можно назвать воспитателями, — те, кто согласно профессии или занятию, социальному положению (преподаватели, воспитатели, руководители производственных единиц и общественных организаций, родители и т. д.) особенно активно выполняют функцию нравственного воздействия на других людей. Профессиональная подготовка кадров ряда специальностей предусматривает обучение будущих работников методам нравственного воспитания. В наше время государством организована подготовка специально образованных идеологов, в том числе специалистов по этике. Кроме того, хотя и не в лице платных функционеров, в сфере нравственности есть свои руководители. Это, например, авторитеты — люди, чья жизнь, деятельность, облик являются моральным образцом, примером для других членов общества. Это, кроме того, выдающиеся идеологи, ученые, вносящие значительный вклад в развитие этики, а также сильно влияющие на нравственную жизнь общества.

Мораль выступает видом социального управления, когда внешние институциональные средства социальной регуляции поведения, нравственных отношений сознательно используются тем или иным классом (соответственно партией, государством) для поддержания определенной нравственности, для формирования членов общества в желательном направлении. Тогда ее воздействие на общественную жизнедеятельность принимает не просто направленный, а направляемый характер и благодаря этому довольно резко усиливается. Основу для использования внешних средств составляют собственные возможности морали, в частности, ее функции.

При социализме наблюдается значительное расширение использования управленческих возможностей морали. Тут надо различать два аспекта вопроса. С одной стороны, усиливается влияние науки на нравственность как на один из объектов социального управления, с другой (отчасти как следствие усиления влияния науки) — активизируется обращение общества к морали как к виду социального управления.

Одной из важных основ усиления управленческой роли морали является познание ее природы, сущности, что позволяет в идеологической работе Коммунистической партии, социалисти-

ческому государству опираться на научные выводы. (Сказанное, однако, не означает, что совсем снимается стихийное начало развития нравственности, речь идет о содействии при помощи науки выявлению и возвращению положительного, нового в нравственной жизни и, наоборот, об обуздании, пресечении отрицательных тенденций в данной сфере.) Важно и то, что при социализме в условиях морально-политического единства общества нет сил, заинтересованных в вуалировании подлинных целей направленного влияния на нравственность населения. Хотя относительно моральной жизни общества нет количественно выражаемых планов, программ, отчетов, при социализме, как известно, в некоторых пределах планируются основные линии духовного развития общества. Очередные цели коммунистического воспитания четко формулируются в виде идеологических задач партии, государства, общественных организаций, школьной системы. Планируются некоторые мероприятия, направленные на повышение сознательности трудящихся, на развитие их социальной активности, культуры. Определенное прогнозирование, а вместе с тем и сознательно осуществляемые меры борьбы затрагивают при социализме и область пережитков. Так, XXIV съезд КПСС выявил основные на сегодняшний день направления борьбы советского общества с антиподами коммунистической морали. На этом съезде была дана очень важная установка: в практике производственной работы, общественно-политической деятельности, коммунистического воспитания трудящихся больше обращать внимание на нравственно-психологический климат в трудовых коллективах.

Усилия значительного числа научных работников в области педагогики, этики, психологии, сознательно направляются партией, государством на разработку методов воспитания, на поиск путей дальнейшего подъема уровня нравственности в стране. Ни одна предшествующая социализму формация не знала такой широкой, специально продумываемой и постоянно совершенствуемой практики морального поощрения тружеников за доблестный труд.

Благодаря работе идеологических учреждений при социализме сознательно обобщается и широко пропагандируется передовой нравственный опыт, целенаправленно ведется создание объективных и субъективных условий для должного состояния нравственности, учреждается научно обоснованная система коммунистического воспитания членов общества. Задачам подчинения обществу стихийного начала в развитии нравственности служит при социализме также исследование социальных функций морали.

Проблемы индивидуальной нравственности

Этический подход к исследованию личности

Рассмотрение морали неизбежно приводит этику к изучению вопроса о ее воздействии на личность, на жизнь человека. При создании научного представления о морали нельзя также обойти проблему относительно самостоятельной роли личности в возникновении, развитии, функционировании морали. Таким образом, изучая мораль, этика делает объектом своего исследования и личность, взятую в ее отношении к морали, в связи с ее местом в общей системе функционирования нравственности. Этика рассматривает личность со стороны таких ее качеств и проявлений, которые в основном не составляют предмета изучения человека другими науками, и представляет результаты исследования личности под своим углом зрения посредством собственного понятийно-категориального аппарата. Этот понятийно-категориальный аппарат тоже должен быть изучен и освещен для ответа на вопрос о личности как объекте этического исследования.

Нравственные характеристики личности и формы ее участия в нравственной жизни общества меняются от одной общественно-экономической формации к другой. В зависимости от протяженности сферы регулятивного действия морали, глубины его в каждое исторически конкретное время более узко или, напротив, более широко применяются моральные критерии для оценки и просто понимания поведения людей. Несомненно, что изменения претерпевали и социальные механизмы вовлечения индивида в нравственную жизнь: содержание моральной императивности в целом, ценностной ориентации, даваемой общественной моралью. Исторически изменчивы содержание и формы нрав-

ственного самоконтроля, взгляды людей. Изменения касались и набора структурных компонентов индивидуальной нравственности. Вряд ли в родовом обществе индивид имел свой особый идеал: члены родовой общины не обладали развернутыми нравственными взглядами, хотя и имели четкое представление о соответствующих условиям моральных императивах.

Тем не менее характер участия личности в нравственной жизни во все эпохи имеет некоторые общие моменты. Не будь их, нельзя было бы говорить и о морали как компоненте общественной жизни, и об индивидуальной нравственности как существенной стороне духовного облика человека. Поэтому исследование индивидуальной нравственности как в ее конкретно-историческом содержании, так и в ее относительно общих чертах актуально и с точки зрения дальнейшего развития марксистско-ленинской этики, и с точки зрения решения насущных проблем нравственного воспитания в современный период.

Личность составляет фактор нравственной жизни общества и, если только так можно сказать, ее живую «единицу», ее особое средоточие, в котором одновременно проявляются и черты общественной нравственности, и индивидуальность каждого отдельного человека. В данном случае внимание обращается, однако, не на доказательство того, что личность действительно составляет фактор и единицу нравственной жизни (это, пожалуй, очевидно), а на задачу правильно понять характер вовлеченности индивида в нравственную жизнь и значение морали в индивидуальной жизни. Философской основой решения поставленной задачи является осмысление с марксистско-ленинских позиций роли нравственности и личности в системе общественных отношений, с одной стороны, и специфического преломления общественных отношений в морали и личности — с другой.

Марксистско-ленинскую этику в разрешении ею проблемы личности как объекта этического исследования, как и в разрешении иных проблем, отличает ее опора на историко-материалистическое понимание природы, сущности морали и личности. Ведь предшествующую марксизму философию и современную буржуазную философскую мысль ни в коей мере нельзя обвинить в пренебрежении, игнорировании личности как объекта этики. Можно констатировать, что в истории этики почти не было таких учений, объектом исследования которых не являлась бы личность. Лишь неопозитивистские школы составляют в этом плане некоторое исключение. Более того, в немарксистской этической мысли личность часто выдвигается как центральный объект исследования. Данный факт в значительной степени обусловлен общефилософскими позициями создателей этических кон-

цепций, противостоящих марксизму. Они пытаются объяснить общество, исходя из индивида, а не наоборот. Поэтому субъективным условиям нравственной жизни, проблеме смысла и цели индивидуального человеческого существования они придают преувеличенное значение.

С чем бы как с решающим основанием ни связывали немарксистские мыслители представления о личности, а вместе с тем и о морали,— с природой ли, с разумом, с богом или чем-либо иным,— они были чужды материализму в понимании общества, морали, личности. Даже если то или иное немарксистское этическое учение со всей возможной для него силой выдвигает принцип служения личной нравственности интересам социального целого, оно, не опираясь на научное понимание природы общества, государства, человека, не в состоянии разрешить антитезу личного и общественного. А потому при всем внимании к личности этика прошлого и современная немарксистская этика оказываются далеки от того, чтобы правильно определить значение личности как морального индивида.

Глубинные закономерности развития и функционирования морали остаются для немарксистской этики нераскрытыми. Для многих немарксистских этических концепций характерна сильнейшая тенденция к субъективизму, которая приводит к абсолютизации роли морали в обществе, к изображению духовного самосовершенствования личности главным путем общества к счастливой жизни. Одно из крайних выражений этой тенденции, развитое в экзистенциализме, состоит в отношении к индивидуальной нравственности как к результату произвольной личной игры, не подчиняющейся никакой объективной закономерности.

Правда, тенденция к субъективизму не была присуща этике Гегеля, о котором молодой К. Маркс говорил, что «он современной морали указал ее настоящее место»¹. Гегель идеалистически истолковывал нравственность. Однако предложенное Гегелем ее понимание содержало значительные положительные моменты. Ф. Энгельс отметил два из них: признание объективной закономерности развития морали и обнаружение диалектической связи нравственности с правовыми, экономическими и вообще со всеми социальными отношениями². Решающее значение в нравственности Гегель отводил общественному этосу, а не индивидуальным моральным позициям³. Гегелевская кри-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 345.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 295.

³ См. Очерк истории этики. М., 1969, стр. 204, 206, 208.

тика этического субъективизма до сих пор представляет большую ценность. Однако в противоположность абсолютизации личностного начала в нравственности Гегель впал в другую крайность. Отводя личностному началу место главным образом в сфере «морали», которая в его концепции отнесена к более низкой ступени развития духа, Гегель считал, что в сфере «нравственности», которая им отнесена уже к высшей ступени развития духа, индивиды в условиях современного ему общества присоединяются к «объективной разумности», независимой от субъективного произвола, что значение их самостоятельности в общем и целом довольно невелико. Согласно Гегелю, в «гражданском обществе» в отличие от «века героев» лишь всеобщая нравственная субстанция — активная сила, порождающая свои единичные проявления в индивидуальной нравственности⁴.

Сказанное не означает, что этическая мысль прошлого в осмыслении индивидуальной нравственности совсем не содержит истины, рациональных зерен, плодотворных идей. В старой этике была найдена верная, хотя правильно не разработанная ею, идея единства самых общих принципов рассмотрения внешнего мира и мира внутреннего, духовного. Прежняя этика, надо отдать ей должное, много занималась высоким значением добродетелей, обосновывала и разрабатывала некоторые моральные принципы непреходящего для человечества значения: отношение к человеку как к цели, «золотое» правило нравственности и другие. Она сумела в неупорядоченном обыденном сознании выявить ряд понятий и применять их как теоретические категории для осмысления нравственности: долг, совесть, достоинство, мотив, поступок и т. д. Лучшие представители старой этики осознавали и обосновывали необходимость гармонического сочетания личной и общественной морали, хотя не смогли указать путей к его достижению.

Но, не имея верного понимания общества в своей основе либо, как уже сказано, нивелируя личностное начало нравственности в общественном, либо непомерно раздувая значение индивидуальной субъективности в определении состояния общественной нравственности и общества в целом, немарксистская этическая мысль сплошь и рядом впадала в морализаторство и в утопическое прожектерство. Нередко даже и влекомые благородным идеалом служения благу общества мыслители конструировали моральные системы, которые предназначены были преобразить жизнь общества. Порок этих попыток состоит, собствен-

⁴ См. М. А. Киссель, М. В. Эмдин. Этика Гегеля и кризис современной буржуазной этики. Л., 1966, стр. 24, 35, 51.

но, не в самом по себе конструировании моральных принципов. Этика возникает, в частности, из необходимости обобщать стихийный нравственный опыт, а эта задача только отчасти может быть отделена от обоснования и разработки тех или иных нравственных принципов, требований. Порок попыток старой этики создать ту или иную систему совершенной морали состоял в том, что эти попытки не основывались на реальных законах общественной жизни, социального развития.

Итак, хотя личность на протяжении всей истории этических учений была объектом их теоретического интереса, понимание ее как такого объекта не могло не измениться коренным образом с возникновением марксизма, явившегося научным учением об обществе и человеке. Но осмысление самого факта, что личность всегда составляла часть предмета этики, многое освещает и для нашей этики. В этом факте преломленно отражаются важность, значительность личности для нравственной жизни общества. Он свидетельствует, что этика как наука не может обойтись без знания о личности как факторе и единице нравственности.

Личность в сфере морали проявляет себя прежде всего как член класса, различных социальных объединений и групп. Социальная общность — главный и основной субъект морального сознания, что и обуславливает основные тенденции взаимосвязи личности и морали. Истоки человеческого поведения, которое столь часто и зримо обнаруживает влияние на него морали, коренятся в потребностях людей. Поэтому, хотя люди и «привыкли объяснять свои действия из своего мышления», их следует объяснять из «потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)»⁵. Основные потребности людей — это потребности социальных, а не обособленных индивидов, не «робинзонов». Содержание человеческих потребностей, их иерархия, способы их удовлетворения в целом определяются условиями жизни людей, во многом их социально-классовой принадлежностью. Разумеется, содержание биологических потребностей обусловлено биологической природой человека. Но его отношение к природе опосредствуется условиями его социальной жизни.

Ведущим во всей жизнедеятельности класса выступает его экономический интерес. Соответственно он является определяющим и в иерархии потребностей индивида. Духовные потребности людей в общем и целом являются подчиненными по отношению к их экономическому интересу. В числе этих духовных потребностей находится, как правило, социально воспитыва-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 493.

ваемая в человеке ориентация на определенную моральную систему, установления которой воспринимаются индивидом как одно из руководств поведения.

Но в известной степени и независимо от субъективного отношения к общественной морали последняя составляет фактор жизнедеятельности, поведения индивида. Даже не принимаемая кем-то в качестве ориентира и руководства поступков, общественная мораль все же ставит поведение данного человека в определенные рамки. Дело в том, что нравственность составляет неперенное духовное условие жизни социальной общности как выражение ее интересов. Каждый отдельный ее представитель не может не разделять этих общих условий наряду с другими членами общности и не подчиняться в каких-то пределах порядку социальной жизни.

В сферу морали человек вовлекается не только и не просто силой самосознания. Хотя и правильно, что в качестве объекта этического исследования личность предстает в основном со стороны ее субъективного духовного развития и состояния, не следует упускать при этом того, что единицей нравственной жизни человек является не только со стороны его субъективного самосознания, но и со стороны его объективного положения в обществе, в целом определяющего духовное развитие индивида. Потребность в нравственном поведении имеет в качестве конечного не только и не столько внутренний, сколько внешний источник, возникая на основе вовлеченности индивида в социальную деятельность.

Сказанное выше о вторичности духовных интересов не означает признания их маловажности в жизнедеятельности социальной общности и в поведении индивида. Как часть субъективного фактора мораль выполняет обслуживающую и преобразующую миссию по отношению к базису общества и общественным отношениям в целом. Моральные мотивы и стимулы составляют могучий источник организации, воодушевления масс, обуславливают определенные формы их постоянного участия в социальной деятельности. Для общности потребность в определенном духовном развитии ее членов является особенно острой в переломные, критические периоды истории. Революции, восстания, войны и другие социальные движения не могут осуществляться без проявления их участниками преданности вдохновляющим их идеям, мужества, стойкости, энтузиазма. Освоение общественной морали, выработка самостоятельного отношения к ней составляют одно из условий приобщения индивида к социальному целому, становления его как представителя общности. Хотя моральная регуляция как фактор социальной жизни

влияет на поведение индивида и независимо от его субъективного отношения к морали, нравственное развитие личности всегда, с одной стороны, во многом зависит от ее индивидуальности, а с другой — влияет на становление самой этой индивидуальности в целом. Как моральный индивид человек не действует и не может действовать, отрешившись от своего внутреннего мира, известной автономности. Нравственное поведение всегда связано с относительно самостоятельным выбором. Процесс моральной регуляции осуществляется через посредство сознания, воли, чувств вовлеченных в нее людей.

Сознательно или стихийно участвуя в системе нравственных отношений, человек обнаруживает свои социальные позиции, раскрывает свой внутренний мир, реализует свои духовные потенции. Все это крайне важно для члена общества. Нравственное поведение воспринимается индивидом как одна из арен выражения его отношений к остальному миру, как поле, позволяющее, с одной стороны, черпать из социального опыта и приобщаться к нему, а с другой — пополнять его своим собственным вкладом. При всей жизненной важности для индивида удовлетворения в первую очередь самых насущных потребностей его духовные интересы при определенных общественных и личных ситуациях начинают играть доминирующую роль в детерминации его поведения. Иначе история не знала бы отстаивания собственного достоинства ценой физических страданий, самопожертвования людей. Только в абстракции можно разделить в поведении, в духовном облике человека социальное и индивидуальное, которые на самом деле пронизывают друг друга.

Классики марксизма-ленинизма писали об истории, что она представляет собой *«не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»*⁶. «...История вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»⁷. Эти положения, надо полагать, можно распространить и на «духовное производство», хотя в этой сфере деятельность людей имеет свою специфику в сравнении с деятельностью материальной. Специфически в сфере общественного сознания проявляется и роль отдельной личности. Общественные отношения, общественная человеческая связь, писал К. Маркс, не есть «некая абстрактно всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богат-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 102.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.

ством»⁸. Нравственные отношения также создаются деятельностью людей, они — компонент того «мира человека», который он создает, причем в основе его преобразовательной деятельности лежат объективные законы развития общества, которые, определяя деятельность людей в ее основных тенденциях, в то же время осуществляются через нее. Поэтому проявления человека в сфере морали должны изучаться как проявления деятельного, активного существа.

Нравственность — одно из проявлений сущности человека как ансамбля общественных отношений. В качестве таковой нравственность в своем историческом преобразовании выражает помимо прочего некоторые стороны, особенности развития человеческой личности по мере хода истории — развития, связанного с тем, что, создавая социальный мир, изменяя действительность, человек меняется и сам. Поэтому этика, имея личность в качестве объекта исследования, призвана давать много ценного для познания непосредственно самой личности — закономерностей ее становления и развития, форм ее сознания, поведения и т. д. Несомненно, в частности, что одна из областей углубленных этических разработок, от которых в будущем можно ожидать плодотворных результатов, — это взаимосвязь, взаимообусловленность сознания и поведения человека.

В числе других средств социальной регуляции мораль дает человеку правила, ориентируясь на которые он сообразовывает свое поведение с «контекстом» современных ему общественных отношений. Она приучает его к некоторым формам общения с другими людьми, определяет направленность, а отчасти и содержание его отношений к близким и не близким ему людям, к самому себе, к группам, обществу, человечеству. Ее языком определяется, например, ценность Родины, интернационального братства людей, товарищества для человека как индивида. Мораль ориентирует и социальную общность в той мере, в какой включает некоторые требования к самому состоянию общества, предписывающие, в частности, социальному целому известное отношение к его отдельным членам, например должное отношение к больным, к героям войны и др.

Интересы социального целого мораль проводит в поведение отдельных членов общества именно как субъектов, во многом самостоятельных, с точки зрения интересов общности контролируя их поведение и духовно стимулируя их поступки определенного типа. Общественное сознание исторически прогрессив-

⁸ К. Маркс. Заметки по поводу книги Джемса Милля. — «Вопросы философии», 1966, № 2, стр. 119.

ных социальных сил, как правило, и саму действительность оценивает с точки зрения ее влияния на личность (хотя это далеко не единственное основание оценок социальной реальности), на условия ее жизни и труда, на ее развитие, физическое и духовное состояние.

Конечно, всякая моральная ориентация и регуляция производятся не на основе каких-то абсолютных критериев, а при помощи установлений конкретной моральной системы. Каждый класс (общество) в своей морали оценивает поведение личности, а также ее положение в обществе, руководствуясь своими потребностями и целями, в конечном счете теми возможностями устройства социальной среды, которыми он как особый класс обладает. Мораль эксплуататорских классов — одно из духовных средств закрепления угнетенного, поработанного положения трудящегося человека. Но всякий класс (общество) в соответствующих его возможностям и интересам пределах стремится дать своим членам некоторые материальные и духовные гарантии, исторически конкретно обеспечивающие им поле их суверенности. С этой точки зрения он определенным образом и контролирует реальные социальные процессы, подчиняя в то же время обеспечение интереса личности удовлетворению общественного, социально-классового интереса.

Мораль оценивает личность, принимая во внимание влияние ее повседневного поведения на жизнь социального целого, на его интересы, т. е. в моральном подходе к действительности так или иначе принимается в расчет личность, выступающая и как субъект известного отношения к социальному целому, и как объект определенного отношения со стороны этого целого. Нравственность охраняет интересы социального целого с той стороны, с какой их удовлетворение зависит от исторически определенного отношения к общему, общественному отдельных людей, и с той, — с какой оно зависит от известного отношения самой социальной общности к ее отдельным членам. Таким образом, мораль функционирует в сфере взаимопроникновения социального и индивидуального, общественного и личного, имея главным и непосредственным объектом своего функционального действия поведение людей.

Обращая вместе с тем внимание на то, что этика должна изучать личность лишь с определенной стороны, не во всех тех проявлениях и качествах, которые изучаются другими науками, следует подчеркнуть, что сама по себе категория личности является общесоциологической, имеющей отношение ко всем сторонам социальной активности индивидов.

В этой связи представляется необходимым затронуть вопрос

о том, что следует подразумевать, когда говорится о личности. Иногда личность определяют как носителя лишь тех или иных положительных качеств. Так, Э. Бартнев пишет: «Личностью можно назвать не всякого индивидуального представителя рода человеческого, а только того из них, который обладает сложившимися к данному моменту исторического развития способностями к творческой деятельности и стремится к ней»⁹. Т. М. Даутов утверждает, что личностью может признаваться «лишь тот индивид, в котором наиболее полно представлено общественно-целое на данном этапе его развития»¹⁰. Если принять определения такого типа, надо не всех членов общества считать личностями, с чем нельзя согласиться. Более удачными представляются определения личности, даваемые Г. М. Гаком: «Личность — это конкретно данный человек, иными словами, человеческий индивид». «Каждый человек — личность как носитель общего и особенного»; «под личностью следует понимать не человека вообще, а конкретно-данного человека в единстве его типических и индивидуальных черт»¹¹. С С. Слободянюк определяет личность аналогичным образом: «Личность — конкретный человек, являющийся субъектом и объектом определенной социальной структуры и индивидуальным проявлением ее сущности»¹². Достоинство этих определений, может быть, и не исчерпывающих и, конечно, не окончательных, состоит, в частности, в том, что в их свете личность раскрывается как объект и субъект общественных отношений одновременно, как единство социального и индивидуального. Методологической основой такого рассмотрения является глубоко плодотворная марксистская идея о взаимном производстве человека обществом и общества человеком. Подобные дефиниции подводят к правильному, на наш взгляд, выводу о том, что члены развитого общества различаются скорее не как личности и неличности, а как личности разного уровня развития.

В плане конкретной социологии личность чаще всего познается со стороны ее связей с социальными институтами, а также со стороны ее социальных ролей. Психология исследует характеристики сознания и воли человека, причем больше со стороны

⁹ Э. Бартнев. Тайны бытия человеческого. М., 1969, стр. 121.

¹⁰ Т. М. Даутов. Личность как социологическая проблема. Алма-Ата, 1970, стр. 118.

¹¹ Г. М. Гак. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967, стр. 17; Коммунизм и личность. М., 1964, стр. 15.

¹² С. С. Слободянюк. Личность как ценность. М., 1971, стр. 52. См. также: Н. Ф. Третьяков. Некоторые методологические проблемы личности как предмет научной дискуссии в философии 60-х годов. — «Вопросы методологии науки», вып. 1, Томск, 1971.

их формы, чем содержания. Педагогика центром своего исследования имеет субъективные и некоторые объективные условия формирования человека, закономерности становления личности под влиянием целенаправленного воздействия на нее системы воспитания.

Марксистско-ленинская этика познает социально-индивидуальные качества отношения человека к действительности в аспекте участия его в моральной жизни. Она изучает влияние морали на человеческое поведение, значение морали для формирования индивида как члена общества. Она постигает также роль личности в функционировании и развитии морали. Этикой исследуется то, как в сфере нравственности специфически проявляется роль личности как субъекта и объекта общественных отношений.

Целый ряд советских исследователей рассматривают личность прежде всего с точки зрения того, как она формируется и проявляется в деятельности. Опираясь в этом вопросе на позиции С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, П. Е. Кряжева, Б. Г. Ананьева, И. С. Кона, Л. Н. Бугевой и др., М. С. Каган пишет: «Мы сказали бы, что личность есть персонифицированная деятельность и что поэтому есть основания согласиться с тезисом П. Е. Кряжева: «Социальная структура личности складывается как синтез тех видов деятельности, в которые она включена»¹³.

В настоящее время идет дискуссия об основных видах человеческой деятельности — принципах их выделения, классификации и числе¹⁴. Но сам по себе подход к определению личности с этой стороны, широко признанный среди советских философов, представляется плодотворным, позволяющим во многом выяснить субъектно-объектную роль личности в сети общественных отношений. В этом подходе этика также должна определить свой аспект. В ценностно-ориентационном виде деятельности нравственная деятельность человека занимает очень значительное место. Благодаря особой духовной деятельности индивид вырабатывает под влиянием общественного сознания, условий среды свои нравственные взгляды, убеждения, существенно влияющие на его ценностную ориентацию, осуществляет моральный выбор, вступает в те или иные отношения с людьми, а так-

¹³ М. С. Каган. К построению философской теории личности.— «Философские науки», 1971, № 6, стр. 17.

¹⁴ См. Л. П. Бугева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 58—59; Л. А. Зеленов, Е. К. Кеда. Все знать, все уметь?! Горький, 1966, стр. 23—45; М. С. Каган. Опыт системного исследования человеческой деятельности.— «Философские науки», 1970, № 5.

же в каких-то формах обогащает общественную нравственность, содействует ее развитию. В одних случаях есть основания говорить о нравственной деятельности как превалирующей в отношении человека к действительности, в способе его связи с ней (например, я бескорыстно помогаю другим людям; студент Артемьев выносит ребенка из горящего дома, рискуя жизнью); в других — можно говорить о данной деятельности как аспекте способа связи человека с обществом, с другими людьми (так, мы выделяем нравственные аспекты труда, политической деятельности и т. п.).

Нравственная деятельность индивида — несомненный предмет изучения для этики как деятельность относительно самостоятельная, а также как нравственный аспект других видов деятельности человека.

Марксистско-ленинская этика на современном ее этапе особо заостряет внимание на роли коммунистической морали в формировании личности социалистического типа, на нравственности членов социалистического общества. Отметим здесь только три специфические проблемы нравственного формирования личности, приобретших за последнее время особенно большую актуальность для марксистско-ленинской этики в связи с потребностями развития социалистического общества. Одна из таких проблем, значение которой возрастает в прямой зависимости от особой роли трудовой деятельности людей при социализме, от усиления регуляционного действия моральных факторов в сфере труда, — это развитие профессиональной этики и развертывание воспитательного процесса на этой основе, нравственное формирование личности как специалиста, профессионала. Далее, в связи с ростом творческой самостоятельности трудящихся при социализме актуальна проблема нравственных аспектов социальной активности личности.

Наконец, очевиден возросший интерес советских исследователей в области этики к проблеме морального содержания внешней культуры человека, этикета. Это объясняется тем, что общий рост культуры в нашей стране необходимо влечет возрастание у членов общества потребности овладевать всеми формами культуры, в частности культуры взаимоотношений.

Повышение уровня развития личности влечет обогащение ее духовного облика: развитие ее интеллекта, чувств, эстетических потребностей и т. д. Это значит, что индивидуальная нравственность оказывается во все более сложной микросистеме, что более опосредованным становится ее влияние на итоги поведения человека, что она сама испытывает все усложняющиеся и многочисленные влияния других направлений духовного созре-

вания индивида. По мере социального прогресса, одним из выражений которого выступает развитие человека как личности, усложняется, развивается и предмет этики как науки уже в тех его аспектах, в которых этика занимается личностью.

Структура индивидуальной нравственности

Разумеется, нравственная жизнь индивида никогда не протекает в конечном счете вне какой-либо связи с нравственностью общественной. Личность, однако, представляет собой микросистему, имеющую свои относительно самостоятельные, относительно независимые и друг от друга и от общественной жизни компоненты, одним из которых является нравственность. Поэтому индивидуальную нравственность нельзя рассматривать всегда исключительно в связи с влечением ее в механизм общественной регуляции. Для духовно развитого индивида нравственная жизнь — сфера насыщенной духовной деятельности — анализа, сравнений, выбора, оценок, раздумий, переживаний, принятия решений и составления планов на будущее. Все *Я* личности может преломляться в ее нравственной жизни. И хотя социальные истоки индивидуальной нравственности и социален смысл ее проявлений, нравственная жизнь крайне важна не только в связи с этим, но и как составная часть внутренней жизни, духовного мира личности самой по себе. Индивидуальная нравственность является одной из арен, позволяющих личности сохранять и выражать свою относительную суверенность в сети общественных отношений. От индивидуальной нравственности зависит общественное лицо человека. Недооценка важности интимного, если так можно сказать, смысла индивидуальной нравственности не только обеднила бы и даже исказила наше представление о личности и нравственности, но и помешала бы наметить верные пути воспитания человека. Самоанализ часто предшествует важным актам социального поведения человека. В любом случае оно испытывает на себе влияние внутренней жизни индивида.

Взаимопроникание социального и индивидуального в личности как моральном индивиде запечатлевается в содержании и структуре индивидуальной нравственности.

Индивидуальная нравственность, как правило, выступает посредником между внешней детерминацией поведения как его важнейшим истоком, с одной стороны, и его социальным смыслом, если иметь в виду уже объективированное поведение, его общезначимый результат, — с другой. То внешнее для личности развитие общественной нравственности, под определяющим влия-

нием которой складывается индивидуальная нравственность, своеобразно перерабатывается во внутреннем мире личности, получает печать индивидуальности и конкретных условий жизни человека и только после этого составляет одну из основ детерминации поведения индивида.

Индивидуальная нравственность и со стороны содержания, и со стороны структуры зависит не только от материальной и духовной среды, но и от уровня развития человека и является при этом одним из показателей развития личности.

Явно выделяемый структурный элемент индивидуальной нравственности — представления и понятия человека о нормах, о добродетелях и пороках, добре, зле, справедливости, примерах высокой нравственности, об установившихся в данной среде критериях нравственной оценки и т. п. Сами по себе эти представления и понятия, которые можно назвать *нравственными знаниями*, еще не связаны необходимым образом с внутренним механизмом поведения человека. Обладание знаниями без развития других сторон индивидуальной нравственности, а также без участия воли и характера человека может и не сказываться серьезно на поступках индивида. Но в детерминации поведения они немаловажны. Эти представления как бы пронизывают все содержание индивидуального сознания, составляют материал для выработки его уже сугубо личностных элементов. Индивидуальные в своем объеме и некоторых других моментах, они, если взять их в абстракции, несут на себе печать конкретно данной личности со стороны их полноты или неполноты, глубины или поверхностности и т. д. Но в них еще с достаточной определенностью не выражаются личностные позиции, установки. Это отражение в сознании индивида «внешней» для него нравственности (и ее духовного содержания, и ее практики), а также та или иная степень познания им этики как науки — материал, еще субъективно не переработанный индивидом.

Следующий важный элемент индивидуальной нравственности — *нравственные взгляды*. В них личность тоже, разумеется, далеко не полностью оригинальна. Ее взгляды формируются под влиянием общественных взглядов, содержания общественного сознания, условий жизни человека. Но если общественные предписания обязательно конденсируют социальный нравственный опыт и не могут быть изобретены отдельным индивидом, то в отличие от них взгляды — элемент не только общественного, но и индивидуального сознания, они могут иметь и индивидуализированный характер. В них отражается понимание индивидом добра и зла, справедливости, смысла жизни, счастья, нравственного идеала. В этих взглядах личность осмысляет роль

человека как нравственного индивида в системе общественных отношений. Это тот «этаж» индивидуальной нравственности, где формируются жизненные моральные концепции (концепции в смысле представлений об основных моральных принципах жизни). Данные взгляды — та общая платформа индивидуальной нравственности, на которой возникают более конкретные импульсы поведения. Уже в этом состоит важная роль нравственных взглядов в детерминации поведения.

Взгляды — весьма подвижной элемент индивидуального сознания, у каждого человека они обычно в каких-то пределах меняются, расширяются, углубляются на протяжении жизни (хотя их мировоззренческая суть может оставаться одной и той же). При этом взгляды человека в том виде, в каком он имеет их на каждый данный момент, опосредствуют влияние на него социальной среды, в частности, императивного содержания общественной морали. Личность, например, как правило, придерживается предписаний тем лучше, чем больше она одобряет, чем выше оценивает их. При определенном содержании взглядов индивида для него могут почти что полностью утрачивать регулятивное значение те или иные общественные императивы. В силу своих взглядов индивид может отвергать их. Во взглядах, как видим, намного больше, чем в знаниях индивида, отражается его личность.

Если в общественном сознании нравственные взгляды, как правило, предшествуют образованию, утверждению тех или иных императивов какой-либо конкретной моральной системы, то в индивидуальном сознании взгляды складываются обычно, претерпевая влияние бытующих в обществе нормативов. Испытывая их влияние, индивид в то же время вырабатывает свое отношение к ним, обусловленное самыми различными факторами объективного и субъективного порядка. Нравственно-мировоззренческая ориентация человека сильно, таким образом, сказывается на его отношении к конкретному императивному содержанию морали, что должно приниматься во внимание в практике воспитания.

Центральный элемент индивидуальной нравственности — *убеждения* — сплав ранее обрисованных элементов индивидуального сознания и выношенных индивидом его глубоко личных отношений к моральным установлениям и к общественной нравственной практике. Это представления индивида о необходимом, с его относительно уже устоявшейся у него точки зрения, в нравственной практике людей, общества и в его собственном поведении. Поэтому они лежат и в основе экспектаций человека по отношению к нравственности других людей; опираясь в боль-

шой степени на них, он анализирует моральную практику и самого себя. Этот элемент индивидуальной нравственности синтезирует рациональное и эмоциональное. Убеждения содержат в себе и социальные чувства индивида.

В этом состоит одна из основ особой роли убеждений в поведении по сравнению с другими элементами индивидуальной нравственности. Не просто от разума, а и от социальных чувств, рациональных соображений, облеченных соответствующими чувствами, идут самые могучие индивидуальные импульсы действий, поведения человека.

Ведущая роль убеждений в детерминации поведения по сравнению с другими элементами индивидуальной нравственности обуславливается и другими их чертами. В индивидуальном сознании социальные императивы существуют не в том виде, в каком они бытуют в общественном сознании. В индивидуальном сознании они преобразуются, причем в переработанном виде присутствуют именно в убеждениях человека. Значительную долю их составляют выношенные, относительно устоявшиеся суждения (выводы) индивида о том, каких жизненных принципов, правил поведения надлежит придерживаться, какие моральные цели ставить,—сердцевина нормативных представлений личности. Общественные предписания преобразуются в индивидуальном сознании, но если результатом такого преобразования выступают убеждения, а не, положим, просто мнения, то это значит, что преобразованное содержание императивов не потеряло для человека повелительной силы. Конечно, индивидуальные нравственные взгляды также носят нормативный характер. Но их нормативность еще не обладает всей полнотой императивного значения. Это еще не повеления, которые дает себе сама личность. В убеждениях же нормативность приобретает форму и содержание, непосредственно отвечающие задаче практической саморегуляции поведения.

Кроме того, хотя убеждение является по преимуществу элементом структуры индивидуального сознания, а не поведения, убеждение потому и выступает убеждением, что связано с устойчивыми качествами поведения индивида, со способностью человека соответствующим образом напрягать и мобилизовать волю. Ведь обычно взгляды, знания еще не переходят в убеждения, если не подкрепляются поступками.

При действовании в конкретных условиях, ситуациях нравственная сторона поведения не непосредственно определяется убеждениями личности. В зависимости от конкретных обстоятельств, в которых осуществляются действия, убеждения преобразуются в *мотивы и намерения* (что не означает, что мотивы

и намерения всегда определяются только моралью). Моральные мотивы и намерения зависят, таким образом, от убеждений; но имеют по сравнению с ними относительную самостоятельность. Ведущим в мотиве поступка может оказаться вдруг не убеждение человека, а намерение, вызванное случайными обстоятельствами и противоречащее убеждению. Важно содержание, а также сила, глубина убежденности человека, чтобы именно через нее проходила линия детерминации его поведения.

Особенно активно протекает процесс образования и борьбы мотивов, если ситуация действий сложна и затрагивает самые основы поведения человека. Присутствие убеждений в мотивообразовании особенно важно тем, что они в отличие от меняющихся условий поведения человека создают относительно устойчивую основу его моральных решений, обеспечивают последовательность его поведения.

Вместе с тем человек должен действовать в прямой зависимости от ситуации, быть не «вне реальности», а в ней. Это и обуславливает в большой мере борьбу мотивов. Содержание мотивации определяется не только устойчивыми, но и подвижными факторами. Поскольку именно в сфере мотивации непосредственно определяется поведение человека, она представляет собой важный участок его нравственной зрелости. Если нравственная жизнь сплошь и рядом оказывается для человека причиной переживаний, боли, мучений, сомнений, колебаний, чувств ликования, вдохновенья или, наоборот, горечи, протрации и пессимизма, то все это отражается прежде всего на сфере мотивации и разворачивается нередко скрыто от глаз других людей. Через мотивацию часто пролегают пути как несущественных, так и самых важных моральных решений человека, здесь гаснут или, наоборот, приобретают живое регуляционное значение моральные убеждения, поэтому, как правильно пишут советские исследователи, «без анализа процесса мотивации мы не в силах проследить этапы формирования человека как нравственного субъекта, определить степень зрелости его морального сознания и направленность его нравственных исканий»¹⁵. Совершенствование нравственного воспитания человека в нашей стране должно с большей эффективностью учитывать необходимость направленного влияния на мотивационную сферу сознания личности.

Практически проявляющиеся твердость и последовательность убеждений предполагают определенные *нравственные качества* человека. Нравственные качества, хотя они необходимо, разу-

¹⁵ А. И. Титаренко, Г. Ф. Карвацкая, В. А. Титов. Этика: проблемы и перспективы.— «Философские науки», 1972, № 4, стр. 153.

меется, связаны с определенным содержанием индивидуального сознания, реализуются в поведении человека. Те или иные нравственные качества как черты облика человека действительно реальны, если они проявляются в самой практике поведения. Они раскрывают вонне содержание индивидуального морально-го сознания и свидетельствуют о развитости воли субъекта. Это стороны нравственности индивида, устойчиво в разных обстоятельствах проявляющиеся им практически, т. е. черты характера человека, относительно постоянные выражения его нравственного сознания и эмоционального строя в их единстве.

Понятие нравственного качества (добродетели и порока) находится в числе тех, благодаря которым осмысляются духовный облик личности, поведенческая сторона индивидуальной нравственности. Категории *поведения*, *поступка*, хотя и не являются чисто этическими, тем не менее очень важны для понимания нравственности, для теоретической фиксации узловых пунктов нравственных отношений. Назрел вопрос о выделении моральных типов поступка, классификации форм поведения с точки зрения нравственности. Вопрос этот требует специального рассмотрения. Пока скажем, что на крайних полюсах поступок с точки зрения нравственной оценки предстает как подвиг и как проступок (в крайнем выражении преступление). Со стороны нравственной оценки поведение на его полюсах предстает как заслуга и как вина. Все названные понятия — «подвиг», «проступок», «вина», «заслуга» выявляют именно нравственный смысл соответствующего поведения.

В этой связи крайне актуальным представляется раскрытие того, что такое *подвиг*. Мораль окружает ореолом и стимулирует героическое поведение. Между тем смысл подвига как высшего образца моральности, содержание этого понятия, отражающего нравственное величие поступка, поведения определенного рода, еще недостаточно раскрыты в нашей литературе по этике¹⁶. Подвиг — это деяние на пределе физических и духовных сил человека во имя благородной, высоконравственной цели. Крайняя самоотверженность, освященная достоинством (высотой) цели, возвышение над обстоятельствами, преодоление их неблагоприятного противодействия, единение человека с социальным целым при ярком выражении действующего лица (единство самоотречения и самовыражения) — существенные черты подвига, выявляющие его как социальную активность. Совершая подвиг, человек либо следует сверхдолжному, либо выпол-

¹⁶ В позитивном плане нельзя не упомянуть о содержательной монографии И. М. Сушкова «Героизм и героические традиции» (Ростов/Дон, 1969).

няет нравственную норму, долг на высоком уровне идеала. Раскрытие всех этих моментов, показ того, какое место подвиг может занимать в жизни общества и в жизни индивида, выяснение объективных и субъективных условий подвига — все это крайне важно для формирования нравственного облика нашей молодежи.

Таким образом, в индивидуальной нравственности надо различать сторону, относящуюся к сознанию, и поведенческую сторону, которые взаимосвязаны, но каждая при этом обладает относительной самостоятельностью. Сознание направляет, контролирует поведение человека, а поведение объективирует сознание и в свою очередь влияет на его содержание.

Компонентом нравственности каждого человека являются определенные *чувства*, а нравственное развитие человека предполагает его эмоциональное богатство. Без соответствующего эмоционального настроя не происходит участия личности в нравственной деятельности. В структуре индивидуальной нравственности чувства не занимают обособленного места. Они сопровождают все формы нравственной деятельности индивида: рефлексию, поведение на всех его этапах (устремления, мотивы, намерения, планы, программы, непосредственная реализация, последующий самоанализ, воспоминания). Данное обстоятельство подчеркивает важность нравственных чувств, роль которых особенно велика для настроя человека на действие в соответствии с его потребностями, духовным развитием и обстоятельствами деятельности.

Среди многих субъективных и объективных условий сравнительно адекватного «перевода» сознания в поведение нужно обратить внимание, в частности, на такой психологический фактор, как сила воли индивида. Усиливает или ослабляет регулятивное действие морали социально-психологическое содержание сознания человека, например его симпатии и антипатии к членам группы, где происходит его деятельность, «боязнь» начальника или доверие к нему, чувства бодрости, оптимизма или, наоборот, уныния, подавленности, связанные с духовной атмосферой в коллективе, к которому он принадлежит. В поведении человека всегда наблюдается взаимодействие моральных и социально-психологических регуляторов, исследование механизма которого с содержательной и формальной сторон тоже составляет одну из назревших проблем исследования индивидуальной нравственности и личности в целом.

В марксистско-ленинской этике, надо отметить, сейчас углубленно разрабатываются некоторые мало до этого исследованные вопросы о природе индивидуального нравственного сознания и

поведения: об уровнях морального сознания, или об «эмпирическом» («обыденном») и «теоретическом» сознании¹⁷, о моральной интуиции в практически-поведенческих проявлениях личности и др. Значение этих вопросов для постижения особенностей индивидуальной нравственности очень велико. Так, совершенно очевидно, что далеко не за каждым моральным действием стоит цепь последовательных рассуждений действующего лица. Более того, ситуация требует порой быстрых моральных решений, т. е. фактически исключает механизм довольно длительных раздумий, предполагает действие какого-то более быстрого, но не менее верно срабатывающего механизма. Накопление человеком знаний о моральных правилах, опыта типичных моральных реакций, критический анализ собственного и чужого нравственного опыта приводят к тому, что моральная ориентировка человека становится во многом подсознательной, интуитивной. Неосознанно человек хранит в своей памяти матрицы некоторых моральных ситуаций и их решений, которые при необходимости мгновенно всплывают на поверхность сознания, опережая ход рациональных соображений. Решение приходит здесь интуитивно¹⁸. Что же касается чувства, то, естественно, оно сопровождает весь этот акт интуитивного решения. Поэтому создается иногда иллюзия того, что моральное решение выносятся исключительно на основе чувств, что голос совести не имеет разумного, рационального характера. В действительности, в интуитивном решении проступает весь нравственный опыт индивида, переработанный и осевший в его сознании.

Внимание специалистов за последние годы привлекают также проблемы социальных чувств, диалектика общераспространенного и самобытного, стереотипного и творческого в нравственном поведении.

Методологический принцип всестороннего изучения индивидуальной нравственности предполагает исследование нравственно-отрицательных проявлений личности (содержания и причин пороков) не в меньшей мере, чем положительных (добродетелей). В жизни почти каждого человека случаются ошибки, промахи морального порядка, некоторые отступления от положительного поведения, периоды моральной слабости. Нравственно-развитый человек учится на собственных ошибках, стремится избавляться от недостатков. Он критически перерабатывает свой и чужой

¹⁷ См. О. Н. Крутова. Человек и мораль. М., 1970, стр. 128—137; Этическое и эстетическое. Л., 1971, стр. 78—80; Я. З. Хайкин. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972, стр. 28—44.

¹⁸ См. А. Н. Ильяди. Природа художественного таланта. М., 1965, стр. 64—77.

поведенческий опыт. Соответственно он должен быть вооружен и теорией данного вопроса. Ему необходимо знать, что такое навет, оговор, подлость, ханжество, что такое тщеславие, корыстолюбие, карьеризм и т. п., чтобы воспитывать себя и других, давать верные оценки поведению, чтобы уметь распознавать моральное зло и лучше с ним бороться.

Осмысление этикой морально-отрицательного поведения крайне необходимо и для решения общественных задач по воспитанию. Как правильно отмечается советскими исследователями, среди того, что обуславливает факты безнравственного поведения людей, не последнюю роль играют «обыкновенная невоспитанность чувств и убеждений, низкая нравственная культура некоторых людей, временная или постоянная утрата правильной, т. е. адекватной интересам общества и подлинным интересам самого индивида, ориентации в ценностях личной и общественной жизни»¹⁹.

В связи с этим можно отметить один определенный недостаток нашей литературы по нравственному воспитанию. Личность воспитуемого в ней обычно рассматривается как нечто еще ничем не заполненное, как своего рода свободный сосуд, в который предстоит поместить нравственные убеждения и т. п. Практическая же работа по нравственному воспитанию проводится с людьми, уже имеющими свой моральный облик и в силу тех или иных обстоятельств не всегда свободными от недостатков или даже пороков. Если глубокая нравственно-положительная убежденность личности серьезно сказывается на мотивации всего поведения, то аналогично этому морально-отрицательные качества (например, тщеславие, корыстолюбие, карьеризм) буквально сквозят во всех поступках индивида, который ими серьезно заражен. Причем сквозят сплошь и рядом уже помимо сознания и воли самого индивида, который, может быть, и скорее всего хотел бы их замаскировать: в таком случае безнравственность стала внутренним свойством данного человека и накладывает отпечаток на все его отношение к действительности. Практика воспитания — это в немалой степени практика перевоспитания. Здесь теория личности и теория воспитания вооружают практику совершенно недостаточно.

И теоретически, и в практике нравственного воспитания надрезал также вопрос о создании типологии нравственной деградации личности. По крайней мере в порядке выдвижения гипотезы можно выделить такие ее разновидности. Человек отклоняется от положительной нравственности, «не ведая, что

¹⁹ С. Ф. Анисимов. Марксистско-ленинская этика, ч. I. М., 1972, стр. 7.

творит»,—он нравственно безграмотен. Другая разновидность, когда человек прекрасно осознает безнравственность своих поступков и все же вершит зло; это — наглость, проявление которой часто рассчитано на ненаказуемость. Девиантность поведения может быть также следствием сильной, если не полной, атрофии нравственных чувств человека. Разумом он может понять отрицательный смысл своих дел, но, лишенный чувств сопереживания, сострадания, что называется, холодный человек вершит зло. (Мы здесь не касаемся преступного поведения.) Совершенно очевидно, что от отнесения человека к той или иной разновидности нравственной деградации (если, разумеется, в его поведении реально и часто проявляется безнравственность) должны варьироваться и формы общественного воздействия на него.

Выделяя в качестве элементов индивидуальной нравственности известные знания, взгляды, убеждения, мотивы, нравственные качества, мы могли брать индивидуальную нравственность в более или менее статичном ее состоянии. Но она существует как процесс. Для рассмотрения процессуальной стороны индивидуальной нравственности этика помимо названных использует еще и другие понятия и категории. Динамический механизм индивидуальной нравственности выражается, в частности, через категорию *саморегуляции*. Саморегуляция означает в данном случае, что индивид является субъектом своей деятельности и поведения. Он относительно самостоятельно выбирает свои поступки, конкретные формы и способы выражения своих убеждений, взглядов. Понятие *морального выбора* тоже необходимо для осмысления нравственности человека. Если человек не имел в своих действиях никакой возможности выбора, его действия чаще всего не приобретают нравственного значения. При выборе морального решения, создании образа поступка до его осуществления в душе индивида нередко происходят борьба мотивов, сравнение между собой разных вариантов действия. Выбор не прост. Поступок нередко выступает результатом напряженной душевной борьбы человека.

В процессе саморегуляции индивидом поведения большая роль принадлежит *самооценке*. Это тоже одно из понятий, при помощи которых этикой осмысливается индивидуальная нравственность. Самооценка появляется в сознании личности, предвзято конкретный поступок. Индивид, заранее обдумывая свои действия, в то же время и оценивает их, уточняя, корректируя в связи с этим образ предполагаемого поступка. Чрезвычайно значительна роль самооценки и после свершения поступка. Ведь нередко при своем осуществлении поступок в силу обстоятельств

субъективного и объективного порядка отклоняется в ту или иную сторону от заранее составленного человеком образа поступка. Кроме того, возможны действия, которым не предшествуют составление в сознании образа, а значит, и предварительная самооценка. Последующую же самооценку такие поступки, разумеется, получают. Критический пересмотр индивидом своего поведения служит одной из основ программирования им будущих поступков.

В процессе саморегуляции большое место занимает, а на его результате сильно сказывается учет индивидом нравственной оценки его поведения окружающими, коллективом, общественным мнением. Опора на общественное мнение в связи с планированием и осуществлением своего поведения — один из тех каналов, через которые происходят усвоение индивидом общественной морали, наполнение элементов саморегуляции общественным содержанием. Видение себя со стороны «глазами» общественного мнения важно для саморегуляции поведения и потому, что благодаря такому видению человек постигает характер, некоторые устойчивые тенденции нравственной практики, что помогает ему стать ее активным участником. Сказанное, однако, не означает, что в механизме саморегуляции поведения нравственно-развитой личностью моральная оценка ее действий со стороны окружающих является определяющим элементом. Считать так — значит нравственно возвышать конформизм. Оценка окружающих может быть и неверной, личность может принадлежать к социальной группе, вставшей на путь антиобщественной деятельности, и тогда не полагание на мнение ее членов, а борьба с ним, выступление против него будут положительно характеризовать индивида. Если речь идет о нравственно-развитом человеке, определяющим элементом саморегуляции выступает собственная убежденность индивида, впитавшая в себя содержание передовой общественной морали. История знает немало примеров, когда люди шли на подвиг, считая, что он никому не станет известным, или же будучи уверенными, что их действия будут порочить враги, а их единомышленники лишены возможности узнать правду. Не обладая глубокой убежденностью, человек не может быть относительно самостоятельным агентом своего поведения.

Вовлеченность в практику нравственных отношений вызывает у развитого индивида потребность сознавать себя нравственным субъектом. Такое самосознание — условие активной самооценки, активного отношения к оценке поведения данного индивида другими и активного отношения к чужому поведению. Индивид должен обладать интеллектуально-эмоциональными

формами фиксации отношения его поведения к интересам общества и других людей, без чего неосуществим самоконтроль поведения. Соответственно в моральном сознании индивида получают большое значение и индивидуальное наполнение понятия долга, ответственности, совести, чести, достоинства, счастья, личного идеала. Значение этих понятий как реальных феноменов сознания человека для индивидуальной нравственности многосторонне. Благодаря им индивид осмысляет свое поведение (я выполнил или, наоборот, не выполнил свой долг, так мне подсказала совесть, я не мыслю завоевать счастья, если идти путем нечестности, и т. д.). Через их посредство человек моделирует, программирует свое поведение, «полагает» себя в объективированных результатах деятельности в качестве морального индивида (я должен соблюдать свое достоинство, беречь честь, к этому зовет меня мой идеал и т. п.). Эти же понятия служат индивиду для оценки, понимания, осмысления им нравственности других людей, без чего невозможно взаимное общение людей.

Сказанное не надо понимать так, будто каждый человек совершенно самостоятельно вырабатывает эти понятия. Коренные черты содержания этих понятий формирует общественное сознание, в нем же складывается их структура. Люди в той или иной мере усваивают данные понятия, в то же время индивидуализируя их содержание.

Для осмысления индивидуальной нравственности в целом служит также понятие *нравственной жизни* личности. Оно охватывает и объективированные, и внутренние проявления нравственности человека. В отличие от этого понятие *нравственного мира* личности относится по преимуществу к внутренним проявлениям морального сознания и моральных чувств человека, взятым в их индивидуализированности. Процессуальную сторону индивидуальной нравственности, ее становление отражают понятия *нравственного развития, формирования* личности.

Наиболее многокачественным из этих понятий — понятием нравственной жизни — охватываются все проявления нравственности конкретного человека (проявления и случайного, и неслучайного порядка): его относящиеся к нравственной сфере переживания, думы, намерения, поиски решений и сами решения, поступки и анализ поступков, осмысление поведенческого опыта и т. д. Все переживаемое и испытываемое человеком играет свою роль в подготовке какого-то этапа его нравственного развития, которое как развитие восходящее проявляется в обогащении его нравственного сознания и в обретении им нравственно-поведенческой культуры.

Конечно, уровень индивидуальной нравственности в целом определяется тем, в каком обществе живет человек. Но в этих общих рамках многое зависит от индивидуальности самого человека. Духовное развитие передового человека современности в рассматриваемом отношении выражается в его готовности придерживаться в поведении установлений самой передовой, коммунистической морали, проявляя при этом свою моральность на всех ее различных «этажах» — от следования простым правилам до стремления к высокому идеалу. Нравственная зрелость предполагает органичное сочетание в духовном облике человека стремления к высоким общественным целям (преданность передовым общественным идеалам, трудолюбие, коллективизм, интернационализм и др.) и таких важных в повседневном общении качеств, как простота и скромность, отзывчивость и т. п.

Как сама мораль может повлиять на развитие индивида, по каким каналам осуществляется ее влияние? Коль скоро истоки человеческого поведения коренятся в потребностях людей, то надо полагать, что влияние общественной морали на человека действительно в том случае, если оно сказывается на потребностях индивида. Существенно важным этапом духовного развития личности является появление *моральной потребности*. Она далеко не сводится к постижению индивидом повелительного, обязывающего значения морали, хотя постижение его необходимо для возникновения у человека моральной потребности. Надо, чтобы повелевающий характер морали был не только внешним, но и внутренним фактором индивидуальной нравственности. Это происходит, если человек проникается чувством социальной ценности моральных установлений и превращает их в духовные ценности, в нечто дорогое и для себя, иначе говоря, в неизменно действующий и важный ориентир и руководство поведения, в одно из главных оснований его самодетерминации. И тогда-то у человека появляется духовная потребность в моральном удовлетворении от своих поступков, от обстановки в обществе, в коллективе.

Развитая моральная потребность сказывается на системе всех потребностей индивида, в которой духовно-идеологические потребности человека как социального индивида становятся одними из решающих, отражаясь во всех ценностных ориентациях индивида, в отношении его к тем или иным материальным и духовным благам. Утверждение достоинства, удовлетворение моральной потребности оказываются столь важными для человека, что принятые им установки морали действительно влияют на формы, способы, очередность удовлетворения всех других, в том числе самых насущных потребностей, не говоря уже о том, что

они приобретают порой решающую роль в выборе повседневного и даже чрезвычайного поведения (например, самоотверженность ради спасения жизни другого человека).

Нравственное развитие личности в самом его начале знаменуется появлением у нее нравственной жизни как относительно самостоятельной сферы ее сознания, психологии и поведения. Продолжаясь, это развитие может вести к энергичной, постоянно пульсирующей нравственной жизни. Внутреннее условие такого развития — обогащение нравственного мира человека посредством включения в него соответствующих знаний, культуры, чувств, убеждений. Важным показателем того, что нравственное развитие личности поднялось на значительный уровень, является самовоспитание при его, разумеется, определенном содержании. Самовоспитание, сознательная работа индивида над собой, предполагает критический пересмотр индивидом его поступков, выработку нравственного идеала и путей приближения к нему. Вся деятельность по самовоспитанию, следовательно, немыслима без энергичной пульсации нравственной жизни, без плодотворного движения внутри духовного мира личности.

Формирование духовного облика человека, если внутренний мир личности достаточно сложен, как правило, бывает связано с нравственными исканиями человека. Это не прямолинейный, а сложный и длительный процесс. Уже обладая нравственным миром, человек не перестает учиться на поведенческом опыте — своем и чужом — совершенствовать формы своего нравственного поведения, ставить цели дальнейшего духовного роста. На этом пути, конечно, неизбежны ошибки и промахи, неудачи, а значит — весь спектр психологического ряда: глубокие переживания, разочарования и новые надежды, чувства радости, удовлетворения и, наоборот, отчаяния и боли. Через своеобразные пробы и творчество в сфере нравственности происходит становление духовного облика человека.

На стыке этики и общесоциологической теории личности находится вопрос о связи индивидуальной нравственности и социального типа личности²⁰. Положение о том, что социальный тип личности во многом обуславливает индивидуальную нравственность, в частности моральные качества индивида, верно лишь в общем и целом, в той степени, в какой выяснение диалектического соотношения социального и индивидуального в человеке требует определения решающей стороны этого соотношения. Сама усваиваемая индивидом мораль в свою очередь сильно влияет на формирование социально типического в личности.

²⁰ См. Нравственное развитие личности. М., 1969, стр. 173—176; Г. Л. Смирнов. Советский человек, гл. I, IV, V. М., 1971.

Именно в деятельно-поведенческом отношении к обществу и к людям формируется личность, и именно через него она проявляет свои качества.

Поведение при всем его единстве с деятельностью надо отличать от нее. Именно поведение обнаруживает огромную значимость идеологических детерминант как регуляторов. Прodelывая те или иные операции, предпринимая известные действия, человек при этом определенным образом ведет себя — реализует свое отношение к обществу, коллективу, социальным группам, другим людям, самому себе как к социальным субъектам, занимая, таким образом, те или иные социальные позиции. Деятельность, действия, если рассматривать их отдельно, вне контекста поведения индивида, будучи направлены на достижение тех или иных конкретных целей, подчинены в основном именно этим целям, они подчиняются и известным нормам, обеспечивающим достижение целей, регулирующим процесс осуществления деятельности (например, техническим нормам, правилам гигиены, распорядку рабочего дня). Поведение же ориентировано на более широкий и в качественном отношении несколько иной круг установлений. Эта особая ориентация субъекта поведения выявляет его социально-идеологическую позицию в системе современных ему общественных отношений²¹. Поведение — это деятельность под углом зрения общественных идеологических установок. В контексте поведения деятельность личности рассматривается в соотношении с идеологическими установками общества, с ценностными ориентациями, накладывающими особую печать на проводимую индивидом деятельность, относительно независимо от ее конкретно-предметного содержания. Выработывая жизненные принципы (политические, нравственные), намечая линии и образ своего поведения, человек старается провести их через определенные виды деятельности. В этом смысле человек превращает свою деятельность в поведение, подчиняя ее своим принципам.

Изучая личность в связи с ее поведением, надо, таким образом, не упускать из виду того, что оно невозможно без деятель-

²¹ В научной литературе уже неоднократно высказывалось мнение о делении действий на действия-операции, личные поступки, в которых общественные отношения прямо не проявляются, общественное или социальное поведение (или просто поступки — поведение). См. *Е. М. Пеньков*, Социальные нормы — регуляторы поведения личности, М., 1972, стр. 44—47; *Н. Н. Мокроусов*, Проблема нравственной оценки поступков (поведения). — «Вопросы философии», 1959, № 9; Педагогическая энциклопедия, т. 3. М., 1970, стр. 419.

ности. Деятельность обеспечивает «материал» для поведения.

Таким образом, будучи субъектом своего поведения, индивид в то же время по отношению к социальной регуляции выступает как объект, хотя и в системе данной регуляции он в целом ряде отношений является ее субъектом. В общем можно сказать, что индивид занимает объектно-субъектное положение в системе моральной регуляции. Сначала посмотрим, как же сказывается влияние морали на поведение как на объекте ее регуляции.

Идеологические, в том числе моральные, установки социальной общности воздействуют прежде всего на поведение индивида и уже через это — на его деятельность. Так, требование о добросовестном отношении к труду предписывает не конкретные формы трудовой деятельности, а определенный характер, стиль отношения к нему, черты личности как труженика независимо от того, на каком конкретно трудовом месте находится человек. Нравственность в целом чаще всего не определяет непосредственно предметного содержания деятельности (хотя предметное содержание деятельности человека может иногда характеризовать его с нравственной стороны). Но наряду с политической, правовой регуляцией она во многом придает ей соответствующее идеологическое, классовое направление, детерминирует, если речь идет о передовой морали, общественную ценность поведения, определяет некоторые общие формы связи индивидуальной деятельности с деятельностью, интересами общества, коллектива, помогает индивиду утверждать в деятельности его человеческое достоинство.

Поведение человека, как известно, вариативно и ситуативно, к тому же оно индивидуально. Но в то же время оно и общезначимо, социально. Его социальность детерминируется в числе прочего общественной моральной регуляцией. Нравственные нормы, если они так или иначе воплощаются в поведении, будучи общими для всех членов общности, придают необходимое относительное единство поведению ее отдельных представителей, а также поведению каждого отдельного ее представителя. Это единство реализуется в разных поступках, в разных сферах деятельности и в разных конкретных ситуациях, благодаря чему поведение человека сохраняет цельность и последовательность. Нравственность, таким образом, содействует тому, что, выражаясь многосторонне, духовный облик личности при этом характеризуется определенностью.

По отношению к личности как объекту моральная регуляция наряду с другими видами социальной регуляции как бы подводит поведение людей под единый знаменатель, обуславливая его схожесть в целом ряде существенно важных черт, тенден-

ций. Как объект моральной регуляции личность надо рассматривать прежде всего с точки зрения того, как она в своем поведении выражает причастность к тому или иному социальному целому — каково содержание этой причастности (единение, положим, или, напротив, противопоставление, борьба, антагонизм) и в каких формах человек ее выражает. С этой стороны (со стороны проявления личности как объекта моральной регуляции) главное в положении личности по отношению к системе моральной регуляции составляет связь индивидуального поведения с интересами других людей, социальных групп, а вместе с тем и с собственными интересами личности, поскольку она прочными узами объединена со своей общностью и является ее частью, хотя и отдельной.

То, что прежде всего именно личность как относительно самостоятельная социальная единица выступает объектом моральной регуляции, отражается в содержании и средствах регуляции, адресованных личности, обращенных к ней. Они в общем и целом соответствуют возможностям индивида. В принципе индивид в состоянии воплощать их в поведении, претворить в дела. Установления, которые люди не выполняют, которые в принципе не могут быть актуализированы в поступках людей, постепенно сходят со сцены социальных нормативных установок. Таким образом, типичное поведение конкретно-исторической личности должно своеобразно предусматриваться в нормативах, несмотря на всю их «безликость», на индивидуальность. В обращенных к индивиду установлениях морали должны специфически учитываться, например, ситуативность и вариативность поведения. Форма и содержание установлений должны быть такими, чтобы индивиды могли следовать им в условиях разных ситуаций, воплощать их в разных поступках. Общественная регуляция, следовательно, строится так, что включает в себя индивидуальную саморегуляцию поведения, предполагая ее. Иначе нормативы нельзя было бы вменять человеку в ответственность, спрашивать с него за их выполнение.

Моральная регуляция, предполагая вариативность индивидуального поведения, в то же время направлена к ограничению этой вариативности. Нравственные установления выражают в форме воли общности общественную необходимость определенных социальных тенденций и рамок индивидуального поведения.

Каковы же основные направления проявления субъектности индивида в сфере моральной регуляции? Для осознания этого важно уяснить, что социальное начало — коллективный нравственный опыт, сконцентрированный в нормативах, — вовлекается в движение лишь в поведении человека, будучи соединено с

индивидуальным началом — пониманием и мерой принятия личностью норматива вообще, а также с ее готовностью к выполнению его в конкретных условиях. Воспринимая коллективный нравственный опыт, индивид, если он самостоятельный и относительно развитый представитель социальной общности, не перекладывает на нее свою долю ответственности за условия и результаты общей деятельности (как то делает конформист). Его поведение так или иначе контролируется общностью, но и он сам в доступных пределах анализирует коллективный опыт, пытаясь, в частности, удостовериться в соответствии предписания интересам класса, страны, народа, отдельных людей, своим собственным интересам. Норматив, будучи воспринят и усвоен индивидом, не «угасает» в его сознании, а становится фактором его духовной жизни.

Активность личности выступает условием действенности моральных нормативов. Установление дает чаще лишь известный ориентир, рамки, направление для решения и действий, а не жестко определенную инструкцию. Относительно общий императив обретает качества сущего (объективируется в поступке) лишь в единстве с особенным и конкретным, единичным, а это единство воплощается в поведении. И именно личность находит конкретные пути выполнения норматива, ее поведение «одушевляет» механизм регуляции.

Известно также, что не все предписания морали носят категоричный характер. Большую роль в регуляции поведения людей играет группа рекомендательных указаний. Общность не может принуждать к выполнению рекомендаций, советов, призывов, к следованию положительному примеру, идеалу. От устремлений, нравственного развития индивида зависит степень использования им таких указаний в качестве ориентиров и руководств поведения (зажигают ли его, например, идеалы, воспринимает ли он положительный пример, избирает ли самую высокую нравственную цель жизни).

Благодаря активности, характеру убеждений, душевной силе и красоте человека отраженное в прогрессивных моральных нормативах богатство социального опыта становится животворным источником славных человеческих деяний, дальнейшего духовного развития людей.

Субъектная роль индивида в сфере нравственности проявляется опосредствованно, благодаря тому, что он не может не быть субъектом своего поведения во многих его сторонах. Придерживаясь определенной системы морали, индивид должен выбирать повседневные поступки, вырабатывать линии своего поведения; природа моральной регуляции такова, что позволяет че-

ловеку проявлять самобытность и инициативу при следовании нормативам, а порою активность личности является просто условием их выполнения. Это выражается и в том, что, хотя регулятивное действие морали на индивида неустранимо, человек может выбирать между моральными системами, наличествующими в современном ему обществе. Конечно, «законодателем» нравственности отдельный индивид не выступает, им является в первую очередь класс, а роль личности в функционировании морали обуславливается самостоятельностью индивида в той степени, в какой его поступки, поведение обогащают или конкретизируют, подтверждают опыт социальный или отклоняются от него. Для ряда важных направлений современной буржуазной этической мысли характерны абсолютизация моральной самостоятельности личности, отрицание необходимой связи моральности поведения человека с общественной моралью, общечеловеческими ценностями, вследствие чего представители прагматизма, экзистенциализма, неоницшеанства встают фактически на точку зрения моральной робинзонады. Так, современный английский позитивист Нейл Купер пишет, что «логически возможно для индивидов иметь собственную автономную мораль, определяющую, как вести себя по отношению к другим людям, предшествующую существованию какой-либо позитивной (так Купер называет мораль социальной общности.— *Т. Л.*) морали». «Мы можем объяснить, что имеем в виду под «автономной моралью», не ссылаясь на позитивную, или социальную, мораль»²². В действительности в любом случае, даже если индивид в своих действиях опережает общественную нравственность, моральное значение, которое получают проявления индивидуальности, зависит от их отношения к нравственности общественной. Тем не менее мораль не существует вне сознания и поведения человека. Она выполняет свои функции, не просто влияя на устремления, чувства и дела людей, но и через них, благодаря деятельности человека.

Отношение членов общности к социальным предписаниям имеет значение более широкое и важное, чем «личное дело» ее представителей. В частности, благодаря ему происходит движение внутри предписательного содержания морали. Отношение к нормативам со стороны лиц, к которым они обращены как к исполнителям, выражаемое и в непосредственных оценках нормативов, и в поведении людей, обеспечивает «обратную связь» между нравственной практикой и содержанием контрольно-предписательных элементов морали. Поведение большинства

²² N. Cooper. Two Concepts of Morality. «Philosophy», 1966, Jan., p. 30, 31.

членов социальной общности помогает общественному сознанию выявить, положим, устаревшие предписания, удостовериться в трудной выполнимости для людей отдельных требований в силу наличных условий, что заставляет идеологические институты пересмотреть, может быть снизить, ту степень повелительности, с которой выдвигается данное требование — перевести его, скажем, из неукоснительного предписания в рекомендацию.

Осуществление моральной регуляции через канал оценки также предполагает активное участие отдельных членов общности в сложной оценочной практике общества. Общественные оценки, в том числе нравственные, сплошь и рядом утверждают-ся через борьбу различных мнений. Поэтому большую общественную ценность приобретает способность личности давать верные оценки и самооценки и бороться за победу справедливых нравственных оценок в общественном мнении. От личности требуется умение сопоставлять разные оценки, обосновывать одни из них как верные в противоположность неверным и, опираясь именно на верные оценки, планировать свое будущее поведение, определенным образом относиться к окружающим. Многообразием конкретных условий деятельности людей и групп, вариативностью поведения не отрицается, а подтверждается необходимость для членов социальной общности иметь относительно общие критерии оценок. Иначе нельзя было бы выразить социально-нравственный смысл различных сторон и явлений общественной жизни. Но наличие таких критериев не уничтожает, а предполагает активное, заинтересованное участие отдельных членов общества в общей оценочной практике. Ведь регулятивная действенность общего критерия проявляется не путем его автоматического наложения на факты нравственной жизни, а путем вынесения исторически-конкретных оценок на его основе, которые даются в результате морально-аналитической работы сознания членов общества.

Нравственно развитую личность характеризует способность верно квалифицировать конкретные моральные ситуации, понимать другого человека (чаще всего своеобразного) с точки зрения нравственности. Источником психологически-нравственных конфликтов между людьми нередко выступает невидение моральной проблемы там, где она есть, непонимание других с точки зрения нравственности, как и неспособность давать верную моральную самооценку. Одного лишь знания общих образцов поведения и нравственных отношений недостаточно для умения преодолевать складывающиеся, порой крайне сложные, жизненные нравственные коллизии, улавливать противоречия в душе человека, в духовной атмосфере коллектива. Участие в нрав-

ственной практике само по себе требует от человека подготовленности к проявлению самостоятельности, сопрягающейся с психологической реактивностью, душевной тонкостью и чуткостью, с непрерывным внутренним беспокойством при всей уверенности человека в правильности его убеждений — этого основного стержня индивидуальной нравственности.

Моральная регуляция протекает как постоянное взаимодействие социального и индивидуального начал (в относительном, конечно, противопоставлении индивидуального социальному). В отличие от такого понимания буржуазные специалисты по этике часто раздувают роль личностного уровня моральной регуляции. Так, прагматистами моральная сторона жизни индивида сводится к уникальным решениям отдельных нравственных проблем с целью успеха, в процессе чего индивид якобы каждый раз «изобретает» мораль. Аналогично представители ситуационной этики считают, что в своей нравственной жизни человек должен руководствоваться стремлением достигать удобных для него решений в условиях каждой конкретной ситуации. Индивиду ими отводится вроде бы самостоятельная роль: никто не подсказывает ему решений, выхода, он сам измышляет нравственные принципы. Но, будучи абсолютизирована, эта самостоятельность переходит в свою противоположность: индивид оказывается рабом ситуации, действительность сужается для него рамками сиюминутного положения вещей, он лишен возможности взглянуть на нее в перспективе, через призму отраженных в нормативах тенденций социального опыта, в свете ценностей, выработанных общественным сознанием. Путем отрицания обязывающей силы и значения общих моральных установлений оправдывается нравственный волюнтаризм.

Теоретически несостоятельны и для практики воспитания вредны и недооценка, умаление роли социального уровня моральной регуляции, и непонимание важности ее личностного уровня, необходимости ее некоторой индивидуализации на данном уровне.

Было бы односторонним представлять дело так, что будто только общественная нравственность «питает» нравственность индивидуальную. В действительности постоянно происходит процесс взаимодействия общественной и индивидуальной нравственности. При всем приоритете социального начала регуляция при помощи морали протекает как взаимообогащение общественной регуляции и саморегуляции. Индивиду, например, принадлежит своя, хотя чаще всего и опосредствованная, а также далеко не главная роль по сравнению с ролью класса в сокрушении одних, старых, и выдвижении других, новых, моральных уста-

новлений. Вклад отдельного индивида в содержание моральных требований происходит, например, в форме критики устаревших, неверных требований. Личность содействует развитию, смене прескриптивного содержания морали, утверждая новую поведенческую практику, совершая поступки нового типа, принимая неизвестный ранее образ действия²³. Это не значит, конечно, что прескриптивное содержание морали обновляют, обогащают любые оригинальные поступки какого-либо человека, положим, капризы или причуды. Лишь тот образ поведения получает широкое значение образца, который отвечает тенденциям общественного развития, интересам тех или иных социальных сил, который в принципе может быть воспроизведен в поведении других людей и его целесообразно превратить в повеление, рекомендацию с точки зрения интересов общности.

Разумеется, главнейший источник жизнеутверждения норматива кроется в конечном счете в следовании ему широких масс населения, претворении его в устойчивых нравах общества. Однако, хотя можно говорить о типичном для каждого общества состоянии нравов, между различными слоями и представителями населения всегда наблюдается некоторая неравномерность в уровне их нравственности. В сфере морали всегда есть свои авторитеты: люди, поведение которых является примером для современников и раскрывает порой будущие тенденции нравственности. Как живой образец поведения положительный пример конкретизирует моральные нормативы и критерии оценок, получает социально значимое регулятивное значение. Как известно, роль примера в нравственном формировании личности, во влиянии на общую духовную атмосферу может быть крайне велика.

В сознании социального субъекта своеобразному анализу с точки зрения морали подвергаются многие явления общественной жизни. Не только коллективный социальный субъект, но и личность выносит нравственные оценки действиям других людей, деятельности, поведению коллективов, социальных общностей, общественным процессам. Отдельный человек, если он значителен как идеолог, как деятель в духовной жизни общества, может сыграть заметную роль в борьбе против несправедливых социальных явлений: грязных войн, изуверских казней, расовой дискриминации и др. Он выражает в выпуклой и ясной форме моральные чаяния, нравственные позиции тех или иных слоев населения. Подобная деятельность такой личности получает ре-

²³ «Общественное значение имеют не только прямые результаты действия. Нельзя недооценивать влияния морального почина. Действуя по своей совести, человек не просто утверждает собственную личность, но создает, часто не претендуя на это, известный социальный образец» (А. Г. Спиркин. Сознание и самосознание. М., 1972, стр. 297).

гулятивное значение: другие люди начинают так же относиться к данным явлениям. Отдельный человек, таким образом, может внести большой вклад в формирование общественной нравственно-политической реакции на определенные процессы и явления социальной жизни.

Моментом развития морали является преемственность между ее системами. Определенную роль в обеспечении такой преемственности играет отдельная личность. Благие деяния прошлых времен, высоконравственные поступки и духовный облик людей, живших ранее, помогают освещать величие и утверждать нормы новых моральных систем. Как говорится, времена проходят, а герои остаются вместе с нами, Моральные ценности не теряют своего значения постольку, поскольку вызывают у людей отношение к себе как к образцам поведения, служат стимулами их деятельности. Моральные ценности вдохновляют членов общества на достойные дела; таким образом, поведение людей превращает обладание духовными ценностями в обладание активное, вдыхает в них жизнь, способствует их передаче от поколения к поколению.

Моральная ценность мертва вне живого восприятия и превращения ее людьми в стимул, руководство их собственным поведением.

Вклад индивида в развитие морали явственно обнаруживается в переходные периоды, когда на смену старым приходит какая-либо новая система морали. История классово-антагонистического общества пестрит примерами того, как новое моральное требование, возникшее в качестве протеста против действительности, поддерживалось, а затем и закреплялось благодаря тому, что его необходимость защищали отдельные представители общества, о которых позднее вспоминали как о героях. Новые требования, даже соответствуя тенденциям развития общества, могут быть на каком-то этапе трудными для освоения их массой населения. И в этом случае большая роль в упрочении вновь рождающейся морали, в освоении массами нового типа поведения принадлежит энтузиазму, героизму, самозабвению наиболее передовых членов общества, класса.

Новые нравственные отношения, воплощаясь сначала в поведении отдельных людей, возникают нередко под воздействием тех новых взглядов, которые, еще не распространившись и не получив санкции общественного мнения, не стали предписаниями. Выразителями этих взглядов являются отдельные члены общества, которые в данном отношении опережают общественное сознание, еще не успевшее перестроиться в соответствии с новыми социальными запросами. В свою очередь процесс рас-

ширения практики новых нравственных отношений, а затем и утверждения их способствует приобретению соответствующими взглядами общенормативного значения. Конечно, это осуществляется через воздействие на общественное мнение, благодаря влиянию на развитие общественного сознания, через деятельность социальных институтов.

В условиях социалистического общества развитию коммунистической морали способствуют творческое отношение личности к содержанию обязанностей, инициатива, почин, предложения граждан, ведущие к совершенствованию социальных предписаний, замене устаревших установлений. В связи с постоянным развитием нашего общества для отдельных сфер общественной жизнедеятельности, для отдельных коллективов периодически переопределяются стоящие перед ними конкретные задачи. Но в постановке назревших проблем развития общества, в предложении путей их решения участвуют и отдельные члены общества. Характерна для социалистического общества высокая степень нетерпимости его членов к морально-отрицательным явлениям.

Личность и общество в условиях социализма идут как бы навстречу друг другу в поиске конкретных форм служения людей, коллективов общественным интересам, в определении очередных конкретных задач коммунистического строительства, в выявлении способов совершенствования социальной жизни.

Социальная общность осваивает новые тенденции нравственной жизни общества. При помощи определенных институтов, общественного мнения, оценивая и распространяя передовой опыт, призывая следовать починам и начинаниям отдельных лиц и коллективов, общность ассимилирует эти «находки», придает им значение общего образца, превращает их в норматив, будучи заинтересованной в победе новых тенденций социальной практики. Новое в морали появляется, видимо, не совсем так, как в науке, искусстве, философии, где значение отдельного ученого, художника, идеолога более очевидно. Вместе с тем и здесь новое появляется не помимо отдельного человека. При этом речь может идти и о деятельности идеолога²⁴, и о по-

²⁴ «Моральные идеи и доктрины, которые вели общество и человеческое познание вперед, рождались преимущественно в рамках социальных и философских учений, проникнутых духом свободомыслия и просвещения. Эти новаторские социальные и философские учения, независимо от того, в какой форме они были выражены (теоретического трактата, публицистического памфлета или художественного произведения), и независимо от того, какое место занимали в них вопросы морали, могли оказывать и оказывали (при определенных исторических условиях) серьезное нравственное влияние на умы и сердца людей, на развитие познания и практику. Моральный прогресс общества был многим обязан этим философским и социальным учениям, вырав-

ведении индивида, содействующим утверждению новых тенденций в морали.

Мы видим, что и претворение в социальную практику, в нравы относительно устоявшегося опыта, выраженного в нормах морали, и развитие нравственности осуществляются при проявлении индивидами специфической активности, самостоятельности в сознании и поведении.

Таким образом, содержание и механизм моральной регуляции складываются, испытывая влияние индивидуального сознания и поведения, а эффективность регулятивного действия морали зависит от активности личности. Важно, чтобы содержание моральных установлений было достаточно богато, а механизм моральной регуляции был гибок, чтобы оставлять личности простор для проявления инициативы и самобытности, социальной активности применительно к решению нравственных проблем общества и человека. Важно, чтобы сама личность была развита настолько, а условия ее жизни были таковы, чтобы нравственная жизнь представляла для индивида поле воплощения реального интереса. С другой стороны и в то же время, общественная регуляция богата, гибка и в конечном счете жизненна постольку, поскольку она вбирает в себя индивидуальный человеческий опыт в той мере, в какой последний углубляет опыт социальный, нравственный опыт коллектива, класса, общества.

От характера и степени участия отдельных представителей общества в нравственной жизни зависят богатство, многогранность и глубина, развитость общественных нравственных отношений, активное воздействие морали на жизнь общества в целом. В то же время с точки зрения самой индивидуальной человеческой жизни нравственность составляет условие ее насыщенности, красоты, духовности. Это одно из полей проявления индивидуальности.

Этическое изучение личности необходимо составляет часть общественного человековедения в силу важности нравственности в жизни общества, в формировании и социальных проявлениях индивида. Этическое изучение личности приобретает особую актуальность в связи с возрастанием роли нравственных начал, расширением сферы действия морального фактора в жизни социалистического общества. Воспитание нового человека невозможно осуществлять без знания путей и содержания нравствен-

шим, конечно, на определенной исторической почве и выражавшим идеи борьбы за осуществление определенных общественных задач. Под влиянием этих идей на основе нового социального опыта складывались новые нравы, изменялись личные отношения между людьми» (А. Ф. Шишкин. Вопросы исследовательской работы в области этики.— «Вопросы философии», 1973, № 1, стр. 18).

ного развития индивида. С осуществлением научно-технической революции это развитие все больше проявляет свою существенность для формирования человека в целом. Для социалистического общества активное участие человека в нравственной жизни общества составляет один из путей приобщения к коммунистическому строительству, фактор духовной удовлетворенности жизнью, уверенности в правоте общего дела и желания его продолжать.

Личность — объект этического исследования постольку, поскольку ее жизнедеятельность, сливаясь с жизнедеятельностью других членов общества, социальных групп, помогает утверждать определенную нравственность, обеспечивать ее функционирование, а также потому, что нравственность в числе прочих факторов социальной действительности формирует личность и составляет наиважнейшую сторону ее духовной жизни.

Особенности выражения в языке морально-этического содержания

Исследование проблем выражения в языке морально-этического содержания и форм его проявления приобретает важное значение для дальнейшего развития этики как науки. Уже накоплен богатейший, в какой-то части относительно стабильный материал, который позволяет ставить и серьезно разрабатывать ряд новых вопросов: о специфике отражения действительности в понятиях морали, о единстве языка и мышления, о соотношении знака и значения в применении к моральным явлениям и другие. Языковые формы закрепления результатов отражения действительности в этических категориях, моральных понятиях и суждениях тоже составляют особый предмет исследования. Научный анализ особенностей единства языка и мышления в этике обогащает и конкретизирует понимание гносеологических аспектов этики.

Изучение языковых форм выражения морально-этического содержания действительно необходимо не только в чисто научных целях, но и для практики активизации нравственного воспитания в современных условиях социалистического общества. Оно помогает находить обществу действенные средства распространения этических знаний, способствует максимальному использованию богатого языка морали — его содержательной и формальной сторон — для воздействия на личность, с целью повлиять на формирование ее как высоконравственного индивида.

Таким образом, развитие и самой этики как науки, и социальных функций морали и этики вызывает потребность исследовать языковые формы морали, раскрыть их многообразие, выявить тенденции их дальнейшего развертывания в условиях современного общественного и научного прогресса.

Освещение марксистско-ленинских позиций в проблемах выражения в языке морально-этического содержания действительно необходимо и для действенной критики современных буржуазных (неопозитивистских, семантических) теорий языка, особенно языка морали. Эти теории, по мнению ряда буржуазных теоретиков, имеют самодовлеющее значение, полностью вбирая в себя гносеологические, социальные и методологические аспекты этики как философской науки.

В данной работе не могут быть изложены все перечисленные вопросы во всем их объеме. В ней рассматриваются лишь некоторые проблемы специфики выражения в языке морально-этического содержания и формы языковых образований.

Придавая большое значение исследованию названной проблемы, мы отнюдь не стремимся отделять язык этики какими-то особыми рамками от философского языка, развивающегося в течение тысячелетий. Язык этики есть язык определенной области философского знания, обладающей присущими самой этической науке особенностями, многие из которых отражают специфику объекта ее исследования — морали. В этом смысле можно говорить лишь об условном выделении языка этики, о постижении его специфики, о выявлении форм и способов фиксации научных выводов посредством этических абстракций.

Было бы излишним пытаться создавать какой-то искусственный язык этической науки, отличный от живых, исторически сложившихся языков, от языка, запечатленного в истории этической мысли. Да и любая другая наука, даже если вести речь о точных науках, может облекаться в речь, только прибегая к исторически сложившимся языкам. Условные символические «языки», которые часто используют точные науки, также не могут существовать, будучи полностью исключенными из сферы языка той или иной науки в целом, что равносильно исключению их и из истории ее развития.

Формулы, символы, знаки любой науки нельзя изучить, не пользуясь живым языком, в «природную материю» которого облекается мышление. Язык этики, совершенствуясь, также нуждается в развитии системы определенных символов, знаков и моделей, в некоторой формализации. Недаром, критикуя теорию иероглифов, В. И. Ленин в то время подчеркивал, что против символов «вообще ничего иметь нельзя»¹. Но формализация, некоторым образом кодирующая смысловое содержание, в данном случае неотделима от основного словарно-понятийного запаса этики как философской науки и логики ее научных дока-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 108.

зательств. Несомненно также, что вообще в широком смысле слова язык есть система знаков: мысли передаются им через устные звуки или письменные знаки (буквы, изображения), связь которых со смыслом исследуется семиотикой.

Знаки и знаковые системы формального характера, действительно необходимые во многих областях точных наук, далеко не в той же мере необходимы для выражения этического знания. Это не значит, что в области этики и морали вообще исключается их применение. Развитие этики в дальнейшем потребует, по-видимому, чаще прибегать к посредству языковых формализмов. Но при этом следует иметь в виду, что этическая теория не принадлежит к числу простых теорий, легко поддающихся формализации, и что любые формулы, графики и т. п. всегда являются лишь вторичными по отношению к сложившемуся языку этики: они могут возникать только на базе последнего.

Исходными методологическими принципами в исследовании языка этики являются диалектическое единство языка и мышления, знака и значения, единство логического и исторического, формы и содержания, а также логического и грамматического в содержании самого языка.

Особенности языка этики в большой мере обуславливаются ходом познания моральных явлений, что прямо и сильно отражается на образовании понятий и категорий этики, на формах выражения содержания этики грамматически и семантически, на строе синтаксических образований в данной науке. Язык этики как один из объектов научного исследования имеет свои границы и не составляет всего предмета этики, как пытаются изобразить буржуазные ученые — представители так называемой лингвинистической философии. Сущность ее очень правильно охарактеризовал английский философ-марксист М. Корнфорт. «Для лингвинистической философии,— пишет он,— любая философская проблема есть проблема употребления слов и поэтому должна решаться путем исследования употребления слов. Напротив, проблемы, которые не могут быть сведены к вопросам о словах, являются вообще не философскими проблемами, а проблемами какого-то другого рода»².

Подобный подход к лингвистическому анализу марксизм отрицает в корне. Но в этой связи тем больше заинтересована марксистская этика в научной интерпретации языка морали, его значения и места в системе этического знания.

² М. Корнфорт. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968, стр. 7.

Язык является средством общения, орудием связывания индивидов в процессе социальной деятельности, передачи содержания общественного сознания от одной эпохи к другой, выражением в речи накопленных духовных богатств человечества. Он возник и развился на основе практической потребности людей, общества в таком средстве. Развитие языка науки есть специфическое продолжение развития языка как такового и в целом включено в него. Буржуазные же теории о роли языка в общественной жизни и в науке (неопозитивизм, экзистенциализм) извращают его сущность и содержание.

Неопозитивизм, например, отвергает исследование закономерностей познания как движения от относительной к абсолютной истине и заменяет его попытками упорядочения готовых результатов познания, зафиксированных с помощью языка, попытками получить будто бы имеющие действительное значение непротиворечивые системы высказываний путем манипулирования средствами языка по правилам логики. Сводя теорию объекта к формально-логическим и синтаксическим построениям, неопозитивистские концепции игнорируют, таким образом, принципиальную разницу между объектом и теорией объекта.

Некоторые из неопозитивистов (Айер), не усматривая в истине иной природы, кроме логической, не видя зависимости истины от действительности, превратили понятие «истина» в чисто формальную характеристику предложений. Вывод Айера о так называемых псевдопредикатах лишил понятия «бытие», «существование» и т. п. какого бы то ни было фактического содержания и превратил их в формальные языковые выражения. Такой вывод он перенес и на понятия морали. Например, Айер утверждал, что включение оценки «неморально» в сообщение о факте кражи не добавляет к этому сообщению ничего подающегося верификации, а поэтому подобная оценка должна быть опущена как «псевдопредикат»³.

Впоследствии, правда, Айер признал, что оценки «морально», «аморально», «хорошо», «плохо» и им подобные все же кое о чем сообщают, но не больше как о взглядах субъекта, а поэтому они субъективны и лишены объективных оснований.

Отрыв языка от мышления составляет главную особенность подобных буржуазных теорий.

В чем же выражается единство языка и мышления, слов и понятий при образовании понятийно-категориального аппарата

³ A. J. Ayer. *Language, Truth and Logic*. London, 1936, p. 152.

этики? Хотя положения о единстве языка и мышления, логики и смыслового содержания выдвигались и в домарксистских учениях, только марксизм вскрыл объективные основы данного единства. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс отмечал, что важно, в частности, изучать законы и правила формально-логической взаимосогласованности предложений научных теорий, конечной причиной которой является тот факт, что «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»⁴. Эти принципиальные положения диалектического материализма служат методологическим руководством, при помощи которого должно познаваться единство языка и мышления в области морали и этики. На основе этих коренных положений мы и постараемся вести свое исследование, обратившись к логико-грамматическому строю языка морали и этики.

Логика и грамматика языка морали и языка этики неразрывно связаны, что объясняется смысловым содержанием охватываемых ими слов и понятий, предложений и суждений. Когда речь идет о выяснении специфических особенностей языка морали или языка этики, то правомерно рассматривать эти языки отдельно, подходя к ним, так сказать, аналитически. Это не исключает и синтетического подхода к ним, изучения диалектического единства грамматики и логики в языках морали и этики. Такой подход тем более необходим, что изучение не только языка науки, но и живых разговорных языков, их строя невозможно без установления единства логики и грамматики, языка и мышления.

Абсолютизация одной из сторон этого единства является источником теорий, отождествляющих язык и мышление и, в частности, грамматику (грамматический строй языка) и логику (логический строй мышления). Отсюда — ошибочные определения ряда основных грамматических понятий, принятых представителями логической концепции в языкознании (Ф. И. Буслаев находил, что суждение, выраженное словами, есть предложение). Другое направление — психологическое — выдвигало противоположное утверждение, что языковые и логические категории являются несоместимыми понятиями, они соотносятся друг с другом так же, как понятия круга и красного (С. Г. Штейнталь). Последовательный сторонник этого направления А. А. Потебня считал, что языкознание, в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 581.

Подобное отделение логического и грамматического, логики и языка вело к одностороннему пониманию и преувеличению роли либо языка, либо мышления, т. е. к отрыву языка от мышления. Разработка проблемы единства языка и мышления содержится во многих трудах лингвистов и логиков, причем далеко не все из их числа разделяли ошибочные мнения сторонников указанных направлений. Так, М. Сандман писал, что простого параллелизма между понятием и словом, суждением и предложением нет, но из этого не следует, что язык не имеет ничего общего с логикой. Проблема единства языка и мышления успешно исследуется советскими философами, лингвистами, логиками. Изучая историю развития языка и мышления, советские ученые показали, что содержательная сторона мышления едина с содержательной стороной речи на всех ступенях общественного развития⁵.

Но единство языка и мышления не означает их прямого тождества. Диалектическое единство языка и мышления, как и всякое диалектическое единство, противоречиво. Здесь наблюдаются противоречия между формой и содержанием, мыслью и предложением, понятием и словом. Содержание может опережать развитие формы, устаревшая форма может тормозить развитие содержания. И даже по своей форме предложения и суждения не всегда полностью совпадают. Для иллюстрации можно сослаться на асимметрию предложения и суждения в аристотелевском ее понимании: не все виды предложений выражают суждение. Известный русский логик А. И. Введенский также отмечал существенные расхождения между предложением и суждением. При всем этом, как указывал Маркс, форма не может не быть формой содержания.

Как отмечает ряд языковедов, предложение наряду с синтаксическим уровнем имеет еще один уровень, обусловленный его актуальным членением. На данном уровне грамматическими средствами выражается субъективно-предикатная структура соответствующей мысли. В отличие от синтаксического данный уровень следует определять как логико-грамматический, субъект и предикат выражаемой мысли — как логико-грамматические субъект и предикат. В этой связи предпринимаются попытки произвести единый формально-содержательный анализ языка, диалектически связать логику и грамматику, логический и синтаксический строй речи. Первая попытка такого рода была сделана

⁵ См. В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971. В этой книге дан обстоятельный обзор большого количества трудов советских ученых, которые подтверждают единство языка и мышления.

еще Аристотелем, который считал, что всякое суждение есть суждение «о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще»⁶.

Суждения имеют различную модальность в зависимости от характера выраженных в них объективных связей, соответственно чему они разделяются на суждения возможности, действительности и необходимости. Д. П. Горский, правда, под модальностью понимает не характер объективных связей, запечатленный в суждении, а степень достоверности, т. е. не то, что отражается, а как отражается, с точки зрения говорящего. Поэтому, по его мнению, суждения могут быть достоверными и вероятными. И. В. Тройнов проводит более дробное их членение: достоверные, относительно достоверные, вероятные и проблематические. В этой связи, согласно его мнению, используются специальные модальные слова: «конечно», «несомненно», «пожалуй» и др.

Степень расхождения между синтаксическим и логико-грамматическим уровнями предложения в научной и технической литературе, как утверждают некоторые исследователи, имеет место в значительно меньшей мере, чем в языке повседневного общения. В этой литературе синтаксический уровень предложения в большей мере «приспосабливается» к потребностям выражения логической структуры мысли. В частности, в свете этого получает объяснение факт широкого распространения в научной и технической литературе предложений с составным сказуемым, в которых основную смысловую нагрузку несет его именная часть, а глагол выступает с ослабленным лексическим значением и по существу играет роль связки⁷.

Противоречия языка и мышления, разумеется, проявляются и в языке этики. Раскрывая сущность, особенности языка этики, мы исходим из его семасиологического логико-грамматического строя, который воплощает в себе единство смыслового содержания, логики и грамматики. Чтобы выявить особенности единства языка и мышления в этике, надо в полной мере учитывать специфику морального способа освоения действительности как своеобразного духовного производства, характер морального отражения действительности. По мере развития морали ее специфика все более отражается в ее особом языке, в ее логике, понятиях, предложениях, суждениях, умозакключениях.

⁶ Аристотель. Аналитики. М., 1952, стр. 11.

⁷ См. А. Л. Пумпянский. Билингвистическое исследование языка и стиля научной и технической литературы на логико-грамматическом уровне.— «Вопросы теории и практики научно-технического перевода». Л., 1968.

В этике неразрывность языкового и логического анализа выступает и в логическом анализе языка морали, и в языковом подходе к логике моральных суждений. В связи с тем что в этой области уже накоплен немалый материал, исследование формально-логической сферы морального сознания или логики моральных суждений начинает выделяться в особый раздел этики, называемой иногда деонтикой.

Например, немецкий марксист Ф. Лезер, рассматривающий проблемы логического анализа моральных суждений, определяет деонтику как науку об общих структурах моральных мыслительных форм, закономерностях их логических отношений и правил образования и истинных моральных ценностях суждений, соответственно действительных моральных норм, моральных категорий, моральных идеалов, моральных принципов и морально-нормативных выводов. В настоящее время имеется ряд серьезных исследований по проблеме языка и логики моральных суждений, в частности нормативных⁸.

Общие морально-мыслительные формы находят разнообразное выражение в языке морали, составляя те или иные типы предложений. Язык и моральное мышление здесь тесно взаимосвязаны как по форме выражения, так и по содержанию.

К интересным результатам в области деонтической логики, логической теории норм и нормативных понятий пришел А. А. Ивин. Он делит нормы на три основные группы. Первая группа норм — предписания, которые имеют своей целью заставить субъекта выполнять нормы, вести себя определенным образом. Среди предписаний он выделяет законы государства, инструкции и директивы и, наконец, команды или приказы. Вторая группа норм — правила. К ним А. А. Ивин относит правила игры, грамматики (морфология и синтаксис), логических и математических исчислений, технические и методологические правила. Третья группа — моральные нормы, обычаи, привычки и идеальные правила⁹.

Именно последняя группа норм относится к предмету этических исследований, и изучение ее важно не только с позиций смыслового содержания, но и в плане языкового выражения норм, форм и структуры речи, сообщающей о нормах. Например, такое моральное правило, как «человек должен быть честным», имеет своеобразное выражение в сравнении со многими

⁸ См. F. Loeser. *Deontik*. Berlin, 1966; А. А. Зиновьев. О логике нормативных предложений. — «Вопросы философии», 1958, № 11; G. H. Von Wright. *Norm and Action*, A Logical Inquiry. N. Y., 1963; А. А. Ивин. Деонтическая логика. — «Вопросы философии», 1966, № 12.

⁹ См. А. А. Ивин. Деонтическая логика. — «Вопросы философии», 1966, № 12, стр. 170.

другими правилами, специфичное именно для языка морали. Здесь единство языка и мышления выражено в нормативной форме, наполненной моральным содержанием. «Человек должен быть честным» — эта норма получает общечеловеческое значение и приложима к самым разнообразным конкретным поступкам и отношениям между людьми. В то же время она в сознании, мышлении человека неотделима от определенных условий его жизнедеятельности и находит выражение в различных моральных заповедях и принципах, характеризующих честность как таковую.

Известный немецкий теоретик В. Эйхгорн в книге «*Wie ist Ethik als Vissenschaft möglich?*» приводит семь типов морально-нормативных выражений.

1. Предложения, которые по своей грамматической форме предстают в виде предложений суждения (*Urteilssätze*) и используют в них так называемые ценностные предикаты: «Это действие (образ действия) является хорошим» или подобно образованные выражения с другими словами, такими, как «благородный» (*edel*), «добродетельный», «честный», «преданный»... Предложения этого типа могут давать выражение санкциям нормы, поучениям относительно нормы, мере нормативности, индивидуальному или коллективному оцениванию, заоченелым обычаям и т. д.

2. Предложения со словами, получившими форму имен (*mit Substantivierungen*) от уже названных или других ценностных предикатов: «Преданность социалистическому интернационализму является признаком социалистической личности» или «Высокий долг социалистического человека — защищать рабоче-крестьянскую власть».

3. Предложения, в которых нормативные установления высказываются специально через связь с такими словами, как «требуется», «разрешено», «воспрещено» и т. д. в отношении определенных способов действия. «Требуется соответственным образом развивать способности», «Морально непозволительно (*unerlaubt*, не разрешено) угнетать другого человека» и т. д.

4. Предложения, которые ведут к выражению императивов. Отчетливо императивный характер имеют предложения типа: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла служить одновременно как принцип всеобщего законодательства» или «Ты должен народное достояние защищать и приумножать». «Ты всегда должен действовать во имя интернациональной солидарности рабочего класса и всех трудящихся, а также нерушимого единства (союза, связанности — *Verbundenheit*) всех социалистических стран».

5. Предложения схожих типов, которые, хотя и имеют свою собственную проблематику и потому должны быть обособлены, являются императивными предложениями. Их генерализирующая тенденция как-то ограничена («Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Соединяйся с нами ты, честный брат») или они имеют более гипотетический или условный характер («Кто не работает, тот не должен и есть»). Просьбы, советы и пр. также имеют много общего с императивными выражениями («Прошу тебя: держи себя прилично») и часто функционируют равным образом морально-нормативно.

6. Предложения, которые дают отражение индивидуальному или коллективному решению: «Мы употребим все наши силы, чтобы достичь освобождения человека из-под гнета человека» или «Я всегда буду защищать рабоче-крестьянскую власть».

7. Предложения, в которых дается обоснование каким-либо выражениям с первого по шестой тип: «Ты должен защищать и приумножать народное достоинство, потому что оно является основой социализма» и т. д.¹⁰

Раскрывая названные типы предложений, Эйхгорн отмечает далее, что это построение, вероятно, не является полным. Нам представляется, что Эйхгорн дал довольно-таки основательную классификацию нормативных типов предложений по их смысловому и грамматическому значениям.

Нормативность как одна из характерных черт языка морали касается в прямом или косвенном виде всех других типов предложений. Но язык морали не ограничивается лишь типами предложений. Важное место в нем занимает понятийно-категориальный аппарат, который является сущностью самих предложений-суждений.

Единство языка и мышления в образовании понятийно-категориального аппарата этики заключается далее в том, что и понятия, и язык этики выражают общее, особое и единичное. Язык этики приспособлен для выражения как представлений о единичных феноменах морали, так и абстрактных понятий, характеризующих мораль.

В этой связи особый интерес представляет сравнение между использованием понятий, категорий в этике и их использованием людьми в процессе их реальной нравственной жизни. Языковое выражение этических и моральных понятий не так уж редко одно и то же: как в научном мышлении, так и в повседневной жизни мы пользуемся, например, понятиями «добро», «долг», «честь», «совесть» и т. п. Нельзя не видеть и того,

¹⁰ W. Eichhorn I. *Wie ist Ethik als Wissenschaft möglich?* Berlin, 1965, S. 130—132.

что по мере успехов образования и воспитания людей в нашей стране язык морали обогащается научной терминологией. Она входит в «аппарат» общения людей, утверждаясь как сама собой разумеющаяся. Это объясняется расширением знаний, культуры людей, в том числе их этических знаний. А если учесть еще и тот факт, что этическая терминология широко проникает в художественную и общественно-политическую литературу, звучит по радио, в телевизионных передачах и т. д., станет вполне бесспорным обогащение языка морали этикой.

Здесь при использовании в определенной мере этических абстракций в обыденной жизни мы также наблюдаем единство языка и мышления. Моральное сознание может быть обыденным и научным; разделяя их, важно констатировать не только их различие, но и их единство, взаимосвязь, взаимопонимание.

Отрыв языка от мышления, абсолютизация того и другого в тенденции ведут к парадоксальному мнению, что людям, не знающим этики, в их нравственной жизни доступны лишь обыденные представления, язык, выражающий только единичное, и не подвластно оперирование понятиями, а ученым пользование научными абстракциями препятствует всякой связи с повседневной жизнью. Принцип единства языка и мышления, напротив, требует тесно связывать науку с жизнью, теорию с практикой.

Понимание единства языка и мышления позволяет направлять процесс образования понятий и категорий, отражающих явления общественной жизни, укреплять его зависимость от практических нужд общения, развития науки и т. д., освобождать его от пустопорожних терминологических упражнений.

Определенные требования, установки по отношению к деятельности членов общины были и на заре человеческого развития социальной потребностью и необходимостью. Без них немыслима совместная жизнь людей, в частности жизнь родовая и племенная. Но сознание первобытного общества не поднялось до достаточно определенного разграничения моральных качеств и других черт человека, даже физических. Например, «добро» одновременно означало силу, здоровье, благородство, «зло», «дурное» — слабость, болезнь, низкое. Борьба за материальные блага требовала от людей физической выносливости, мужества и смекалки. Поэтому, как отмечал П. Лафарг, «варварский антропоморфизм, приписывающий материальным благам нравственные добродетели, был вполне естествен»¹¹. Но

¹¹ П. Лафарг. О происхождении идеи добра.— «Марксизм и этика». Харьков, 1923, стр. 272.

источник этого антропоморфизма был социален, на что и П. Лафарг обращал внимание.

Дальнейшее развитие общества, настоятельно требовавшее разрушения первобытного образа жизни, вместе с тем разрешило, видоизменило и былые представления о добре и благе. Возникновение классов и классовое разделение общественного труда привели к тому, что господствующий эксплуататорский класс все больше утрачивал прежние физические и духовные качества. Соответственно новому положению господствующего класса меняется содержание ряда понятий, в частности добра. Его содержание включает теперь требования, которые предъявляются классом как по отношению к его членам, так и к представителям других классов. Идет интенсивный процесс наполнения представлений о нравственных добродетелях содержанием, отражающим положение класса рабовладельцев. Нормы морали, устанавливаемые этим классом, призваны были стоять на страже его господства. Рабы, с рабовладельческой точки зрения, не считаются за людей, они «говорящие орудия».

Идеологи рабовладельческой аристократии освящают это положение классов высокими идеями и на этом основании разрабатывают определенные нормативы поведения личности в обществе. На этом этапе уже начинаются осмысление специфики морали, оформление понятийно-терминологического аппарата для выражения специально нравственных добродетелей. Этика зарождается как теоретическое осмысление действующей морали, внося в то же время с начала своего развития вклад в формирование самого морального сознания.

Большое внимание уточнению этических понятий и выражению их в языке уделяет Аристотель. Посмотрим, как великий мыслитель древности понимал механизм их образования.

Рассматривая добродетели честолубия, великодушия, мужества, Аристотель считает, что они выражают середину между двумя моральными крайностями поведения и характера индивида, пороками: избытком и недостатком. «Великодушие — середина в области почести и бесчестия; его избыток называется тщеславием, недостаток — малодушием»¹². При этом середине, находит Аристотель, иногда более противоположен недостаток, а иногда избыток. Например, мужество не столько противоположно избытку — безумной отважности, сколько недостатку — трусости; умеренности, наоборот, не столько противоположен недостаток ее — бесстрашие, сколько избыток — невоздержанность.

¹² Аристотель. Этика. СПб., 1908, стр. 33.

Приведенные примеры свидетельствуют, что Аристотель в выяснении смысла моральных понятий шел путем сравнения одних понятий с другими. Избыток мужества — безумная отвага — получает в языке аристотелевской этики по существу два термина: мужество и отвага.

Честолюбивым, по Аристотелю, называется тот, «кто слишком стремится к чести». В языковом оформлении это означает любовь к чести. Противоположное понятие, образуемое с помощью отрицательной частицы, — «нечестолюбивый» — означает: «кто слишком мало стремится к чести». Слова «не любит честь» здесь уж не выражают данного понятия в полной мере.

Выяснению того, что есть добродетель, каковы связанные с нею понятия и как они выражаются в языке, много внимания уделяет Д. Юм, высказывая в этом разделе своего учения ряд ценных соображений. «Чувство уважения и одобрения, — пишет он, — может быть в известной степени возбуждено любой способностью нашего духа, если оно достигает совершенства; объяснить это чувство — дело философов: грамматик же должны рассмотреть, какие качества имеют право называться добродетелями»¹³. Юм тут отмечает, что при образовании понятия о добродетелях нельзя полагаться лишь на чувство (любая способность при ее развитии может вызвать чувство одобрения), надо четко выявить собственно «объект» добродетели — те качества, которые имеют право ею называться.

В этой связи Юм приходит к выводу, что необходимо, с одной стороны, составить список тех духовных качеств, которые являются объектами любви или уважения и образуют часть личного достоинства, с другой — каталог тех качеств, которые являются объектами осуждения или укора, понижают репутацию личности, обладающей ими. Эта необходимость, по его мнению, в первую очередь вызвана тем, что словесный спор нередко ведется в отрыве от понятий, от предметного содержания слов и что ни в английском, ни в любом другом современном языке не определены точно границы между добродетелями и талантами, пороками и недостатками¹⁴.

Ценны мысли Юма и о специфичности языка этики, его усилия поддержать то «естественное» направление, которое придавали развитию языка этики древние мыслители, оградить этот язык от отрицательного влияния теологии.

Он стремится вычленить собственно моральные и этические понятия, предостерегает против смешения морального содержа-

¹³ Д. Юм. Соч., т. 1. М., 1966, стр. 776.

¹⁴ См. Д. Юм. Соч., т. 2. М., 1966, стр. 356.

ния понятий о нравственных качествах личности с понятиями о ее деловых, психических качествах. Таким образом, Юм вносит неоспоримый вклад в понимание специфики языка этики.

Огромную заинтересованность в правильном употреблении слов и в выяснении содержания моральных понятий проявлял в своих трудах К. Гельвеций. В трактате «Об уме» он специально отмечает, что в метафизике и при обсуждении моральных проблем неправильное употребление слов, а также незнание их истинного смысла заводят в безвыходные лабиринты, в которых иногда плутали даже великие мыслители. Гельвеций в этой связи приводит в пример неправильное истолкование высказываний Ларошфуко о самолюбии (*amourpropre*) как «пружине всех наших действий». Незнание истинного значения этого слова привело к тому, что его смешали с гордостью и тщеславием, а Ларошфуко обвинили в изображении порока источником всех добродетелей¹⁵. Исследуя смысл понятия «хороший» в применении к морали и человеческим поступкам, Гельвеций приходит к выводу, что мерилom доброты человеческих поступков является общая польза. Он как бы здесь стремится заменить слово «добродетель» словом «хороший», так как господство религии в морали в предшествующую эпоху средневековья наводнило мораль религиозными терминами и наполнило многие чисто моральные представления, в том числе и о добродетели, религиозным содержанием. Просветителю и энциклопедисту Гельвецию была также близка идея необходимости словаря как средства внести порядок во все сферы жизни, в частности и в мораль. «Чтобы устранить неопределенность в значении слов,— пишет он,— следовало бы составить словарь, где с различными выражениями связывались бы четкие идеи... Пусть только свяжут с каждым выражением точные идеи, и схоласт, который столько раз потрясал мир чарами слов, окажется бессильным чародеем»¹⁶.

Гельвеций, таким образом, призывает тесным образом связать понятия и выражающие их слова, чтобы избавить этическую мысль от неточности в словоупотреблении и схоластики, влить в содержание понятий рациональный, ясный смысл.

Проблемам сущности и диалектики языка, в том числе и языка морали, большое внимание уделял Гегель. В предисловии ко второму изданию «Науки логики» он писал, что «формы мысли выявляются и отлагаются прежде всего в человеческом языке»¹⁷.

¹⁵ См. К. Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр. 22—24.

¹⁶ К. Гельвеций. О человеке. М., 1938, стр. 104—105.

¹⁷ Г. Ф. В. Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, стр. 82.

Как реальное преимущество того или другого языка Гегель отмечал богатство логическими выражениями, притом специальными и отвлеченными, для обозначения самих определений мысли. Грамматические формы выражения мысли, по Гегелю, также безразличны к смысловому содержанию. Из всех грамматических форм он выделяет как наиболее зрелые такие, в которых с помощью существительных и глаголов раскрывается содержание мысли.

Не будет преувеличением сказать, что, как никто из философов, Гегель значительное внимание уделял определению понятий и категорий, раскрытию их диалектики. Из его поля зрения не выпали также моральные понятия и этические категории, их структурные компоненты и их взаимосвязь с наиболее общими философскими понятиями и категориями.

Гегель, в частности, определяет такие понятия, как «моральность», «добро», «зло», «дурное», «моральное отношение» и т. д. «*Добро*, — пишет Гегель, — это краткое обозначение сути обязанностей, а именно сути тех основных определений, содержанием которых являются необходимые человеческие отношения; другими словами, оно есть разумное в них. *Зло* — это то, что умышленно направлено на разрушение такого отношения. *Дурное* же — это когда свои обязанности нарушают хотя и непреднамеренно, но сознательно, уступая какому-нибудь побуждению чувственности или из любви к кому-нибудь»¹⁸.

При определении понятий Гегель предостерегал от субъективистского к ним подхода. Он неоднократно подчеркивал, что познание того, какими предметы должны быть, возникает из опыта, из постижения их сущности. Для того чтобы знать, писал Гегель, какие поступки справедливы, добры, а какие несправедливы, злы, нужно уже *заранее* иметь понятие о справедливом и добром¹⁹. В этих немногих приведенных нами рассуждениях Гегеля глубоко выражено эвристическое значение определения понятий, оформления их в строе речи. Давая определения, Гегель немыслил их вне диалектики всеобщего и единичного, раскрывал значение единичных понятий через их отношение к общему, а общих понятий — на основе их связи с единичными. Единство языка и мышления в сфере этики он усматривал в диалектическом взаимодействии формы и содержания, слов и понятий, логики суждений и грамматических форм выражения мысли. Диалектику понятия Гегель раскрывал в его движении, в его взаимодействии и взаимосвязи с другими

¹⁸ Г. Ф. В. Гегель. Работы разных лет, т. 2. М., 1971, стр. 201.

¹⁹ Там же.

понятиями, стремился к нахождению закона их движения. Вместе с тем Гегель преувеличивал роль понятия по сравнению с практикой. Понятия у него выступают определяющими для сущности вещей, т. е. действительные отношения выводятся не из практической жизни, а из понятия. В этом суть идеалистической диалектики Гегеля.

Однако при всем этом значение гегелевской логики и его положений о языке применительно к морали трудно преувеличить. Исследованная Гегелем диалектика и содержательная структура понятий сохраняют ценность и для современного изучения языка морали и этики.

Буржуазная этика XX века — века, который в ходе своих великих революционных движений и переворотов произвел самую глубокую переоценку всех моральных ценностей, особенно пристальное внимание обращает на язык и формальную логику моральных суждений. Это вполне объяснимо, ибо формально-логический и формально-терминологический анализы меньше всего касаются острых вопросов общественной жизни и могут служить предлогом к отказу от их рассмотрения, к чему и стремятся буржуазные идеологи в настоящее время.

Если к началу XX в. английский философ-интуитивист Дж. Мур ищет основания для этической теории, которые не вели бы к предвзятому субъективизму, то впоследствии многие буржуазные ученые утверждают субъективизм как основу своих этических концепций. Какова общая линия в исследовании языка этики в буржуазной этической мысли от Мура до настоящего времени? Борясь против «натурализма» в этике, Мур в первую очередь задается вопросом об определении этических понятий и об адекватном выражении этих понятий. Такая цель сама по себе заслуживает всяческого одобрения. За исходное в попытке дать определение Мур берет практику поведения, он стремится анализировать приложение наиболее общих понятий к конкретным моральным явлениям. В определенной мере ему удастся разработать аналитический подход к общим моральным понятиям, из которых он особо выделяет понятие добра. Но, исследуя со своих позиций категорию добра, Мур сталкивается с непреодолимой для него трудностью: он не видит путей перехода от конкретных моральных явлений и понятий о них к общему понятию как к их синтезу и приходит к выводу, что самые общие понятия морали просто интуитивны, а моральный язык иррационален по своему содержанию.

Свои рассуждения на этот счет Мур начинает с поисков определения понятия «хороший» и «добро», справедливо полагая, что, прежде чем определить, какие явления и поступки хоро-

ши, надо решить, что мы понимаем под хорошим. Иными словами, в основе всех нормативных суждений лежит суждение вида Х — «хорошо». Но «хороший», по мнению Мура, является простым, неопределимым и неразложимым качеством, а потому не подлежит определению. «Если меня спросят,— пишет Мур,— «Что такое хорошо?» — то я отвечу, что хорошее — это хорошее, и конец делу. Или же если меня спросят: «Как нужно определить хорошее?» — то я отвечу, что этого нельзя определить! и это все, что я могу сказать по этому поводу... Моя точка зрения такова, что «хороший» является простым понятием; точно так же, как «желтый» является простым понятием и вы никакими способами не объясните (непосвященному) не знающему этого человеку, что такое желтый цвет, вы никогда не сможете объяснить, что такое „хорошо“»²⁰. Точно такие же умозаключения Мур проводит и при выяснении понятия добра. В основу рассмотрения этого понятия Мур кладет анализ четырех определений добра, словесно выраженных в формулах «добро есть удовлетворение», «добро есть удовлетворение желаний», «добро есть удовольствие», «добро есть величайшее счастье большинства». Не найдя среди них удовлетворительно определения, Мур приходит затем вообще к выводу о полнейшей невозможности определить добро. Он исходит при этом из аристотелевского метода определения понятий путем разложения их на части и свой вывод делает по следующей логике: добро нельзя разделить на какие-то части, значит, оно простое образование, а потому и не имеет определения²¹.

Добро есть добро, и это настолько очевидная внутренняя ценность той или иной вещи, считает Мур, что она не требует никакого определения. Правильно в общем-то открещиваясь от натуралистических тенденций при определении моральных понятий, Мур, однако, провозглашает существование ненатурального, имманентного самому себе и неопределимого бытия.

Концепция Мура в дальнейшем получает крайнее выражение в учении семантиков и эмотивистов, которые утверждают, что слова вовсе не обязательно должны выражать какую-то реальность. Они могут служить просто знаками. Таким, по их мнению, эмоциональным знаком и служит слово «добро».

Кроме того, по мнению некоторых семантиков, использование связки «есть» во многих языках мешает точному словесному выражению тех или иных понятий. Употребление этой связки они истолковывают как утверждение полного тождества,

²⁰ Цит. по: М. Корнфорт. Марксизм и лингвистическая философия, стр. 114.

²¹ G. E. Moore. Principia Ethica. Cambridge, 1928, p. 9.

что якобы не позволяет учитывать оттенки значения. Например, утверждение: «добро» есть категория «этики» — с точки зрения семантиков неправомерно, ибо нет полного тождества между фигурирующими в нем подлежащим и сказуемым, субъектом и предикатом. Высказываясь подобным образом, мы этим якобы неправомерно используем, парализуем язык.

Но данная позиция семантиков берет язык безжизненно и формалистично, как нечто застывшее, неподвижное, лишает язык гибкости его форм. Она-то именно и парализует его.

На деле отсутствие полного тождества между подлежащим и сказуемым в предложении, между субъектом и предикатом в суждении не только не парализует язык, а дает возможность гибко отразить многообразие связей объекта отражения. В наброске работы к «Вопросу о диалектике» В. И. Ленин специально обращает внимание на суждения со связкой «есть», раскрывая диалектику (единство и противоречивость) общего и единичного. Суждения «Иван есть человек», «Жучка есть собака» — вполне правомерны, хотя в них нет полного тождества между субъектом и предикатом. «Иван есть человек» постольку, поскольку он, несмотря на многие свои индивидуальные особенности, относится к человеческому роду. «Жучка есть собака» постольку, поскольку она, несмотря на свои особенности, является собакой, т. е. животным определенного вида.

Это элементарный смысл диалектического единства общего и единичного. Между ними нет полного тождества, но нет и абсолютного разрыва. И язык в его смысловом, а не формальном значении ясно отражает эту взаимосвязь. Нет никакой необходимости пользоваться здесь символическими значками, как предлагают семантики, что якобы правильно соединит предикат с субъектом.

«Добро» является категорией этики в том смысле, что оно отражает определенные существенные стороны морали как ее узловое понятие. Отражение его конкретных значений в социальной практике может получить различное выражение в понятиях и в разных словах.

Анализу этического языка специальную книгу «Этика и язык» посвятил американский профессор Ч. Стивенсон. Его анализ главным образом терминов «хороший» и «добрый», «хорошо» и «добро» также не выходит за рамки формально-логического и формально-языкового контекста.

Избегая употреблять связку «есть» при определении понятий и идя путем подыскивания синонимов к разбираемым словам, Стивенсон заключает, что моральное суждение «это — хорошо» соответствует суждениям «я одобряю это; делай так всег-

да»²². Столкнувшись с тем фактом, что мнения людей, их отношения к одним и тем же поступкам различны, Стивенсон приходит к выводу, что моральные понятия не имеют объективной основы, что они совершенно субъективны. Поэтому, выраженные в языке, они будто бы находят лишь субъективное понимание у людей, у каждого свое. Об абстрактных понятиях, выраженных в определенной терминологии, Ч. Стивенсон держится того мнения, что они либо слишком бедны, либо вообще лишены содержания и не являются практически необходимыми. В конечном итоге стремление изучить содержание понятий приводит Стивенсона к попытке анализировать язык в отрыве от понятий, отражающих объективные процессы нравственной жизни общества и человека.

Неопределенностью содержания этических понятий страдает и книга оксфордского профессора Р. М. Хеара «Язык морали»²³. Считая, например, что слова «добро», «хороший» в отличие от терминов «красный», «желтый» носят оценочный и предписывающий характер, Хеар, так же как и Стивенсон, ставит под сомнение возможность при помощи этих терминов отражать представления всех, ибо, как аргументирует он, для одного человека идеал добра полезен, а для другого вреден.

Айер, обращая внимание на то, что любой язык состоит из предложений (в том числе и этико-философский, более утонченный в сравнении с обычным), выделяет два типа предложений: аналитические и синтетические. Аналитические предложения — такие, где предикат анализируется вне субъекта предложения. В синтетических предикат привязан к субъекту на основе эмпирических данных. $A=A$ — абсолютная истина, но она ничего не говорит о мире. $2+2=4$ — абсолютная истина, она что-то сообщает, но на основе какой-то другой тавтологии, ибо предикат здесь не содержит ничего такого, чего бы мы не знали.

Что касается синтетических предложений, то они не претендуют выражать абсолютные истины, но дают знание. К ним по существу Айер относит такие предложения, которые не содержат определения категорий и понятий, а являются просто констатацией каких-то фактов, событий, совершающихся в жизни, т. е. простыми описаниями. Самые большие сомнения относительно отражения истины вызывают у Айера те предложения, которые не являются ни «аналитическими», ни «синтетическими». Подобные предложения, по мнению Айера, нель-

²² Ch. Stevenson. *Ethics and Language*. New-Haven, 1944, p. 81—82.

²³ R. M. Hare. *The Language of Morals*. Oxford, 1952.

зя определить с точки зрения их истинности и ложности. «Если рассматриваемое предложение не может удовлетворить данному принципу и не является тавтологией, я считаю,— пишет он,— что оно метафизично, а будучи метафизическим, оно не является ни истинным, ни ложным, а буквально бессмысленным»²⁴. Такие предложения позитивисты именуют псевдопредложениями, относят к их числу в первую очередь определения философских категорий, таких, как материя, бытие, реальность и т. п., а вместе с тем и определения сущности этических категорий и понятий.

Направленность этих и аналогичных им утверждений ясна: изъять из философии коренные методологические проблемы и сосредоточить внимание на простом эмпирическом фиксировании фактов. Здесь мы видим уже другую крайность буржуазных философов по сравнению с той, на которую указывал Гегель. Позитивисты изымают проблему философско-этического мышления, заменяя ее формалистическим подходом к языку. Об этом вполне недвусмысленно пишет, например, Айер, утверждая, что «когда все сказано, задача философии — не построить великую систему, а просто освободиться от последствий нашего языкового употребления»²⁵.

Буржуазные ученые отрывают язык от мышления либо путем подмены мышления языком, т. е. путем формализации языка, взятого в абстракции от научного мышления, либо стремясь доказать, что в силу несовершенства языка невозможно найти абсолютное определение важнейших этических понятий, которые были бы всеобщими и универсальными, удовлетворяли все эпохи, общества и классы.

Однако искать абсолютных определений тех или иных понятий, одинаково верных во все эпохи,— дело тщетное.

Этика — постоянно развивающаяся наука. И в то же время как наука она оперирует определенными этическими понятиями и категориями, воплотившими в себе важные стороны, черты человеческого морального опыта. Они отражают его не только в общ историческом, но и в конкретно-историческом смысле. Ее понятия всегда с необходимостью требуют конкретно-исторического применения к моральным явлениям.

Критерий общественного прогресса и выведенный на основе его понимания критерий нравственного прогресса служат необходимым основанием для объективного определения добра, учитывающего его зависимость от социальных характеристик и

²⁴ А. I. Ayer. *Language, Truth and Logic*, p. 31.

²⁵ Цит. по: Van Cleve Morris. *Philosophy and the American School*. Boston, 1961, p. 176.

историческую изменчивость его положительного содержания на протяжении всего развития общества.

В повседневной нравственной практике добро и зло всегда предстают конкретно. В классовом обществе они классовы. Избежать субъективизма в их понимании, как и в понимании вообще всех и всяческих моральных понятий и суждений, можно лишь на основе осознания тенденций общественного прогресса, на основе понимания того места, которое занимают в общественной жизни на каждом этапе истории классы и иные социальные общности, придающие свое особое значение моральным понятиям и суждениям.

На трудность определения добра и зла обращал внимание Ф. Энгельс, который писал, что если бы эти понятия легко определялись, то «не было бы никаких споров о добре и зле, каждый знал бы, что есть добро и что есть зло»²⁶. Дать конкретное определение добра и зла можно только с позиций одной или другой социальной общности, того или иного класса общества. Этим не исключается, а предполагается возможность и необходимость также не конкретного, а абстрактного определения добра, зла и прочих моральных понятий как общих форм выражения морального содержания, находящихся в каждом конкретном случае особое наполнение. При этом наиболее точное определение этических понятий через языковые выражения достигается не только путем анализа слов-терминов, нужны как анализ, так и синтез, вся логика моральных суждений, отражающая реальные моральные отношения.

Развитие этических понятий происходит путем не только их «модернизации» (отражение новых явлений в моральном сознании и практике), но и путем углубления их содержания, что позволяет все более адекватно при их помощи отражать, глубже проникать в нравственный опыт прошлых эпох. Соответственно обогащается и словарный запас этики.

Богатство словарного запаса и синтаксический строй языка, их гибкость и разносторонность выражают степень содержательности и развитости самого этического мышления.

Язык морали и язык этики

Язык морали и язык этики различаются уже тем, что в них по-разному используются разные логические структуры; одни — чаще в одном, другие — в другом. Язык морали насыщен многочисленными описаниями, постановками вопросов, требова-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 94.

ниями, повелениями, советами со стороны отдельных лиц. Здесь можно найти частое употребление образов, метафор, сравнений, что присуще любому живому языку в обыденной жизни. Что же касается его характеристики в формально-логическом отношении, то в нем массовым порядком применяется небольшое число логических операций. Так, распространение моральной нормы на то или иное лицо производится посредством силлогизма следующего типа: все граждане социалистического общества должны добросовестно трудиться; Иванов — гражданин социалистического общества; следовательно, Иванов должен добросовестно трудиться. Моральное одобрение (и порицание) совершается по следующему силлогизму: выполнять норму — хорошо (не выполнять норму — плохо); *А* выполняет норму (*Б* не выполняет нормы); следовательно, *А* поступает хорошо (*Б* поступает плохо).

Вот элементарная логика моральных нормативных суждений, которая выражена в языке морали. Он нормативен и подчиняется соответственным законам, по которым совершается процесс морального мышления. Язык научных доказательств, характерный для этики, несомненно, также опирается на общие законы формальной логики, на нормативность языка морали, но по своей сущности ненормативен.

Исходя из этого главного различия и в то же время единства логического и грамматического языка морали и языка этики, мы остановимся на некоторых, более конкретных особенностях этих языков. Начнем с того, что своеобразие этического языка выражается в специфической терминологии, с помощью которой обозначены основные понятия и категории этики. Отличительная особенность понятий и категорий этики как философской науки, заключающаяся в их обобщенности и наибольшей абстрактности, связана с тем, что их смысл не поддается простому чувственному познанию. Постигание его требует философского анализа. Этические понятия нельзя просто сравнивать, как это пытался делать Дж. Мур, со словами «желтый», «красный» и т. п., сводить их к простым элементам. Как правильно заметил Айер, «мы не можем в нашем языке обращаться к чувственным качествам вещи, не вводя слово или фразу, которые оказываются на месте самой вещи, противостоящей всему тому, что мы можем сказать о ней»²⁷.

На общий, обобщающий характер этических понятий — слов обращают внимание многие авторы-неопозитивисты, например Хеар в книге «Язык морали». Но, правильно отмечая некото-

²⁷ А. J. Ayer. *Language, Truth and Logic*, p. 42.

рые их особенности, отмечая также широкую приложимость к конкретным явлениям этих обобщающих понятий и категорий, имеющих определенное языковое оформление, позитивисты вместе с тем приходят к отрицанию их значимости и употребимости в сфере науки. Затем они выдвигают также следующее рассуждение: язык состоит из предложений, а предложения составляют группы слов, разделенных на субъекты и предикаты, но субъекты предложения всегда шире по своему объему, чем все предикаты, которые можно приложить к нему, значит, по их мнению, субъекты предложения по существу не имеют значения и лишь предикаты являются действительным ключом к постановке и решению проблем, якобы только они дают данные о мире.

Что же касается субъектов предложений, то это — будто бы просто удобные рычаги, с помощью которых проводятся манипуляции с предикатами. Подобное отрицание роли субъектов таит для науки большую опасность: лишиться терминологии сущностного характера, быть сведенной к сумме просто описательных выражений. Недооценка значения понятийно-категориального аппарата науки ведет к недооценке специфики самой науки, тормозит ее дальнейшее развитие и правильное отражение ее истории. Поэтому, исследуя язык этики, мы в первую очередь изучаем ту терминологию, которая используется для оформления понятийно-категориального аппарата. Слова, выражающие этические категории и понятия, являются основным словарным фондом этики, их состав и многогранность являются одной из важнейших характеристик особенностей языка этики и одним из показателей ее развития.

Исследуя мораль как форму общественного сознания, этика опирается на систему положений, выраженных в той терминологии, которая в основном присуща морали как форме общественного сознания, однако в своих выводах, предложениях дает обобщенное отражение природы, сущности морали. Этические и моральные категории, понятия, суждения, умозаключения, выраженные в особой терминологии и в определенном строе предложений, не тождественны по своему характеру и целям.

Этическая терминология отправляется от терминологии моральной, использует ее, но степень обобщения в этике намного выше, т. е. она составляет как бы следующий этап движения мысли от особенного ко всеобщему в отражении моральной жизни общества, человека, а поэтому в ее терминах выражены более общие и более абстрактные понятия. Это уже понятия науки (которые в свою очередь могут обогатить язык морали), а не обыденного, эмпирического сознания.

Соответственно моральные и этические понятия различаются по той информации, которую они содержат. Этические понятия насыщены научной информацией, моральные — в большей мере эмпирической, непосредственно направленной на решение повседневных практических задач. Это характерно не только для понятийно-категориального аппарата, но и целиком для языка морали, моральных высказываний-предложений. Он нормативен как в широком, так и в узком смысле этого слова. Нормативность пронизывает как непосредственно, так и опосредствованно весь понятийно-категориальный аппарат и моральные суждения-предложения.

Первая группа суждений объединяет нормативно-повелительные моральные высказывания-предложения. В чем состоит специфика нормативно-повелительных моральных высказываний-предложений? Она — в содержании и форме самих требований, именно моральных требований, непосредственно направленных к личности или общности, коллективу. В практике нравственного воспитания применяются различные формы доведения до сознания личности требований морали, которые находят различное содержательно-словесное оформление. Среди них прежде всего выделяются наиболее обобщенные предложения — требования, предписания, выражающие свод принципов, норм и правил о том, как вести себя по отношению к обществу, коллективу, другому человеку.

В коммунистической морали советского общества на современном этапе они, например, сформулированы в моральном кодексе строителя коммунизма:

- преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

- высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свобод народов;

— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами. Эти наиболее общие принципы морального кодекса строителя коммунизма не исключают, а, напротив, предполагают другие, меньшие по объему и содержанию нормы. В их числе возможно различить несколько достаточно своеобразных форм, составляющих группу.

А. Предложения-запреты, которые в их общем смысле направлены на предотвращение поступков, не соответствующих общим принципам морали, в конкретном случае — коммунистической морали. Предложения-запреты нередко употребляются со смысловым словом «нельзя», например: «нельзя нарушать принципов коммунистической морали».

Б. Предложения-разрешения, употребляемые со смысловым словом «можно», когда человек стоит перед выбором поступка. Например: «можно поручить заботу о больном товарище другому, чтобы выполнить важное общественное поручение».

В. Предложения-приказания, употребляемые со смысловым словом «нужно, необходимо»: «нужно быть дисциплинированным». Все эти предложения-требования, предложения-разрешения, предложения-запреты можно объединить в группу нормативно-долженствовательных предложений, которыми выражаются предписание и возможность выполнения предписания. Добросовестное отношение к труду — долг каждого члена социалистического общества. Человек должен трудиться. В условиях социализма каждый человек может трудиться. Человек должен быть добрым. Человек может быть добрым. Попутно остановимся здесь на смысловом различии слова «должен» и соответствующего ему слова «может».

Смысловое различие слов «должен» и «может» имеет значение как в области морали, так и в области права. Слово «может» сообщает о наличии возможностей для выполнения долга. Человек должен трудиться — это моральное требование. Но оно становится таковым лишь при известных условиях, т. е. когда труд является обязанностью всех и каждого и когда человек может реально осуществить право на труд. Если же этих условий нет, значит данное моральное требование является абстрактно-безжизненным, а его действительное осуществление нереально в силу наличных условий.

Различение смыслов слова «должен» (а также соответствующих смыслов слова «может»), как пишет А. А. Ивин, весьма су-

ственно для правильного толкования правовых актов²⁸. Не случаен поэтому интерес, проявляемый к нему в литературе, связанной с юриспруденцией. Например, З. Зембинский выделяет пять основных значений слов «должен» и «может» и отмечает, что один и тот же оборот с «должен» (аналогично с «может») иногда имеет несколько различных интерпретаций. Он обращает, в частности, внимание на трудности, связанные с нормативной интерпретацией оборотов с «может» и различает три разных смысла «может» уже в пределах данной интерпретации: отсутствие запрещения («гражданские лица могут носить шляпы, но военные нет»), компетентность в некотором деле («судья может остановить игру, но игрок нет»), наличие права на что-то («собственник вещи может пользоваться ею, но другие лица не могут») ²⁹.

Если для формальной логики, изучающей нормативные суждения, не является необходимым анализ различных значений этих слов, то для изучения языка морали он необходим. С помощью языка передаются все тонкости мысли, особенности смысла тех или иных утверждений, положений, теорий. При этом в языке используются самые различные формы предложений, чтобы донести точный смысл понятий, суждений и умозаключений.

Формальная логика, как правильно отметил фон Райт, отражает статические связи, она не передает изменений, происходящих в мире. Исходя из этого, фон Райт предлагает пересмотреть логический аппарат для построения деонтической логики и сконструировать аппарат, более приспособленный для описания динамики связей через фигуры логики. Но попытки реализовать это предложение по существу вывели его за пределы формальной логики. «Развиваемая им логика норм,— пишет А. А. Ивин,— оказывается теорией дескриптивно-интерпретированных предложений, т. е. не логикой норм, а логикой высказываний об их существовании. Логические свойства норм отображаются в ней лишь постольку, поскольку они находят отражение в высказываниях о существовании этих норм. Но логика норм и логика высказываний о нормах во многих аспектах различны» ³⁰.

И действительно, разработка проблем значения и применения деонтической логики к этике неразрывно связана с анализом логического смысла языка этики, не ограничивающимся

²⁸ См. А. А. Ивин. Деонтическая логика.— «Вопросы философии», 1966, № 12, стр. 166.

²⁹ Z. Ziembinski. Logika praktyczna. Warszawa, 1963, s. 123—127.

³⁰ См. А. А. Ивин. Деонтическая логика.— «Вопросы философии», 1966, № 12, стр. 168—169.

рассмотрением этических понятий и суждений со стороны их формальных признаков, а акцентирующим внимание на семасиологии слов и предложений.

Следующую группу предложений можно обозначить как императивные, или повелительные, выражающие обязательные требования долга, предписания общества и непосредственно обращенные к личности. Они могут быть выражены посредством утвердительных и отрицательных высказываний. Например: «поступай так, как тебе подсказывает совесть»; «будь коллективистом в труде и в быту»; «будь преданным делу коммунизма и непримиримым к несправедливости»; «не нарушай правил человеческого общежития, не желай людям зла». В этой группе можно выделить следующие формы:

А. Предложения-внушения, характеризующиеся тем, что, направленные непосредственно на индивида, они в результате многократных запретов или разрешений, повторений того, что нельзя, а что можно или нужно, воздействуют на нравственно-психологическую сферу индивида и ведут к закреплению в его поведении тех или иных норм нравственности.

Б. Предложения-советы: «живи честно», «поступай справедливо», «не иди на сделку со своей совестью» и т. д.

В. Предложения-заповеди: «кто не работает, тот да не ест».

Г. Предложения-призывы (призывно-желательные), или призывно нежелательные, как эмоциональное обращение к личности с рекомендацией следовать примеру, образцу, идеалу поведения и отвергать то, что является нравственно отрицательным, аморальным, презренным. Поэтому они могут быть выражены в качестве утвердительных или отрицательных предложений: «Следуй примеру великих людей эпохи — активных строителей коммунизма». «Пусть вдохновляет тебя на подвиги идеал коммунизма». «Не сотвори себе кумира».

Третья группа — это предложения условно-ситуативные, которые акцентируют внимание на зависимости моральных явлений от определенных условий и ситуаций. «Говорить правду — нравственно». «Говорить правду больному о его тяжелой болезни — бесчеловечно, антигуманно». «Говорить правду врагу в ущерб интересам своих товарищей — безнравственно».

Обращая главное внимание на смысловую характеристику предложений, мы в то же время не вправе игнорировать и ее форму. В отличие от формально-логических грамматические формы очень развиты, что позволяет им чрезвычайно гибко выражать движение мысли в ее зависимости от состояний ее объекта, действительности.

В завершение освещения вопроса о строе языка морали сле-

дует, на наш взгляд, останавливаться и на такой (четвертой) его форме, которая часто избирается народом для закрепления его мудрости и передачи ее последующим поколениям в запоминающихся и в буквальном смысле крылатых словах. Это выражения, отшлифованные народным умом, зоркостью, сметкой: язык пословиц и поговорок. Грамматика построения его самая разнообразная, но главная особенность этого языка та, что, в какой бы форме он ни был выражен, нормативный, императивный, эмотивный смысл его суждений-предложений подкреплен результатами векового опыта людей и поэтому становится как бы неоспоримым. Это своего рода моральные аксиомы, если можно так выразиться. «Поживи ты для людей — проживут и люди для тебя». «Посеешь поступок — пожнешь привычку». «В пустой бочке больше звону». «Сам погибай, а товарища выручай». «От добра добра не ищут».

В определенной мере этот живой, народный язык морали оказывается большим помощником в исследовании понятийного аппарата. Разносторонний анализ всей сложности моральных суждений, наполненных конкретным содержанием и выраженных в различных грамматических формах, помогает и способствует уточнению, уяснению, объяснению моральных терминов. Предлагая эту далеко не полную схему, мы ни в какой мере не претендуем на ее бесспорность. В этой связи подчеркнем, что мы ставили довольно узкую задачу: дать типы предложений-высказываний лишь по одному основанию. Если проблему рассмотреть разносторонне, то потребуются большой сравнительный анализ классификации по самым различным основаниям, а именно: формально-логическому, семасиологическому, формально-языковому, логико-грамматическому, логико-смысловому и другим. Нами взят за основу лишь анализ семасиологического (смыслового) содержания понятий и суждений и выражения их в наиболее типичных языковых формах для морали и этики.

Однако было бы серьезной ошибкой преувеличивать значение языка морали, логики моральных суждений, иначе говоря, роли формальных признаков в определении сущности и содержания, основных понятий морали в отрыве от общественно-исторической практики. Мораль, выражая интересы классов и классовой борьбы, находится на службе у социальных общностей и не может не отражать противоречивых процессов общественного развития, что находит выражение и в ее языке. Анализируя те или иные утверждения, нормативы, повеления, советы, разрешения, мы описываем или обосновываем конкретное их выражение в том или ином обществе, в опреде-

ленной ситуации, по отношению к определенной группе людей или классу в целом. Здесь язык морали по сравнению с формально-логическим языком норм является не статичным, а активно действующим, помогающим с помощью средств описания, разъяснения, сравнения, аналогии и многих других средств и форм уточнять и раскрывать смысл моральных понятий и утверждений, убеждать людей.

Смысловое значение даже пословиц и поговорок не является абсолютным. Не все их содержание имеет общечеловеческий, нравственно положительный характер. Порой они несут идеологически враждебный трудящимся, достоинству трудового человека смысл. «Дурака работа любит, а дурак работе рад». «Своя рубашка ближе к телу». «Моя хата с краю». Подобная «мудрость», порожденная эксплуататорским обществом, не может восприниматься нами как положительная.

Язык морали и логика моральных суждений дают начальную основу для развития языка и логики этической науки как более высокой формы отражения объекта. Однако при всей нераздельности языка морали и языка этики знак полного равенства между ними поставить нельзя. Специфика языка морали заключена в передаче общественной направленности ее установлений, в обращении к каждому человеку с требованием соблюдать и выполнять установленные обществом и коллективом правила, нормы, принципы поведения, в зависимости от которых происходит формирование также таких моральных ценностей, как представления о добре и зле, чести и достоинстве, совести и справедливости, смысле жизни, счастье, идеале.

В этой связи можно выделить наиболее общие особенности языка морали.

а) Нормативно-повелительный характер моральных суждений и предложений. Мораль обращается со своими повелениями и требованиями непосредственно к личности, коллективу, обществу. Она содержит при этом и разъяснение практического значения их выполнения, указывает на вред их нарушения, давая эти разъяснения на уровне морального сознания.

В этике те же самые нормативно-повелительные суждения становятся объектом рассмотрения, поскольку она выясняет особенности морали, истоки ее возникновения, закономерности развития морального сознания и т. д. Иначе говоря, процесс изучения в этике идет на уровне раскрытия закономерностей морали и характера их совершенствования, т. е. на уровне науки. Языковым средством этического исследования являются уже не моральные, а этические суждения и умозаключения.

б) Оценочный характер моральных суждений. Он также име-

ет в первую очередь практическое назначение, и оценка передает информацию непосредственно личности, коллективу, обществу. На основе практических оценок реальных поступков и поведения вырастает этическая теория моральной оценки, раскрывающая ее специфику и роль в воспитании.

Оценочный характер моральных суждений выражается в предложениях-одобрениях, предложениях-наказаниях, синтезирующих в себе запреты, повеления, разрешения и порицания; в предложениях-порицаниях; в предложениях-советах, в которых нередко дается сравнительное соотношение с тем, как поступить лучше с точки зрения моральных требований. В качестве средств моральной оценки используются предложения-призывы и многие пословицы и поговорки.

Этика, исследуя многообразие конкретных моральных оценок, анализируя механизм их воздействия на личность, ставит проблему о моральных ценностях общества и личности. Оценка, становясь объектом подлинно научных этических суждений, увязывается с закономерностями развития того или иного типа морали, характеризуется по ее роли и месту в функционировании морали. Этика научно формулирует и обосновывает критерий нравственной оценки. Этика устанавливает историческую, относительную ценность моральных предписаний, поступков и оценок в различных моральных системах.

в) Яркая эмоциональность языка, что выражается нередко в возвышенности слов, в наличии у моральных суждений явного эмоционально-положительного или эмоционально-отрицательного содержания.

Богатство эмоциональных форм этого языка отражает функциональное назначение морали, ее регулятивную и воспитательную роль. Обращенные непосредственно к людям и призванные воздействовать не только на их разум, но и на их чувства, моральные принципы, заповеди, требования оформляются в красочные языковые одежды. В данной связи используются различные образы, метафоры, сравнения, в которых ярко выражается содержание моральных наставлений; широко используются также примеры и образы из художественной литературы и искусства в целом.

Отмечая эту важную особенность морального языка, мы в то же время не должны ее абсолютизировать и переносить на язык этики.

Оперирование этическими понятиями, употребление этической терминологии не произвольно, а обуславливается нуждами этой науки. Представления некоторых философов о том, что язык этики обязательно должен быть красочным, образным и увле-

кательным, объективно склоняются к отрицанию строгой научности в исследовании моральных явлений. Несомненно, яркость языка в изложении любых научных выводов, особенно в области общественных наук, имеет большое положительное значение. Но увлекательное изложение, насыщение этических работ гражданским пафосом не должны идти вразрез с преподнесением философских знаний, в ущерб научной абстракции, научным обобщениям.

Этика также оперирует понятиями морального сознания, но уже с иной целью, чем мораль, не с целью непосредственно направлять поведение людей. Задача этики — опираясь на мораль, выявить сущность, функции, структуру морали, закономерности ее развития и действия, отразить структурные компоненты морального сознания и нравственных отношений. Возьмем такие понятия и термины морального языка, как справедливость и счастье. На уровне морального сознания — их конкретно-нормативное и ценностно-ориентирующее содержание. На уровне науки выясняются их сущность и структура, получает объяснение, почему они являются категориями этики, в чем их специфика как таковых, каково их место в системе этических категорий. Вопросы такого рода в сферу морального мышления не входят, а значит не находят отражения и в моральном языке.

Нетрудно заметить, что, как и в языке любой другой науки, в языке этики, при помощи которого научно анализируются проблемы, а не непосредственно выражается духовный мир личности, необходимость развивать эмоциональные способы выражения носит несколько ограниченный характер. Моральный же язык в единстве знака и значения воздействует не только на разум, но и на чувства, эмоции человека. Еще в древности специфическую эмоциональную окраску языка морали заметили софисты, которые выступали в роли учителей жизненной мудрости, имели опыт ораторов на общественных собраниях. В воспитании у граждан добродетелей и приверженности к соблюдению государственных законов софисты наряду с другими средствами прибегали к эмоционально насыщенному языку, воздействующему прежде всего на чувства людей.

Большое внимание на эмоциональную сторону языка морали обратили и современные буржуазные эмтивисты. Особенно важное значение этому аспекту языка морали придает Ч. Стивенсон. В книге «Этика и язык»³¹ Стивенсон раскрывает ряд интересных моментов воздействия эмоциональности языка на нравственные чувства человека. Моральный язык, по его мне-

³¹ Ch. Stevenson. *Ethics and Language*, p. 89.

нию, представляет собой одну из форм внушения, пробуждения в человеке позитивного нравственного начала. Правильно подметив эмоциональный характер морального языка и значение этого для воспитания личности, Стивенсон в то же время отрывает формальную сторону языка от содержательной. Некоторые буржуазные авторы еще в большей мере, чем Стивенсон, отрывая язык от мышления, вообще пытаются сводить мораль к чувствам и эмоциям человека, утверждают, что на людей в большей мере воздействуют фраза, форма выражения, а не содержание обращенных к ним слов.

В воспитании личности они выдвигают как основное не формирование моральных воззрений, убеждений, идеалов на мировоззренческой основе в связи с раскрытием объективного положения личности в обществе, а формирование эмпирической нравственности на основе внушения и самовнушения: «верьте в себя», «преуспевайте», «делайте добро», «живите дружно». С помощью подобного самовнушения можно, по их мнению, преобразовать духовный мир личности. Недалеки от этого и семантики, призывающие употреблять возвышенные нравственные слова, и забыть такие слова, как «кризис», «преступность», «убийство» и т. д.

Марксистская теория нравственного воспитания не отрицает большой роли психологических факторов, в том числе и внушения, в формировании индивида. Но она исходит из того, что действие психологических факторов, внушение бывает успешным и развивает нравственные чувства и нравственный разум личности на основе практического опыта, показывающего реальную роль добра в действительности, а не просто на основе произнесения слов или сообщения знаков, лишенных конкретного значения. Эмоциональность языка морали связана с содержанием, смыслом нравственных явлений, выражаемых через строй речи, а не безотносительна к ним.

Характеризуя особенности языка морали, их проявление, мы совсем не абсолютно противопоставляем его языку этики. Язык морали какой-то своей стороной как бы включается в язык этики, но не прямо и целиком, а опосредствованно, через научное обобщение. Если попытаться наметить особенности этического языка, то окажется, что по формам предложений, строю, разнообразию понятий он беднее языка морали и в то же время богаче по емкости содержания, выше по уровню обобщенности. По степени обобщения он близок к философскому языку.

Этика как наука выясняет социальную сущность, происхождение морали, закономерности ее развития, оперируя при этом этическими и некоторыми общесоциологическими категориями.

Язык этики служит для научного выяснения и объяснения сущности, содержания этических понятий и категорий. Если язык морали — это язык ее объекта изучения, то язык этики — средство изучения этого объекта, морали. Он должен быть строго логичен как научное мышление, отражая сущность и структуру объекта изучения.

В нашей этической литературе этому различию нередко придается мало значения. Поэтому трудно понять, по каким проблемам — морали или этики — написаны некоторые работы. Наблюдаются еще в работах смешение понятий морали, с одной стороны, и этики — с другой, отождествление языка морали и этики. Нередко вследствие этого происходит смешение объекта исследования с самой наукой.

Проблема единства языка и мышления в морали и этике — это в определенном аспекте проблема наиболее точного определения сущности и содержания, понятийно-категориального аппарата, выраженного в специфической терминологии. Мы уже показали ранее, какое важное значение придавали этим вопросам многие мыслители прошлого. И сегодня вопросы научного определения этических категорий и понятий остаются теоретически и практически важными, ибо без этого не может необходимым образом функционировать и сама наука, эффективно помогать практике нравственного воспитания. Вместе с тем роль дефиниций нельзя преувеличивать. Еще Энгельс говорил об ограниченном значении дефиниций, об их нередко лишь «рабочем» назначении. Дефиниции — не самоцель. Чтобы служить науке, они должны постоянно углубляться, что предполагает развитие всего содержания (а не только определений) науки. Истинная дефиниция может быть лишь итогом длительных научных изысканий, развития познания в определенной области.

В чем состоит главный недостаток в употреблении этической терминологии? На наш взгляд, он кроется в нечетком выявлении специфического содержания необходимых категорий и понятий. Проанализируем наиболее распространенные определения некоторых категорий и понятий, приведенные в Словаре по этике³². На стр. 61—64 объясняется, что такое гуманизм как «принцип мировоззрения». Здесь довольно емко раскрывается сущность гуманизма вообще, коммунистического гуманизма в частности. Но в том определении, которое дается, очень слабо просвечивает нравственная специфика гуманизма, а этический словарь именно и призван определить в первую очередь нравственный аспект гуманизма.

³² См. Словарь по этике. М., 1970.

На стр. 117—119 раскрываются понятие и термин «коллективизм». Если не считать приводимой этимологии слов «коллективизм» и «гуманизм», характеристика коллективизма и гуманизма почти одинакова. При объяснении как одного, так и другого принципа показываются взаимоотношения личности и общества, личности и коллектива, общественных и личных интересов, дается критика индивидуализма и эгоизма, причем все это почти в одних и тех же смысловых оборотах речи. В чем же тогда заключается специфика принципов коллективизма и гуманизма? Подобные расплывчатые определения даны также категориям чести и достоинства, счастья и справедливости.

Чтобы более конкретно представить, как выражается структурность понятий и терминов, их обозначающих, остановимся на такой этической категории, как идеал. Что такое идеал в наиболее общем и кратком определении? Это представления о совершенстве, об образце должного, необходимого. Хотя такие представления складывались уже в древнейший период развития общества, четкое вычленение термина «идеал» совершается лишь в эпоху средневековья. Это показывает, что между понятием и его языково-терминологическим выражением при всем единстве между ними есть и разрыв. Формально-логическое определение идеала как понятия еще не раскрывает его структуры. Структура понятия «идеал» проявляется в различных связях и отношениях, подлежащих раскрытию. Поэтому определение интересующего нас понятия меняется в зависимости от того, как и насколько эти связи и отношения раскрыты. В эстетике, например, мы говорим о структуре эстетического идеала, в этике — этического. Определяя нравственный идеал, мы отмечаем единство двух сторон: представлений о нравственной цели, с которой человек связывает высший смысл своей жизни, и представлений о том, какими в соответствии с такой целью должны быть моральный облик и поведение человека. Эстетический идеал включает в себя представления о прекрасном, о красоте, где бы они ни усматривались. В этом отношении эстетический идеал по своему объему шире этического. С другой стороны, он уже этического, поскольку выступает в качестве оценки явлений лишь с точки зрения прекрасного, в то время как этический идеал предстает в качестве оценки, несущей в себе широкое общественное содержание, и соответственно эффективнее влияет своей рационалистической сущностью на поведение, взаимоотношения людей, на отношение к обществу и общества к человеку. Так, в общем понятии идеала раскрываются отдельные стороны, предстающие в качестве особенного, раскрывается его структура. Терминологически она отражается в оформлен-

ных введением особых слов указания на то, о какой стороне идеала (этической, эстетической или иной) идет речь.

В зависимости от той сферы или «среза» сознания, в которых непосредственно рассматривается понятие идеала, оно будет меняться и по содержанию, и по объему, и по структуре. Идеал поэтому может выступать и в качестве всеобщего, и в качестве особенного, и в качестве единичного. В последнем значении выступают, например, индивидуальные (личностные) представления об идеале. Однако, анализируя эти отдельные представления людей, мы видим в них определенное проявление идеала как части общественного сознания.

Понятийно-категориальный аппарат, выраженный посредством определенной терминологии, имеет морфологические признаки, неразрывно связанные со степенью общности соответствующих понятий. Как и в любой другой науке, в этике наряду с наиболее общими и родовыми понятиями наличествуют видовые и частные понятия. Как и в других отраслях знания, здесь идет свой процесс словообразования: добро — недобрый, добродетель, доброжелание, добродетель, доброжелательность, добровольность, добросовестный, добродушный, добронамеренный и т. д.; честь — честолюбие, честный, бесчестный и т. д.

Как в моральной, так и в этической терминологии отчетливо можно заметить немало сложных слов, многие понятия здесь выражены в словах, состоящих из двух и нескольких корней. Частично мы касались этого вопроса, когда речь шла об образовании этической терминологии в учениях древних мыслителей. Такой тип словообразования весьма продуктивен, и довольно часто именно так образуются в морали и этике новые термины, а также конкретизируются старые. Наряду с такими утвердившимися понятиями, выраженными сложными, состоящими из нескольких корней словами, как добродетель, великодушие, самолюбие, добропорядочность, добродушие, добродетель, себялюбие, злодеяние, и многими другими есть, однако, группа понятий, обозначаемых однокоренными словами: добро, зло, коллективизм, эгоизм, гуманизм, справедливость, честь, достоинство, совесть и т. д. При сопоставлении тех и других обращает на себя внимание то, что более общие этические и моральные понятия и выражающие их слова служат фундаментом, основным корневым образованием для тех понятий-слов, которые имеют меньшую степень обобщенности и отражают определенные моральные действия людей. Идет интересный процесс словообразования таких понятий, как метаэтика, аксиологическая этика, нормативная этика, профессиональная этика и т. д. Образование этической терминологии подчиняется внутренним законам

развития самой науки — этики, в частности, оно зависит от возможности обобщения эмпирических реальных моральных явлений и выражения их в понятиях-словах.

Процессу словообразования и сохранению огромного языкового богатства, накопившегося в этике за ее многовековое развитие, способствует концентрация этических понятий-терминов как в философской энциклопедии, так и в словарях по этике. Поэтому такого рода издания в высшей степени нужны и плодотворны. На современном уровне развития этической науке требуются дальнейшие шаги в этом направлении. Назрела необходимость в издании энциклопедии по этике, в которой давалось бы не просто объяснение тех или иных понятий и терминов, а была бы отражена их специфика применительно к морали и этике, более точно определялись бы их сущность и содержание, был бы привлечен многообразный материал о значении и смысле этих терминов на языках разных народов мира. Кроме того, желательно осветить также и историю возникновения того или иного, понятия-слова, его образование в семасиологическом аспекте, дальнейшее развитие или отмирание данного понятия-слова и причины его развития или выпадения из активного словаря одних народов по сравнению с другими, одной эпохи по сравнению с другой.

Язык морали и этики обнаруживает многогранность также в применении различных типов предложений; тонкости и оттенки этической мысли могут выражаться в очень гибких языковых формах. Гибкость языка необходима и при определении сущности содержания понятий и категорий, и при доказательстве научных выводов и опровержении заблуждений. Но и в этих процессах мы также наблюдаем определенные языковые различия в морали и этике, что обусловлено различием мыслительных форм там и тут, уровнем их обобщенности.

В морали, например, используются многообразные формы выражения представлений, мнений, суждений о добре или зле посредством тех или иных видов предложений, которые собственно этическими не являются. Эти предложения могут быть утвердительными и отрицательными, объяснительными и дополнительными, предметно-определятельными и описательными.

Так, определяя добро, можно использовать многочисленные типы грамматических форм предложений. «Пошел и помог товарищу, сказал правду о воровстве, не прятался от работы — все это добро». «Не забудешь родителей — сделаешь доброе дело». «Добро — противоположность зла». «Добро и совесть едины». «Не то добро, что броско». «Добро есть поведение человека, который выполняет общественные требования и нормы мо-

рали, активно трудится на пользу общества». Всеми этими различными видами предложений выражены те или иные конкретные подходы к пониманию добра. Этика же, опираясь на все разнообразные мнения о добре, выраженные в конкретных суждениях и предложениях, дает определение добра, вошедшее и обобщившее в себе наиболее общие признаки конкретных его проявлений.

«Добро — одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий этики. Вместе со своей противоположностью — злом добро является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что отвечает содержанию требований нравственности, и того, что противоречит им»³³. Таково определение понятия «добро» в этическом словаре.

Нетрудно заметить, что в сравнении с предложениями морального языка определение добра в этическом языке имеет синтетический характер.

Мы видим, что в языке этики определение добра и выражение этого определения в соответствующих терминах нуждаются в таких понятиях, как «моральное сознание», «категория этики», а вместе с тем также категорий «зло», «безнравственное» и т. д. В языке же морали это определение дается на основе известного осмысления конкретных поступков людей, различных форм проявления нравственности и безнравственности.

В этике происходит процесс синтезирования знаний о моральных ценностях на уровне научного обобщения, а значит, этот процесс находит отражение и в языковых формах, например в выработке таких терминов, как «аксиология», «морально-ценностный смысл», «ценностная ориентация» и т. п. Но процесс синтеза морального знания на уровне этики далеко не всегда выражается именно в терминологии. Нередко слова употребляются в морали и в этике одни и те же, так что терминологических различий на поверхности не видно, но по степени обобщения и степени абстракции мысли, идеи, передаваемые через посредство этих слов, значительно различаются.

Обратим в этой связи внимание на так называемые традиционные категории этики: «добро» и «зло», «совесть», «идеал», «честь», «достоинство», «справедливость», «счастье». Точно такое же словесное выражение они имеют и в языке морали. Но они тут более конкретны и эмпиричны. То же словесное выражение эти категории находят в буржуазной этике, но по вкла-

³³ Словарь по этике, стр. 72.

дываемому в них содержанию, по их истолкованию марксистско-ленинская этика и этика буржуазная качественно различаются.

Терминология, строй языка выступают формальными, но все же не оторванными от содержания, а связанными с ним явлениями. В основе своей связь между тем и другим неразрывна, но в одних случаях она более полная, в других менее полная. Порой терминология, имеющая относительную самостоятельность, выступает прикрытием неадекватного ей содержания или бессодержательности.

В. И. Ленин не раз обращал внимание на терминологические ухищрения буржуазных философов, которые выдавали на словах за действительность то, что не соответствовало ей. Но это особый вопрос, который требует конкретного теоретического анализа. Если речь идет о современном семантическом идеализме и неопозитивизме, то терминологические и теоретические ухищрения здесь чрезвычайно утонченные.

Итак, наши рассуждения в основном касались соотношения языка морали и языка этики. Их сопоставление показало, что они имеют свои особенности как понятийно-категориального аппарата с его терминами-словами (особенности касаются здесь емкости слов, употребления их в связи со спецификой морали и этики, образования новых понятий и терминов и т. д.), так и в типе предложений, синтаксисе.

Поэтому, рассмотрев синтаксическую и логико-грамматическую структуры языка морали, мы попытаемся дать общую характеристику особенностей и этического языка, опирающегося в своей основе на язык морали. Здесь нужно оттенить, в частности, особый строй языка этики, в самом широком смысле слова — синтаксис этических предложений. Он довольно-таки разнообразен и сложен, ибо богатство самого предмета этики — морали, ее многообразных функций и роли в обществе, ее направленности на постоянное изменение и совершенствование нравственного облика личности — рождает многообразие как семасиологического, так и синтаксического строя суждений и предложений. С учетом этих различных аспектов в этике как науке о морали, на наш взгляд, можно выделить несколько основных типов предложений.

Изучение любого явления в области науки начинается с описания, анализа, сопоставления фактов и выделения из них наиболее типичных. С этой функцией мы связываем первый вид предложений в этике.

1. Констатационно-описательные предложения, в которых дается анализ тех или иных моральных явлений, фактов, необходимых для научных выводов.

Следует заметить, что из конкретного анализа могут быть произведены новые описательные предложения, где уже в более общей форме будет дана классификация добрых и злых поступков через утвердительные или отрицательные предложения: «поступать так — хорошо, значит, делать добро», «поступать иначе — плохо, значит, делать зло». На уровне этического мышления это описание суммирует многочисленные моральные явления по определенным признакам.

2. Синтезирующие предложения, в которых процесс этического мышления поднимается со ступени первичного анализа действительности на следующий уровень — обобщения фактов, соотнесения их с выработанными суждениями и умозаключениями.

3. Понятийно-объяснительные предложения, в которых даются определения этических понятий, категорий, терминологии морали. В качестве примера можно дать бытующее в этической литературе определение морали. Так, обычно говорят, что мораль — это совокупность представлений людей о том, в чем смысл и цель жизни, каковы идеалы людей, счастье, совесть, добро и зло, справедливое и несправедливое; мораль — это совокупность норм и правил поведения, их проявление в поступках и деятельности человека, оцениваемых в свете определенных моральных принципов, взглядов и норм.

4. Нормативно- и ценностно-объяснительные предложения, характеризующие на уровне науки моральные ценности, их значение и место в этике, сущность принципов, норм, правил поведения.

Несомненно, что приведенная схема основных форм предложений-высказываний, присущих языку морали и этики, имеет условный характер. Однако в какой-то мере она раскрывает их единство и специфику, определенную форму «языковой материи», в своих собственных аспектах отражающей общественную действительность.

Основы развития этического языка

Придавая огромное значение анализу моральных мыслительных форм, их языковому выражению, мы в то же время не склонны преувеличивать их значение.

Критерий правильности моральных суждений не лежит на поверхности. Своими корнями он глубоко уходит в практику общественных отношений, в конкретные формы проявления жизнедеятельности человеческого общества. Ведь ни для кого не секрет, что, разрешая те или иные моральные проблемы, обосно-

вывая нравственные требования, различные общества, противоположные по своим интересам классы, отдельные люди, стоящие на совершенно различных идейных позициях, по существу пользуются теми же самыми этическими понятиями и моральными суждениями, хотя вкладывают в них далеко не адекватное содержание. Поэтому правильность моральных суждений, предписаний, оценок предполагает конкретно-исторический к ним подход, учет исторического различия моральных ситуаций, в условиях которых людьми совершается выбор того, как следует поступить.

Принцип единства логического и исторического является верным ориентиром в исследовании любого морального феномена от способов его выражения в определенных мыслительных формах. Нарушение принципа историзма и абстрактная логическая схема, созданная в отрыве от него, всегда ведут к печальным последствиям и ненаучным выводам. Не так давно убедительное подтверждение этому дало обсуждение «принципов истинной человечности» Я. А. Мильнера-Иринина. Правильно сказал один из выступавших на дискуссии: из этих принципов «могут быть сделаны любые выводы для любых целей»³⁴.

Чисто формально выводимые моральные суждения и заключения не могут объяснить фактов действительности. В подобных случаях происходит смещение формально-логического и исторического подхода, тем самым нарушается диалектический принцип единства логического и исторического в процессе исследования.

Ученые, занимающиеся этикой, лишь в том случае находили научные истины относительно морали, давали глубокие и четкие определения морально-этических понятий, если им удавалось в какой-то мере опираться на единство исторического и логического, языка и мышления, если они анализировали понятия применительно к реальным фактам своего времени, учитывая вместе с тем их генезис, их историю, их отношение к потребностям общественной жизни, а не просто вели формальный логико-лингвистический анализ типов суждений и видов предложений. Единство логического и исторического — это гносеологический принцип, который является одним из основополагающих принципов в научном исследовании моральных явлений.

В марксистско-ленинской этике идет непрерывный процесс образования новых понятий и категорий (слов-терминов), вытесняющих старые, не соответствующие современному уровню.

³⁴ «Вопросы философии», 1968, № 8, стр. 155.

Марксистско-ленинская этика обогатилась новыми терминами и понятиями, преодолев в огромной мере расхождения и несоответствия, отмечаемые в этической терминологии предшествующих эпох. Возникновение коммунистической морали как высшего типа нравственности, с ее качественно новыми принципами и нормами поведения значительно расширило сферу исследования со стороны этики и тем самым вызвало необходимость в новых понятиях и терминах. Нравственные принципы преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественной собственности, пролетарского интернационализма и патриотизма, социалистического коллективизма и взаимопомощи и другие поистине стали новыми понятиями и нормами поведения огромной массы людей социалистического общества.

Конкретное содержание этих принципов далеко раздвинуло рамки истолкования и самих этических категорий. Их применение становится не произвольным, на что сетовали многие прогрессивные мыслители прошлого, а строго объективным, истинно отражающим социальную действительность.

Терминология коммунистической морали была избавлена от многих слов религиозного и теологического характера, ибо в них практически нет необходимости. Такие слова, как благодать, благочестие, милосердие, послушание, благодеяние, смирение, покорность, богобоязнь, богохульство и многие другие, отмирали, постепенно уходя из лексикона людей. В повседневной жизни в употреблении их нет потребности, они ушли в историю, а на их месте воцарились новые понятия, выраженные в новых словах, соответствующих практическим нуждам людей, их мировосприятию и мироощущению и нашедших затем свое отражение в научных обобщениях и выводах. «Коллективизм», «гуманизм», «товарищество», «гражданский и общественный долг» — эти слова зазвучали со всей силой, вытеснив собой пессимизм и покорность, рабство и богобоязнь.

Некоторые понятия в коммунистической морали получали более общее значение, вобрав некоторые черты старых соответствующих понятий. Для подтверждения этой мысли можно кратко остановиться на истории термина и понятия «моральные качества личности». По своему объему и содержанию оно близко к понятиям «добродетель» и «порок».

Уже в глубокой древности Сократ, Платон, Аристотель анализировали эту сторону моральной жизни людей и выработали понятие кардинальных добродетелей. В средние века христианская религия переосмыслила и по-своему дополнила их, провозгласив семь христианских добродетелей как противоположность семи смертным грехам и тяжким порокам. Впоследствии, во

времена бурных буржуазных революций, понятие добродетели начинает употребляться все реже и реже, ибо с ним слишком прочно связывалось пассивное религиозное содержание, хотя это понятие и не исчезает полностью из употребления. Однако употребляется оно уже в значительном переосмыслении: в понятие добродетели начинает вкладываться гражданское значение, относящееся к деятельности человека в интересах общества.

В свое время это особенно хорошо почувствовал Радищев, который понятие «добродетель» связывал с понятием «нравственный идеал» как совокупность всех высших качеств личности. «Таким образом,— пишет Радищев о человеке,— достигает он до вершины своего чувствования, до совершенства всех своих качеств, до высшего понятия о добродетели»³⁵. Гоббс, Гельвеций, Гольбах, Кант, Гегель, Чернышевский, Добролюбов широко пользуются в своих исследованиях понятиями «моральные черты» или «качества» личности.

Марксистская этика не только утверждает это понятие как наиболее точно выражающее типичные черты нравственности личности, но и материалистически истолковывает его, научно определяя его содержание и показывая, что делать добро не означает ничего абсолютно единого в условиях, когда понятия о добре и зле у классов с противоположными интересами прямо противоположны. Хотя слово «добродетель» обладает видимой доходчивостью, выглядит понятным и запоминающимся, традиционное обоснование обозначаемого им понятия, слишком прочно насадившись на значение этого слова, препятствует его безоговорочному использованию в современном словоупотреблении, в марксистской, научной этической терминологии.

Подобные слова постепенно вытесняются из языка и становятся архаизмами или, если возвращаются в употребление вновь в изменившихся условиях, получают новую содержательную интерпретацию.

Понятие моральных качеств в настоящее время наиболее адекватно выражает в языковой форме типичные нравственные черты человека как личности.

В. А. Блюмкин, разрабатывая типологию моральных качеств, обращает внимание на то, что в современном русском языке насчитываются сотни слов, обозначающих различные моральные черты человека, что точных цифр здесь нельзя назвать.

«Причины этого,— пишет В. А. Блюмкин,— состоят как в сложности и многогранности человеческой личности, допускающей неисчерпаемое количество различных сочетаний и оттенков

³⁵ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1941, стр. 134.

ее духовных качеств, так и в неточности самого языка. Дело в том, что некоторые слова являются синонимами и обозначают по существу одно и то же качество (например, человечность — гуманность, человеконенавистничество — мизантропия), другие же слова в силу своей многозначности могут обозначать не одно, а два (и более) различных качества (ревность, наивность, внимательность, хитрость и т. д.). Дело осложняется еще и тем, что практически многие слова в определенном контексте могут служить для моральной характеристики того или иного человека, для обозначения его моральных качеств (например, заяц, шакал, медведь, пила, тюфяк и др.)»³⁶.

Здесь мы видим, как языковое выражение моральных качеств происходит с помощью символов; собственное значение символов и то содержание, которое они выражают, более или менее совпадают. В то же время бурное развитие науки в целом в эпоху технической революции не снимает с этики задачи как дальнейшего терминологического совершенствования, так и выявления специфически нравственного аспекта в ее категориях и понятиях.

Исследования системы и структуры этики обогащают этическую терминологию новыми словами, а некоторые прежние забытые термины получают при этом новое, иногда просто более объемное содержание. В современную эпоху не случайно привлечено внимание к правильному истолкованию и употреблению слов и понятий. Этим, в частности, объясняются введение терминов «метаэтика», «нормативная этика», «моральная ценность», «профессиональная этика» и споры вокруг их содержания.

В связи с функциональным подходом к проблемам морали, изучением ее функций серьезно встает задача наиболее адекватного выражения способов и форм функционирования морали в понятиях-словах. Наши исследования по этике в данных вопросах нередко ограничиваются приблизительным подысканием тех или иных слов для выражения еще не изученных сторон морали. Как правило, эти термины заимствуются из других, в лучшем случае находящихся на стыке с этикой наук, в худшем — из технических и медицинских дисциплин.

Еще не найдены достаточно адекватные термины для многих понятий, которыми этика оперирует по существу в течение многих веков, каждый раз сталкиваясь с неопределенностью и расплывчатостью употребляемых терминов. В первую очередь, на наш взгляд, здесь необходимо обновление терминологии, пред-

³⁶ Нравственное развитие личности. М., 1969, стр. 171—172.

назначенной выражать нравственно положительное и нравственно отрицательное. Это относится и к проблеме моральных ценностей, и к проблеме нравственных идеалов и др.

Вследствие терминологической нечеткости нередко можно сталкиваться с тем, что сама мораль истолковывается по-разному, например, лишь как моральный кодекс, совокупность норм и принципов поведения, как так называемая официальная мораль. Другие стороны буржуазной или феодальной морали, содержание которой противоречит ее «официальным» установкам, при этом трактуются как просто аморализм, не имеющий якобы никакого отношения к самому существу буржуазной и феодальной морали. Это те же самые поиски общечеловеческой морали для всех времен и народов, но только они основываются на формальном моменте: недостаточной разработанности терминологии.

Далее. Появление таких понятий и терминов, как «коллективизм», «интернационализм», которые имеют ярко выраженное и моральное содержание, требует более точного терминологического определения противоположных им понятий в качестве целого и части, общего и особенного.

В буржуазной морали как противоположность коллективизму мы усматриваем индивидуализм, эгоизм, но также и разумный эгоизм. С буржуазных идеологических позиций указанные явления представляются положительными, что находит выражение, например, в попытках теоретического обоснования и оправдания таких принципов, как «каждому свой шанс», личное совершенствование вне общества, самореализация, самовыражение личности в отрыве от общества.

В коммунистической морали понятия и термины «индивидуализм» и «эгоизм» как положительно нравственные неприменимы, ибо они не направлены на развитие прогрессивных процессов, изменений, происходящих в нравственном мире личности, преданной делу коммунизма. И хотя есть отдельные попытки и у нас вернуться к термину «разумный эгоизм», наполнив это понятие якобы новым содержанием, на деле это не решает проблемы, а возвращает назад, нарушая единство исторического и логического.

Понятие «разумный эгоизм» отражает нравственность личности определенной эпохи, и именно в этом смысле оно нами употребляется. Что же касается возможности его принципиального противопоставления буржуазному индивидуализму, то разумный эгоизм даже в том смысле, как его понимали русские революционные демократы, направленный своим острием на служение общественному интересу, все же не охватывает того богатства

взаимоотношений личности и коллектива, личности и общества, которые сложились в условиях социалистического общества, и не совпадает с коммунистической моралью, а противостоит ей. В понимании революционных демократов разумный эгоизм включает большую долю аскетизма и скудость индивидуальных запросов личности по сравнению с тем, что необходимо для полного развития при переходе от социализма к коммунизму.

Чтобы отразить положительные, с нашей точки зрения, понятия, противоположные понятию коллективизма, мы пользуемся словами «индивидуальное», «индивидуальное развитие личности», «развитие индивидуальности». Но эти понятия и соответствующая им терминология по объему шире, чем понятие взятого с нравственной стороны коллективизма.

В этой связи можно сказать, что объем понятия «коллективизм» тоже не ограничивается нравственным аспектом. Это, несомненно, так. Но в слове «коллективизм» нравственный аспект выпукло выделяется. А, например, в слове «индивидуальное» нравственный аспект совершенно исчезает. Иначе обстоит дело с такими понятиями, как сознательное подчинение личного коллективному, правильное сочетание личных и коллективных интересов, гармония личного и коллективного. Но это — терминология больше социологического плана.

Точно так же выглядит вопрос с поиском термина, в моральном аспекте противоположного «интернационализму», т. е. обозначение части от целого. Термин «национализм» здесь неприменим, ибо он выражает совершенно другое содержание — превратное, искаженное понимание национального. Что же касается понятий национального, национального развития, развития национальных особенностей, то они включают в себя широкое социально-политическое содержание и как бы наслаиваются на понятие интернационализма. Этическая терминология понятий, противоположных в положительном смысле коллективизму и интернационализму, в соотношении целого и части пока еще остается, таким образом, не разработанной. Есть и другие понятия, для обозначения которых насущно необходимо найти адекватные термины.

Теоретическая разработка этических проблем по-своему на каждом этапе исторического развития обогащает терминологию этики. И в то же время никогда не встает вопрос о простом отбрасывании прежней этической терминологии. Преемственность развития терминологии важна здесь не менее, чем образование новых терминов, а время отсекает все неоправдавшее себя в области терминологии. Язык, выражая определенные стороны культурного уровня своего времени, как и другие явления, слу-

жит связующим звеном между культурами различных эпох. Основной фонд, запас слов, требующихся для выполнения наукой ее функций, остается во многом неизменным на протяжении весьма длительных периодов.

Это отнюдь не означает, что по мере развития науки, когда ее терминология в какой-то части устаревает и мешает вполне адекватному выражению новых научных идей и понятий, она должна обновляться в каких-то строгих дозах. Она будет обновляться в той мере, в какой в этом будет подлинная практическая необходимость: с развитием науки возникает необходимость в пересмотре научной терминологии, введении новых терминов, уточнении или даже существенном изменении смысла старых терминов.

Образование новой терминологии и обогащение синтаксиса этики должны соответствовать интересам исследования этических проблем, а не быть простой игрой слов, введением «словесности», лишенной смысла. В этой связи следует заметить, что на нынешнем этапе научно-технической революции отдельные ученые неоправданно переносят техническую терминологию или безмерно большое количество иностранных терминов в словарь марксистско-ленинской этики. Это вовсе не положительный вклад в развитие этической науки.

Сошлюсь всего на два небольших примера, хотя подобных им можно привести немало. В тезисах «Место категории добра в системе этических категорий» Л. А. Калинин пишет: «Философские категории — это понятия, имеющие предельно широкий, а поэтому эквивалентный для них всех экстенционал и предельно бедный (абстрактный), но различный в каждом случае интенционал. Именно этот признак служит основанием для выделения философских категорий из других понятий философии. Философские категории представляют собой систему благодаря единству экстенционала. Нет другого способа построить систему из таких элементов, для которых не имеется метаэлементов, нет чего-то еще более общего, что сбъясняло бы их»³⁷.

В таком «обогащении» языка этики совершенно нет никакой необходимости, ибо ввод новых терминов как самоцель служит созданию лишь видимости научности, а по сути в такой мере «затуманивает» мысль, что она вырождается в голую художочную абстракцию. Вместо того чтобы добиваться простого, предельно ясного и точного языка, некоторые авторы просто зашифровывают его, делают невыносимо схематичным и бедным.

³⁷ Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969, стр. 215.

Техническая терминология далеко не выражает всей сложности многомерных социальных явлений, ибо познание большинства социальных явлений, в частности и моральных, требует изучения самых разнообразных зависимостей и разнородной обусловленности их другими общественными явлениями.

В этой связи, далее, вряд ли может «прояснить» содержание вполне определенных моральных явлений, а тем более обогатить язык этики определение структуры морального обычая и его символов, данное Л. Н. Ивановой. «Символ,— пишет она,— это структурно организованное образование, функционально выступающее как средство овеществления обрядовых действий. В этом — инструментальное значение системы символов. Элементы символической системы несут информативную функцию. Информация представлена в свернутом «зашифрованном» виде... Информативный заряд символической структуры своеобразно определяет уровень развития, форму и содержание понятий, представлений, интересов, потребностей, чувств, вкусов и т. д. данной общности»³⁸. Вряд ли есть смысл структуру морального обычая и его символическое изображение определять подобным образом, ибо это не только не проясняет вопроса, а, говоря словами автора, зашифровывает его, причем в такой степени, что становится трудно понять, о каких же символах идет речь. Любое описание явлений, символизирующих моральный обычай, ритуал или традицию, не должно терять своей специфики. Уж если символы того или иного явления имеют определенное специфическое выражение, то в языке — и в простом, разговорном, и в научном эта специфика должна быть видна, а не завуалирована в большей мере, чем в самих символах.

Отмечая подобные определения символических образований, мы ни в коей мере тем самым не умаляем их значения как в теории, так и в практике нравственного воспитания. Символы революционных традиций, великих исторических событий, символы свободы, борьбы и труда, символы героических подвигов играют величайшую роль в самом историческом процессе. В них запечатлены настолько емкие по содержанию и ярко эмоциональные по форме общественные деяния, что они живут в веках, олицетворяя собой непревзойденные образцы деятельности, высокие идеалы гуманизма и справедливости.

И эти символы понятны и близки нам, и они настолько богаты содержанием, что могут служить концентрированным выражением героического целой эпохи. Язык морали и этики призван раскрывать богатство морального содержания таких сим-

³⁸ Проблемы категорий марксистско-ленинской этики, стр. 285—286.

волов, находить свои специфические средства для их «дешифровки», для полного обнаружения их сущности, для более сильного воздействия на сознание и чувства личности.

Например, какое большое значение для нравственного воспитания личности имеют обращения к таким символам борьбы и побед, как революционное красное знамя, представление о зале «Авроры», возвестившем победу Октября, первый партийный билет на имя В. И. Ленина, вечный огонь на могиле героев, погибших за свободу и независимость Родины, обелиск в честь покорителей космоса. Величайшая роль этих символов в морали и этике объясняется именно тем, что в них глубоко запечатлены наивысшие социальные и моральные ценности. При оформлении партийного билета на имя В. И. Ленина в ЦК КПСС было специально отмечено: «Это свидетельство непоколебимой верности нашей партии его заветам. Великая энергия ленинского ума, биение горячего ленинского сердца продолжают жить в делах и свершениях партии и народа. Ленинские идеи, его вечно живое революционное учение, ленинская наука творить и побеждать — неиссякаемый животворный источник, из которого наша партия и народ черпают непоколебимую уверенность в своих силах, мужество и революционный оптимизм, волю к победе. Вот почему имя В. И. Ленина бесконечно дорого каждому коммунисту, каждому советскому человеку»³⁹.

Следовательно, символы, используемые в морали и этике, имеют свою специфику, связанную с предметом изучения. Как символы они утверждаются, воплощая в себе прежде всего глубокое содержание моральных ценностей, образцы, идеалы. Имеются и символы отрицательного значения, относящиеся к решению задач воспитания ненависти к врагам, непримиримости к несправедливости, борьбы с недостатками и аморальными явлениями.

Борьба за чистоту языка этики необходима. Констатируя это, надо иметь в виду, в частности, и ее исторический аспект. На конгрессе историков мира (август 1970 г.) французский профессор А. Дюпрон правильно говорил, что когда историк начинает объяснять явления Древней Греции на языке современных коммуникаций, он крайне обедняет и язык изложения, и историю, нарушает «смысл», нарушает «гармонию» исторических событий.

Данное положение применимо и к изучению истории этической мысли, языковому выражению единства логического и исторического в этике.

В этой связи следует обратить внимание и на другую сторону вопроса. Труды по истории этической мысли часто грешат серьезными недостатками между прочим и в том отношении, что при изложении истории и теории этики отвлекаются от исследования специфически этических понятий, «логики» того или иного типа морали и дают лишь общую философско-социальную характеристику тому или иному мыслителю и его этическим воззрениям. А где же область собственно этического знания? Где логика размышления ученого по проблемам этики? Какова сущность его «моральных» суждений, аргументов, каков терминологический строй его языка? Эти вопросы, как правило, остаются в тени. Получается, что историко-философское исследование проблем буквально ничем не отличается от этико-философского или этико-социологического.

Несомненно, нельзя возражать против того, что историю этической мысли следует рассматривать в единстве с философской мыслью. Но коль речь идет об истории этики, значит, необходимо показать все ее богатство, основные формы проявления в ней исторического и логического, специфику истории этой науки. Не обязательно здесь требовать от авторов специального рассмотрения языка этики. Это вопрос особый. Но действительно необходимо, чтобы этот язык был в полной мере учтен в самих научных описаниях, доводах и характеристиках.

Подобный недостаток присущ, конечно, изложению не только истории этических учений. Он присущ и многим нашим работам по морали и этике. Порой бывает трудно отличить рассмотрение, например, таких проблем, как общественное и личное, интернационализм, коллективизм, патриотизм в общесоциальном и моральном плане, на что уже обращалось внимание по поводу освещения этих понятий в Словаре по этике. И логика рассуждений, и терминология в разных случаях остаются одинаковыми, никаких особенностей в этом отношении не обнаруживается и в смысловом содержании, а значит, и в строе самого языка. Этот установившийся стандарт изложения проблем в общественной науке не помогает, а мешает достижению плодотворных результатов в той или иной специфической отрасли знаний.

Мораль как специфический способ отражения социальной действительности в форме норм, образцов, идеалов, повелений имеет свои особенности, что влияет и на ее язык. Эмоциональное выражение мыслей является, как уже отмечалось, одним из важнейших признаков языка морали. Но при изложении исследования далеко не всех моральных, а тем более этических проблем этот признак должен получить превалирующее значение. Описание результатов структурного, системного анализа, реше-

ния методологических проблем этики и многих других вынуждает автора отойти порой от эмоционального оформления и дать сравнительно «сухую схему» научных суждений, которая также может увлечь, но увлечь своей логикой, самим процессом приобщения к научному знанию.

В этой связи правоммерно возникает вопрос о некоторых особенностях языка морали и этики для пропаганды этических знаний: для морали несомненно преобладающее значение имеет эмоционально-насыщенный язык, ибо моральные ценности, идеалы, принципы заповеди обращены не только к разуму, но и к чувствам человека, его переживаниям. Не отрывая научное исследование этических проблем от пропаганды моральных знаний, мы в то же время обязаны ограничивать эти процессы, не подменяя одно другим. В нашей литературе по этике еще не изжиты случаи, когда моральную проповедь, изложенную в эмоционально-приподнятой форме, могут выдавать за последнее достижение этической мысли. Такая оценка была дана, например, выступлению Я. А. Мильнера-Иринина автором предисловия к книге «Актуальные проблемы марксистской этики» — Г. Д. Бандзеладзе.

Вполне прав О. Г. Дробницкий, выступавший на дискуссии по этой книге и заявивший, что «многие нечеткие и противоречивые положения в статьях Мильнера-Иринина вытекают из того, что автор путает этику и мораль. Стремясь создать теоретическую работу, он, однако, мыслит в рамках нравственного, а не теоретического сознания, т. е. не как теоретик, а как моралист... Автор смешивает нормативную и научно-теоретическую логику и, решая теоретические вопросы, рассматривает их как бы «изнутри» морального сознания, вместо того чтобы сделать последнее объектом своего теоретического анализа»⁴⁰.

Различные уровни мышления, на ступени нравственности и на ступени этики, находят, несомненно, свое отражение и в языке, и в формах научных выводов, выраженных в определенной терминологии — понятиях, в определенных суждениях — синтаксисе. Единство языка и мышления в этике, следовательно, имеет свои уровни образования абстракций, выражается в теоретических общениях различной степени.

Проблема языка этики важна и многогранна. В данной главе мы коснулись лишь некоторых вопросов, особенно важных, на наш взгляд, для решения проблем этической науки и дальнейшего развития этической теории и морали.

⁴⁰ «Вопросы философии», 1968, № 8, стр. 152.

Категории и понятия этики

В современную эпоху совершается интенсивное развитие всех отраслей знания. Немалый шаг вперед делает и марксистско-ленинская этика.

Убыстрение темпов общественного прогресса, существенные сдвиги в социальной структуре Советской страны, научно-техническая революция — все это прямо или косвенно отражается на моральных явлениях, обуславливая необходимость теоретического анализа изменений, происходящих в моральном сознании и во всей в целом морали. Такова одна из особенностей развития этических исследований в наши дни. В первую очередь именно с ней связаны выделяющиеся среди прочих моментов две линии развития этической науки: с одной стороны, усилившаяся дифференциация ее отраслей и специализация исследований, с другой стороны, дальнейшая интеграция накопленных ею знаний, обобщение полученных выводов. Другая особенность состоит в том, что на изучение моральных явлений, практики нравственных отношений, поведения людей сегодня накладывает ощутимую печать развитие конкретно-социологических исследований и математико-кибернетических методов, благодаря которым в широкое научное употребление введены или получили новое содержание понятия системы, структуры, управления, обратной связи, информации и т. д.

Эти и иные моменты придают современному этическому исследованию особые черты, отличающие его от этических исследований в прошлом. Этика встречается со многими серьезными специфическими трудностями, зависящими от ее предмета: с крайней сложностью и многообразием моральных явлений, не поддающихся простому моделированию, с тем, что некоторые

характеристики морального феномена не могут наблюдаться непосредственно.

Указанные обстоятельства обуславливают чрезвычайно большое значение проблем структуры, систематизации и классификации в этике, а вместе с тем, следовательно, этических категорий и понятий, взятых во взаимосвязи с понятиями морали.

Проблема категорий марксистско-ленинской этики рассматривается многими авторами¹, чем подтверждается ее актуальное, важное теоретическое и практическое значение. Развитие этической науки требует дальнейшего исследования сущности и содержания категорий этики, их систематизации, выяснения глубинного воздействия на нравственное развитие личности.

Данная глава не содержит всестороннего рассмотрения вопроса; ее задачи значительно скромнее и сводятся в основном к тому, чтобы попытаться показать сущность и специфику этических категорий, их место среди других этических понятий и взаимосвязь с ними, наметить некоторые подходы к системному анализу этических категорий, раскрыть главные особенности единства и различий категорий и понятий морали и этики.

Рассматриваемые многими авторами-марксистами проблемы категорий и понятий морали и этики являются в настоящее время во многом дискуссионными, получающими нетождественную трактовку у разных авторов. Это особенно наглядно демонстрирует сборник материалов к прошедшему в 1969 г. в Новосибирске симпозиуму «Проблемы категорий марксистско-ленинской этики». В этих условиях те научные решения, которые предложены в данной работе, автор, менее чем когда бы то ни было, склонен считать абсолютно твердой и непреложной истиной. Эти решения, конечно, тоже дискуссионны. Однако своей аргументацией и своей общей системой они направлены на то, чтобы содействовать поискам именно истины, научно обоснованных выводов.

Сущность и специфика категорий и понятий морали и этики

Историческое развитие категорий и понятий этики неразрывно связано с развитием категориально-понятийного аппарата философии в целом, ибо этика является наукой философской, и с развитием понятий морали, которую она изучает. Поэтому неудиви-

¹ См. А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики. М., 1961; Л. М. Архангельский. Категории марксистской этики. М., 1963; Н. Д. Табунов. Категории этики и воспитание воинов. М., 1966; Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969.

тельно, что понятия морали и этики тесно переплетаются и отчасти употребляются как единые и для этической теории, и для морали. Такое положение обуславливается еще и тем, что в этих понятиях явления взаимосвязи личности и общества отражаются не в виде фиксации лишь отдельных моральных фактов, а в качестве уже определенных выводов и обобщений — в морали как форме общественного сознания и в этике как в теоретической дисциплине. Исследуя мораль, этическая теория, несомненно, опирается на моральные понятия и использует их в своих построениях.

Проследивая историю философской мысли, нетрудно заметить, что этика как учение о морали и поведении личности является ее неотъемлемой частью и развивается вместе с другими ее частями.

Первоначальные этико-философские представления носили нерасчлененный характер. Они по существу еще не отделялись от общих представлений о человеке. Например, в фрагментах гераклитовских текстов моральные явления связываются с особенностями ума, умственных способностей и волевыми качествами человека, с его отдельными поступками по отношению к другим людям. Позже содержание этических понятий связывалось с представлениями об удовлетворении естественных побуждений (порой даже чисто физических) в концепции гедонизма. родоначальником которой можно считать Аристиппа. Для гедонистских теорий характерны абсолютизация непосредственно чувственных форм удовлетворения побуждений, аффектно-эмоциональных моментов, недооценка, а нередко и отрицание далеко отсроченных и опосредствованных деятельностью разума форм удовлетворения побуждений высшего порядка. Удовольствия и страдания человека представлялись как бы первопричиной, которой будто бы обуславливаются представления о хорошем и плохом, добром и злом, о счастье, долге, достоинстве. Естественным для человека считалось искать удовольствия, что связывалось вместе с тем с понятием пользы, и избегать страдания, а тем самым будто бы и вреда.

Поворот от поисков непосредственной связи чувствований с моральными представлениями к поискам связи этих представлений с более опосредствованными и высшими формами потребностей человека, имеющими интеллектуальный порядок, сделали Сократ, Платон, Аристотель. Эти великие древнегреческие мыслители обращали большое внимание на выяснение специфики морально-этических понятий, на их содержательный анализ. Они выделяли основные для своего времени этические категории и понятия, хотя еще и не отграниченные от морального: добро

и зло, справедливость, достоинство, счастье и другие, и систематизировали их, соотнося с так называемыми кардинальными добродетелями. Платон кардинальными добродетелями считал мудрость, мужество, самообладание и справедливость. В связи с их перечислением нужно отметить, что сфера нравственного не только у Платона, но и вообще в домарксистских теориях неоправданно расширялась, что повлияло и на понимание добродетелей Платоном. Даже те из кардинальных добродетелей, которые, казалось бы, непосредственно охватывают область этического, истолковываются им слишком расширительно, без учета моральной специфики. В то же время само выделение им кардинальных добродетелей дает основание утверждать, что к проблеме систематизации этических понятий Платон подошел вплотную. Этого к тому времени настоятельно потребовали накопленные знания, практика нравственного воспитания. Систематизация понятий при этом производилась одновременно с уточнением их специфики и содержательной стороны. Например, в сочинении «Горгий» Платон выясняет содержание понятий счастья, добра, зла, понятий лучшего и сильного, блага и удовольствия, справедливости и несправедливости и др.²

Сравнивая и истолковывая понятия, Платон по существу решал (хотя идеалистически) задачу выявления их взаимосвязи и взаимозависимости, а тем самым поднимал вопросы о возможности теоретического обобщения моральных явлений, о природе этических понятий, о степени их всеобщности и конкретности и т. д.

Систематическое исследование категорий как наиболее общих понятий в их совокупности впервые в историко-философской мысли было осуществлено Аристотелем. Он выявлял категории прежде всего как группы, на которые можно разделить наличную совокупность понятий (слов) по их наиболее общему смыслу.

Таких категорий он нашел десять. «Из слов, высказанных без какой-либо связи,— писал Аристотель,— каждое означает или сущность, или качество, или количество, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание»³.

В «Этике» Аристотель выделял наиболее общие понятия (категории) уже этой специальной сферы. В качестве таковых он указывал добро и зло, справедливость и несправедливость, благо и высшее благо, дружбу и счастье. В понимании Аристотеля

² См. Платон. Соч., т. 1. М., 1968, стр. 302, 313--330.

³ Аристотель. Категории. М., 1939, стр. 6.

эти общие понятия являются уже не столько моральными, сколько относящимися к более высокой ступени обобщения, поднимаются на уровень этических категорий, что свидетельствовало о дальнейшем развитии этической теории того времени.

Последующее понимание этикой ее категорий было так или иначе связано с учением о них, разработанным великими античными мыслителями. При этом, конечно, количество и сам способ выделения этических категорий менялись. Так, Спиноза все активные состояния, вытекавшие из аффектов, относящихся к душе, сводил к твердости духа, которую он подразделял на мужество и великодушие. Из четырех кардинальных добродетелей античной этики, провозглашенных в предшествующей этической мысли, он, следовательно, оставлял лишь две: мужество и великодушие. Позже некоторые мыслители сводили в конечном счете все добродетели даже к одной (Кант, Гегель). В христианской этике, наоборот, четыре кардинальные добродетели были вполне признаны в числе семи добродетелей истинного христианина (вера, надежда, любовь, мудрость, мужество, умеренность и справедливость), получив религиозное истолкование.

Развернутая система этики, а вместе с тем и ее понятий и категорий была разработана Кантом. Господствующее положение в ней отводилось должностованию. Долг в этической системе Канта стал такой категорией, которая определяла сущность всего морального. Именно в связи с учением о долге Кант пытался решить проблему морального императива (посредством которого человек мог бы строить свое практическое поведение), пытался подойти к пониманию назначения человека. Система Канта, однако, при всем ее величии была в целом формальной, абстрактной, внеисторической.

Гегель в отличие от Канта стремился поставить категории этики на историческую основу, представить их (хотя и в рамках идеализма) в движении и развитии, в их возникновении и формировании. При этом он выходил за рамки собственно морали. Классификация этических понятий Гегелем по существу проводилась в связи с провозглашаемыми им тремя ступенями развития духа. Первую ступень он связывал с абстрактным правом, вторую — с моралью, сфера которой, по его учению, обнимает внутренние стороны свободы воли человека, т. е. убеждения, мотивы поведения, цели и намерения, третью — с нравственностью как всеобщей формой выражения абсолютной идеи морального сознания. Соответственно Гегель предлагал три ряда категорий: умысел и вина, намерения и блага, добро и совесть. Идеалистическая в своей основе, эта система, однако, отличается глубиной логических выводов. Заслугой Гегеля в данном

случае явилось то, что он стремился выделить из всей суммы понятий наиболее общие категории и представить их по степени обобщенности и исторического развития как категории права, категории морали и категории собственно этики.

Даже если ограничиться изложенным в рассмотрении того, как вопросы о понятиях и категориях ставились философско-этической мыслью прошлого, можно констатировать, что им издавна придавалось большое значение. Однако в домарксистской этике объяснение общей природы, смысла, системы этих понятий и категорий не приобрело и не могло приобрести научного характера. Этому препятствовала общеидеалистическая основа домарксистской этики. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что прежние представления об исторических понятиях и категориях не могут быть просто отброшены марксистской этикой. Она должна их критически пересмотреть и преодолеть, восприняв из них все то рациональное, что в качестве тех или иных крупниц, зерен в них содержится.

Современная этическая проблематика, опирающаяся на накопленные человечеством знания, намного богаче прежней. Она далеко раздвинула свои границы. Подлинно научное развитие этической мысли стало возможно на основе революционного переворота, совершенного в философии марксизмом. Этические знания в связи с возникновением науки об обществе, исторического материализма были также поставлены на научную почву.

Марксистско-ленинская этика на основе богатейшего исторического опыта, обобщив качественно новые человеческие отношения в новом социалистическом обществе, становится подлинной наукой о морали, о закономерностях ее развития, о законах нравственного прогресса общества и личности. В этике как науке о морали утверждается определенная система категорий и понятий, составляющих ее научный аппарат, посредством которого формируются ее выводы, фиксируются достигнутые знания.

Понятийный аппарат марксистской этики есть средство и вместе с тем результат теоретического отражения не только старых, но и новых моральных явлений, возникших в процессе развития социалистического общества, средство и результат уточнения специфики нравственного и сферы его проявления. Понятия и категории этики противостоят в этом смысле общеполитическим, социологическим, юридическим, психолого-педагогическим понятиям и категориям, хотя в тех или иных отношениях перекрещиваются, а отчасти и объединяются с ними. Особенно интенсивно процессы развития этих понятий, как уже было отмечено, идут в современных условиях, когда действительность дает

чрезвычайно много новых фактов, требующих постоянного общения, отражения в суммированном виде и абстрагированного представления в понятиях и категориях.

Исследование понятийно-категориального аппарата этики должно основываться на изучении закономерностей общественного развития, на материалистическом объяснении исторических процессов.

Важнейшими вопросами, относящимися к законам общественного развития, являются соотношение общественного бытия и общественного сознания, субъективного и объективного. Этика как философская наука в специфической форме также решает эти вопросы, конкретизируя и обогащая философские знания. Но их отражение в понятийно-категориальном аппарате этики имеет свои особенности. Поэтому этика не может ограничиться простым использованием категорий и понятий исторического материализма.

Соотношение общественного бытия и общественного сознания в этической теории проявляется как взаимосвязь общественно-го бытия и *морального* сознания, которое далеко не тождественно по способу отражения действительности общественному сознанию в целом. Соотношение объективного и субъективного в морали также имеет свои специфические особенности в сравнении с их соотношением, взятым более широко, безотносительно к нравственности.

Философский характер этического понятийного аппарата обнаруживается не только на уровне всеобщих этических обобщений, но и на уровне обобщений, относящихся к основным типам нравственности, свойственным определенным общественно-экономическим формациям. В понятиях этого круга характеризуются более конкретные формы проявления морали: первобытно-общинная мораль, мораль рабовладельческого общества, мораль феодальная, буржуазная, пролетарско-коммунистическая. Применительно к каждой из этих ступеней развития морали должны изучаться вопросы соотношения классового и общечеловеческого, необходимости и свободы, целей и средств и т. д.

Этические категории являются наиболее общими понятиями, отражающими специфические особенности морали. Они выступают определенными формами познания именно морали и потому не тождественны (хотя и родственны) другим рядам категорий, представляющим формы познания, политики, права, науки, искусства. Сущность этических категорий поэтому следует рассматривать, не упуская из виду следующих двух аспектов: каковы особенности категорий этики в сравнении с категориями других наук и по каким признакам выделяются категории

этики в системе понятий собственно этической науки. Оба эти аспекта взаимосвязаны.

Отличая этические категории от категорий других наук, мы выделяем в первую очередь особенности самого предмета этики — особенности морали как формы общественного сознания. Мораль, отражая социальную действительность, непосредственно связана с поведением людей, руководствующихся в нем теми или иными представлениями, нормами, оценками. В этой связи специфические особенности морали (а вместе с тем и этических категорий), как правило, ищут в связи с такими ее сторонами, как мировоззренческая, оценочная, нормативная, повелительно-стимулирующая, мотивационная. Это путь правильный и не вызывающий прямых возражений. Но мировоззренческая, нормативная и оценочная стороны присущи не одной только морали, а и праву, политике, науке, искусству, хотя и проявляются в них иначе, чем в морали. Поэтому специфические особенности категорий этики в сравнении с категориями других наук следует искать глубже, в предмете самого отражения — морали. В общем плане эта специфика связана с социально-практической сущностью морали (с ее направленностью к личности, к поведению человека, к его отношению к обществу и другим людям). Поэтому, говоря о специфике морали и о специфике выражающих ее категорий этики, необходимо усматривать в морали не просто мировоззренческую, оценочную, нормативную, повелительно-стимулирующую и мотивационную стороны, а преобладающее их значение в целевом направлении к личности. Сравнивая мораль в этом отношении с другими формами общественного сознания, надо находить именно моральный аспект взглядов, оценок и нормативов. Не случайно на протяжении всей истории теоретического обоснования морали стержневой проблемой было и остается обоснование определенного соотношения общественных и личных интересов.

Акцент на этом представляется настоятельно необходимым. За последние несколько лет в этической литературе усиленно разрабатывается так называемая познавательная сторона морали. Разработка связанных с этим проблем, несомненно, плодотворна для этической науки. Но нередко допускается смешение акцентов в исследовании сущности морали: мораль настолько сближается с наукой, что ее специфика, ее общая направленность исчезают, ее непосредственное социально-практическое действие на людей заслоняется познавательной стороной. Подобное сближение науки и морали несостоятельно. Оно не только не оттеняет специфику каждой из данных двух форм общественного сознания, а, напротив, мешает ее выяснению.

Встречаются в некоторых работах попытки отождествить нравственную и эстетическую оценки, правовые и моральные нормативы, сблизить мораль и искусство не в плане их единой социальной направленности, а по форме выражения. Художественные образы нередко подменяются в качестве предмета внимания моральным содержанием произведений. В этой связи есть крайности главным образом со стороны некоторых моралистов, требующих от публицистики и художественных произведений чуть ли не теоретического раскрытия понятий любви, дружбы, счастья, идеала. По сути это попытка свести все человеческие страсти и чувства к проявлениям морали, отвернуться от жизненных противоречий, их складывания и утверждения, это недооценка различий морали и искусства как специфических общественных явлений.

Все это лишь смазывает специфику морали и умаляет ее действительный характер.

Положение о том, что в морали превалирующее значение имеют нравственные ценности, оценки и нормативы, нравственные ориентиры (добро, идеал, долг), непосредственно направленные на социальные действия личностей, коллективов, общностей, позволяет, как нам представляется, определить содержательную сущность, а вместе с тем и необходимый перечень этических категорий в ряду категорий других наук.

Известно, что вся человеческая деятельность носит целенаправленный характер. В соответствующем ее регулировании принадлежит важная роль морали. В морали дается, с одной стороны, ориентация для личности, конкретизирующая то, каким образом надо вести себя по отношению к обществу и к другим людям в соответствии с требованиями долга, чести, совести, исходя из высокой цели и образца поведения — из идеала. В этой ориентации неразрывно связаны все моральные ценностно-нормативные аспекты, ибо сами требования и моральные ценности определяются с позиций добра, справедливости, на основе чего они и предъявляются личности.

С другой стороны, в морали оцениваются обществом, коллективом уже совершённые поступки, совершённая деятельность. Такая оценка производится в первую очередь через понятия добра и зла, справедливости и несправедливости. Понятия этого ряда в той же мере не лишены нормативных, и стимулирующих, и мотивирующих моментов (делай добро, поступай справедливо), в какой и понятия долга, чести, совести, идеала, выполняя нормативную и ориентирующую роль в сфере морали, не лишены оценивающего значения (поступил по совести, по чести, образец поведения и т. д.).

Несколько выпадает из этого рассмотрения понятие счастья. Выражая высшее удовлетворение человека жизнью, своей деятельностью в обществе, это понятие является нравственно-этическим в том смысле, что оно выражает синтез справедливого отношения общества к личности и высоконравственного отношения личности к обществу.

Этика на теоретическом уровне обобщает конкретные моральные явления, выраженные в понятиях морали, и нуждается поэтому в категориальном стержне понятийного аппарата. Основные моральные понятия, отражающие и оформляющие проявления морали, поднимаются на новый уровень благодаря этическому обобщению и тем самым превращаются здесь в категории этики. Поэтому добро, долг, идеал, справедливость, честь, совесть, счастье могут выступать и как понятия морали (когда речь идет о конкретных требованиях к личности и оценке конкретных поступков, поведения человека) и в качестве категорий этики (когда идет процесс обобщения конкретных моральных явлений в теоретических построениях этики).

Специфический характер этических категорий зависит и от тех объективных механизмов общественной жизни, действие которых поддерживает функционирование морали.

Например, нормативно-повелительное значение этических категорий поддерживается преимущественно силой общественного мнения и доброй воли людей, в то время как правовые требования, законы — силой государственной власти, которая становится непосредственно принудительной силой по отношению к той части людей, которая нарушает законы, правовые требования.

Но сущность этических категорий было бы далеко не достаточно определить, лишь сравнивая их с категориями других наук. Этика, как и всякая другая наука, оперирует многочисленными понятиями. К тому же предметом этики является мораль, которая в свою очередь как форма общественного сознания имеет свой собственный сложный понятийный аппарат, так что возникает необходимость при вычленении этических категорий, при выявлении их сущности определить их специфику и в сравнении с понятиями морали. Исходя из этого, мы считали бы целесообразным термин «категории» использовать для обозначения основных понятий именно этической науки и не применять его по отношению к понятиям морали как формы общественного сознания⁴. Однако этим еще не снимается трудность

⁴ Такую мысль уже высказывал В. А. Ребрин. «Вряд ли вообще следует, — писал он, — применять к понятиям морали термин «категория», он более уместен в науке о морали — этике» (В. А. Ребрин. Исследование по деонтике. — «Вопросы философии», 1966.

определения этических категорий, ибо мораль настолько богата самыми общими понятиями, что без их анализа немыслима этика как наука. При этом нередко наиболее общие понятия морали, будучи взяты под особым углом зрения, в большей абстракции, как раз и попадают в разряд этических категорий.

Как же в таком случае подойти к определению сущности этических категорий? На наш взгляд, их сущность непосредственно зависит от сущности самой морали — предмета этики: специфика морального сознания получает свое обобщенное выражение в категориях этики. Эта специфика морали, ее социальная сущность проявляются в ориентации людей на соблюдение общественных интересов (ценностная моральная ориентация), в повелительно-регулятивном действии морали в соответствии с моральными ценностями общества, в ее мотивационно-стимулирующей функции, обращенности к доброй воле членов общества.

В каких же наиболее общих понятиях — категориях — отражены все эти узловые признаки морали, в их диалектическом единстве сущности и содержания? Такими сущностно-содержательными, наиболее общими понятиями — категориями — являются, на наш взгляд, в первую очередь добро, идеал, долг, честь, совесть, справедливость, счастье.

Анализируя сущностно-содержательную сторону этих категорий, негрудно заметить, что все они в единстве отражают ценностно-ориентирующее, повелительно-регулятивное и мотивационно-стимулирующее действие морали. Тем самым в совокупности они выявляют специфику нравственного сознания и нравственных отношений как предмета этики. В отличие от других понятий этики, также общих и широких, они наиболее концентрированно и многосторонне, синтетично отражают существенные стороны морального сознания и нравственных отношений, т. е. особенности качественной специфики морали. В этом смысле они и выступают определенными формами, средствами этико-морального познания социальной действительности.

Поэтому этические категории имеют самое широкое значение — нормативно-оценочное и познавательное. Их сущность, следовательно, неправомерно сводить к какому-то одному компоненту, хотя иногда и высказываются мнения, что категории эти-

№ 8, стр. 167). Конечно, это не означало бы ни того, что между категориями и остальными понятиями этики будто бы имеется какая-то принципиальная противоположность (такой противоположности нет и быть не может, поскольку категории — это лишь основные, важнейшие в кругу понятий, используемых наукой), ни того, что понятия, ставшие категориями этики, будто бы не могут использоваться моральным сознанием (им они и могут использоваться и используются, но иначе, не так, как то делает этическая наука).

ки как науки, в отличие от понятий морали как регулятора практического поведения, следует рассматривать лишь как специфические нормы познания действительности.

Несомненно, познавательный элемент присущ категориям добра, зла, идеала, справедливости, несправедливости и т. д. Но сама специфика этики как науки об особой форме общественного сознания, имеющей нормативно-оценочное содержание, обуславливает невозможность устранить связь ее категорий с нормативно-оценочным содержанием изучаемых ею систем морали. С помощью этических категорий мораль в ее происхождении и закономерности развития должна быть познана так, чтобы ее нормативно-оценочное содержание и функции, ее роль в жизни общества не выпали из вашего поля зрения, а оказались бы в его центре и получили свое научное объяснение.

Отсюда, выделяя познавательный момент в этических категориях и с их помощью исследуя специфику морального отражения, не следует превратно представлять их сущность выпячиванием одного лишь познавательного момента. Понятийно-категориальный аппарат этики охватывает многообразные стороны, определяемые спецификой самого предмета.

Другие видят в категориях этики лишь ценностно-нормативное содержание, исключая остальные составляющие их элементы, и тем самым снимают познавательный их аспект, сводя этику к практической морали.

Обе эти крайности не способствуют объективному выяснению содержания и сущности этических категорий, мешают как научному различению категорий этики и понятий морали, так и выяснению основ их единства и взаимосвязи.

Попытаемся несколько детальнее осветить смысл этических категорий.

Как и в любой другой науке, эти категории отражают существенные стороны предмета. При их посредстве в самой общей форме передаются узловые пункты этической теории и моральной практики. В них сконцентрирована история нравственного прогресса.

В понимании марксизма категории выступают узловыми пунктами, ступенями проникновения, углубления сознания человека в изучаемый предмет. Категории — это «ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладеть ею»⁵, — писал В. И. Ленин. Применимо ли это положение к этическим категориям? Несомненно применимо. Но его применение требует одновременно учитывать спе-

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 86.

цифику самого познавательного момента в этике, особенности отражения моральной действительности этикой. Самыми общими ступеньками познания морали и служат в этике такие понятия, в которых в ценностно-нормативной форме отражаются общественные отношения. Они в свою очередь оказывают влияние на развитие самих этих отношений и, следовательно, наиболее полно выражают специфику морали, ее ценностно-нормативное содержание. Такими понятиями, как отмечалось выше, являются прежде всего добро, идеал, справедливость, долг, честь и достоинство, совесть, счастье.

В настоящее время в некоторых работах по этике сделана попытка расширить круг этических категорий, пересмотреть их традиционное истолкование. Особенно яркое выражение эта точка зрения нашла в сборнике материалов к симпозиуму в Новосибирске «Проблемы категорий марксистско-ленинской этики», который уже упоминался ранее. Если обратиться к разделам второму и третьему названного сборника («Основные категории марксистско-ленинской этики», «Практика нравственного воспитания и категории этики»), то нетрудно заметить такое расширение круга этических категорий: по существу все понятия морали как формы общественного сознания включены здесь в категории этики как науки о морали. Вот перечисление этих категорий: нравственные отношения — наиболее существенная категория этики, поведение и поступок, гуманизм и коллективизм, моральный интерес и нравственные потребности, нравственная норма, моральное качество, героизм и ответственность, деловитость и труд и т. д.

Этика как наука о морали, несомненно, призвана охватить всю сложность и взаимодействие понятий своего предмета исследования. Она не может быть оторвана от разносторонних процессов морального развития в самой жизни, от изменений, происходящих в морали, от накопления ею новых элементов и утверждения новых закономерностей в связи с прогрессом общества.

Например, обоснование нравственного прогресса, его закономерностей с точки зрения этической теории требует от исследователя глубокого анализа социально-экономических факторов, лежащих в основе этого прогресса, типологии систем морали, действовавших или действующих моральных норм и принципов, ценностей, оценок, соотношения объективных и субъективных критериев, рассмотрения достигнутого нравственного уровня общества и личности и т. д. Вся аналитическая работа этики, а следовательно, и все ее обобщения не могут не опираться на все богатство исторически развивающегося морального созна-

ния, на всю систему его понятий. В этом смысле и существует самая тесная взаимосвязь между категориями этики и моральными понятиями, которые она использует как наука для дальнейшего исследования самой морали, морального сознания и поведения.

Однако эта взаимосвязь состоит отнюдь не в том, чтобы понятия морали механически причислить к категориям этики и оперировать теми и другими на уровне морального сознания. По субстанции, структуре, функциям понятийный аппарат морали — явление иного порядка, чем понятийно-категориальный аппарат этики. Взаимосвязь морали и этики в первую очередь выражается в том, что этика не тождественна морали, а отражает ее, причем отражает ее на уровне научного обобщения. Как и любая другая наука, этика обобщает моральные феномены, строит выводы, теории о них, выявляет их закономерности. Для этого ей и нужны свои особые понятия и категории.

Вот почему возникает вопрос: правомерно ли даже самые общие понятия морали, которыми, несомненно, оперирует этика, анализируя моральные явления, включать в ряды этических категорий. По нашему мнению, необходимо в принципе различать категории этики как науки и общие понятия морали как регулятора поведения людей в обществе. Это различие вызывается той необходимостью, что содержательная, функциональная, регулятивная и структурная стороны морали находят опосредствованное отражение в этике через призму теории, через теоретическое обобщение конкретных моральных явлений, через выведение закономерностей их действия.

Понятийно-категориальный аппарат марксистско-ленинской этики как науки довольно многообразен и сложен. В него входят, в частности, самые широкие и общие понятия, выражающие методологические основы этики (такие, например, как соотношение морального сознания и общественного бытия, сущность морали как особого общественного явления, нравственный прогресс, классовое и общечеловеческое в морали и др.), и понятия менее общие, также выражающие сущность морали, ее внутреннюю природу, ее основное содержание и специфику. Но все эти понятия как первого, так и второго порядка не определяют содержания и специфики морали без понятий добра, идеала, долга, чести и достоинства, совести, справедливости, счастья. Значит, именно эти последние по преимуществу и являются этическими категориями.

Соотношение морального сознания и общественного бытия, сущность морали, ее особенности как формы общественного сознания выделяются этикой через анализ конкретного содержа-

ния, вкладываемого людьми в представления о добре и зле, чести и бесчестии, достоинстве, совести, идеале, справедливости и несправедливости, счастье. Конкретное содержание самих этих понятий определяется общественным бытием, объективными условиями жизни и классовым положением, которое занимают люди в обществе. Прогрессивное нравственное развитие, идущее в едином русле с общественным, определяясь последним, хотя в историческом развитии иногда наблюдаются и отклонения нравственного прогресса в противоположном направлении, в свою очередь опять же конкретно выражается в наполнении определенным новым содержанием наиболее общих этических понятий. В то же время и нравственный регресс не лишен подобного выражения, с той лишь разницей, что он, как правило, облекается в маскирующие формы, подделывается под общечеловеческие идеалы. Интересы антагонистических классов находят в морали выражение тоже через особое (взаимно противоположное) истолкование добра и зла, совести, чести и достоинства.

Буржуазная этика дает этим категориям теоретическое обоснование с позиций эксплуататорского класса. В повседневной же практике принципы буржуазной морали проводятся в жизнь с помощью таких представлений о добре, справедливости и т. д., которые реально являются буржуазными, но которым приписывается якобы общечеловеческий характер.

Марксистско-ленинская этика, теоретически обосновывая принципы коммунистической морали, через посредство этических категорий раскрывает, наоборот, ее действительную социальную, классовую сущность, прямо противопоставляя ее реальной классовой сущности якобы общечеловеческой морали, проповедуемой буржуазными идеологами.

Моральные требования, нормы, принципы поведения социалистического общества согласуются с такими представлениями о добре, справедливости и т. д., которые в корне отличны от буржуазных. Например, что значит поступать по совести, честно и достойно, справедливо, по долгу в условиях социалистического общества? Это означает соблюдать нравственные принципы, сформулированные в моральном кодексе строителя коммунизма, это значит честно трудиться на благо социалистического общества, быть преданным идеалам коммунизма и бороться за их осуществление, против всего, что этому мешает.

Нравственные принципы — это наиболее общие нравственные нормы, направляющие людей в их поведении, в отношении к обществу, к целям его развития, к труду и собственности в тех или иных ее формах, к другим людям в общественной и

личной жизни, к народам своей страны и других стран. Нравственные принципы, как и вообще все нормы морали, требуют для своей формулировки целой совокупности понятий в системе самой морали как формы общественного сознания. Этика для раскрытия их сущности, для их научной характеристики нуждается не только в их констатации посредством моральных понятий, но и в их анализе посредством этических категорий.

Примерно в том же плане можно рассматривать и моральные качества личности, которые также некоторыми авторами именуются категориями этики. Эти качества (черты) характеризуют моральный облик личности.

Этика раскрывает их сущность и их конкретное выражение с помощью своих категорий, создавая тем самым теоретические основы для управления процессом нравственного развития личности.

Таким образом, всеобщие формы теоретического изучения морали — категории этики — неправомерно смешивать с конкретными явлениями морали, с моральными понятиями, хотя они и не отделены от последних непроходимой пропастью и при анализе реальных отношений переплетаются, выступают в единстве с ними. Категории этики в качестве ее наиболее общих понятий, выражающих специфику и содержание морали, образуют «стержень» этической системы.

Делая дальнейший шаг в рассмотрении того, что представляют собой этические категории как обобщенное теоретическое отражение морали, следует обратить внимание на их полярность, посредством которой фиксируется особое, своеобразное «поле», вмещающее внутренние противоречия, специфические противоположности моральной жизни: добро—зло, совесть — бессовестность, честь — бесчестие, достоинство — унижение, идеал — безыдеальность, справедливость — несправедливость, счастье — несчастье. Эти полярные логические формы этики помогают анализировать сущность совершенно различных по конкретному содержанию систем морали, сменявших одна другую в ходе общественного развития, в ходе истории.

Из всех вышеперечисленных категорий наиболее общим понятием, отражающим специфику нравственности в целом, является категория добра (вместе с противоположной категорией зла).

Существуют границы применимости этой категории. Характеризуя именно моральное содержание явлений, она приложима тогда, когда исследование касается определенного аспекта взаимоотношений личности и общества. Не следует слишком суживать поле ее применения. Но мы не считаем возможным согласиться с тем, что добро и зло в качестве широких категорий,

как утверждают некоторые авторы, может служить мерой и нравственных действий, и положительно или отрицательно оцениваемых условий жизни вообще, в том числе и природных. Здесь прав Ю. В. Согомонов, подчеркивающий, что оценка природных явлений в терминах «добро» и «моральное зло» может иметь лишь характер метафоры. Однако далее этот автор пишет следующее: «Материальные ценности, «вещи» в моральном отношении также нейтральны, а производственные отношения не могут быть объектом моральной оценки потому, что сами служат основанием для применения этой оценки в других областях»⁶. С этим уже трудно полностью согласиться. Если первая половина такого утверждения не вызывает сомнений, ибо действительно материальные ценности, а тем более просто вещи не нуждаются в нравственной оценке, то вряд ли можно совершенно отвергать нравственную оценку применительно к производственным отношениям, к их характеру и перспективам развития. Несомненно, нравственность и экономические отношения — разные сферы жизнедеятельности общества. Но моральное сознание, отражая в специфической форме экономические отношения, не может быть по отношению к ним пассивным. Оно всегда так или иначе (положительно или отрицательно) оценивает существующее экономическое положение, причем такая оценка может служить серьезным симптомом назревания необходимых перемен в экономической жизни общества⁷; так что категории добра и зла, справедливости и несправедливости и др. здесь вовсе не неуместны.

Категория добра как наиболее общая категория этики отвлекается от многих конкретных сторон морали — от отдельных поступков, отдельных норм, правил, от многообразия нравственных явлений: она всегда относится к нравственной сущности того, что оценивается. Однако подобное абстрагирование, представляя собою высшее обобщение, происходит по-разному в повседневной жизни на уровне морального сознания. В моральной практике люди оперируют представлениями о добре как такими, которые относятся к конкретной моральной системе. Например, в системе коммунистической морали добром именуются взаимопомощь людей в производственной деятельности, забота друг о друге в семье и быту, внимание к человеку и помощь ему, а злом — все противоречащее перечисленному. Понятия добра и зла находят отражение и во многих других характеристиках.

⁶ См. Ю. В. Согомонов. О соотношении категорий блага и добра. — «Философские науки», 1964, № 4, стр. 113.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 184.

Из этих многочисленных и многообразных конкретных моральных явлений и отношений в науке этике и абстрагировалась категория добра, через которую освещаются поступки людей, дается оценка их поведению. Доброе означает нравственно положительное. Все, что является нравственно отрицательным, есть зло.

Обратимся к таким категориям этики и одновременно понятиям морали, как идеал и долг.

Определяя научное содержание долга и идеала, мы также отвлекаемся от многих форм их конкретного проявления. Практические отношения в обществе, напротив, требуют их постоянной конкретизации, наглядности.

В своих выступлениях В. И. Ленин не раз обращал внимание на необходимость связать идеалы с повседневными практическими задачами. «...Идеалы,— писал В. И. Ленин,— могли явиться только известным отражением действительности... их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам»⁸. Требования долга также имеют различные формы проявления: на производстве, в быту, в семье, долг по отношению к обществу, к государству, к товарищам.

На первый взгляд может показаться, что идеал и долг в теоретическом и практическом значениях характеризуют мораль с совершенно разных сторон. Но, несомненно, имея свои особенности, в нравственной практике они тесно взаимосвязаны и переплетаются между собой.

Коммунистическая нравственность вся устремлена к определенной социальной и нравственной цели. Целенаправленный же характер деятельности и поведения такого масштаба, какой предполагается коммунистической нравственностью, невозможен без представления об идеале, т. е. о наибольшем совершенстве как цели. Истинная нравственность — это не бездумное выполнение общепринятых, хотя бы и правильных, норм, не бездумное следование долгу, но — деятельность идейная, осуществляемая на основе идеалов. Идеал как раз и есть определенная идея — идея о существовании совершенного явления или об осуществлении цели в ее наиболее совершенном виде, какой только можно себе представить. Нравственный идеал выступает в качестве совершенства добра, морально наивысшего. Он, подобно маяку, служит личности ориентиром в поведении, в выборе поступков.

Нравственное сознание, однако, не ограничивается лишь общей идеей. Оно сложно, и соответственно сложен моральный

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 435.

идеал. В нем люди ищут и дают себе ответ на вопросы: как относиться к обществу, к общественным интересам, что считать главным в своих поступках, какую избрать линию поведения, как поступать в самых ответственных случаях, в решающих жизненных ситуациях? Идеалы отдельных людей глубоко затрагивают их индивидуальный нравственный мир, соответствуют особенностям эмоционального развития личности. Они имеют громадное значение для всего процесса нравственного формирования личности, который совершается постоянно, на протяжении всей человеческой жизни.

Если идеал в нравственном аспекте включает в себе в концентрированном виде выражение совершенства доброго, морально возвышенного, то в долге также выражается существенное качество морального — обязательность выполнения требований, ведущих к добру, к достижению нравственных целей и идеалов. Требования общества к поведению личности, требования людей друг к другу в совместной жизни в обществе наполняют долг конкретным содержанием, превращают его в долг труженика, гражданина, семьянина, долг дружбы, товарищества, долг человека перед самим собой: понятие долга многогранно, поскольку многогранна сфера поведения человека. В коммунистической нравственности выполнение требований долга личностью практически подчинено претворению в жизнь идеалов коммунизма и ведет к их осуществлению.

Направленность идеала и долга при социализме характеризуется единством, снятием противоречий между ними, в значительной мере свойственных идеалам человека и налагаемому на него долгу в антагонистическом обществе. Выбирая поступки, выполняя моральные обязанности, человек социалистического общества, как правило, знает, для чего он это делает, убежден в правильности и общественной значимости своего поведения. Поэтому в условиях социализма у личности формируется сознательное отношение к долгу, понимание необходимости его выполнения, исходящее из осознанных внутренних побуждений личности.

Нравственный долг при развитом социализме можно определить как совокупность нравственных требований к личности, которые она, с одной стороны, может выполнять по внутреннему убеждению, сознательно и добровольно подчиняя личные интересы общественным, а с другой стороны, если такого убеждения ей недостает, бывает вынуждена выполнять их как нравственную необходимость, налагаемую на нее обществом и сопровождаемую ответственностью перед обществом за ее выполнение. Следует подчеркнуть эти две стороны нравственного дол-

га потому, что в нашей популярной литературе по проблемам морали иногда чересчур сближаются и даже отождествляются понятия идеала и долга⁹.

Забвение (а еще хуже отрицание) того, что долг иногда выполняется по принуждению, может привести к существенным минусам в организации нравственного воспитания человека. Выполнение общественных требований только по внутреннему убеждению каждым человеком — это уровень, которого сегодня нравственное развитие общества еще не достигло. Единство долга и идеала состоит не в том, чтобы заменить долг идеалом. В долге выражены прямые обязанности личности по отношению к обществу, к другим людям, и идеал этого заменить не может. Их единство нужно искать в их общей целенаправленности.

Выполнение морального долга личностью служит важным показателем, в соответствии с которым оцениваются ее поведение и ее отношение к общественному интересу. Идеал зовет личность к более высокому нравственному совершенству. Дорога к нему, дорога в будущее, идет в первую очередь через выполнение личностью моральных требований долга, тех требований, которые насущно необходимы сегодня. Человек не может приблизиться к нравственному идеалу, если игнорирует общественные требования, общественный долг, ждет, когда долг за него выполнят другие.

Нравственное формирование личности идет, однако, противоречиво. Разделяя идеалы коммунизма, видя в них высокие цели общества, не каждый человек готов активно бороться за их воплощение в жизнь, последовательно выполнять требования общественного долга. Эгоистические интересы личности иногда берут верх над общественными, общественное игнорируется в угоду личному. В этих случаях общество не может допустить, чтобы выполнение морального долга зависело только от силы убеждения, здесь приобретает значение и сила принуждения к выполнению обязательных общественных требований.

⁹ См., например, брошюру: *Л. В. Коновалова. Долг и нравственное развитие личности.* М., 1969. В ней дается, в частности, следующее, на наш взгляд, одностороннее определение: «Нравственный долг — совокупность общественных требований, выполняемых не по принуждению, а по внутреннему убеждению, путем сознательного и добровольного подчинения личных интересов общественным... Долг тождествен нравственной цели, он наполнен притягательностью морального идеала, включает представление о нравственном совершенстве, о правильном и добром» (стр. 6). Не говоря о категорическом исключении принуждения как реального средства к исполнению долга лицами, не обладающими высоким моральным сознанием, в этом определении ошибочны отождествление долга с нравственной целью, приписывание ему признаков нравственного идеала и других морально-этических понятий.

Концентрация в абстрагированной форме конкретных нравственных обязанностей определяет специфику долга как категории в этике.

В подходе к категориям этики следует различать две стороны: теоретическую и практическую. Теорию интересуют содержание категорий, их гносеологические корни, их особенности как существующего, как явления общественной жизни в плане их познания. Практику те же вопросы интересуют в другом аспекте: с точки зрения того, как использовать это идеологическое образование в жизнедеятельности общества. В. П. Тугаринов в статье «Марксистская философия и проблема ценности» совершенно правильно пишет, что «в первом случае человек ставит перед собой вопрос: что представляет собой данное явление, как его объяснить, каковы его причины и основания. Во втором случае он спрашивает: как отнестись к этому явлению, как его (в конечном счете) использовать, если оно полезно, или устранить, если оно вредно. Необходимым моментом перехода от теоретического к практическому отношению является ценностное отношение к предмету, отнесение его к ценностям или отказ ему в достоинстве ценности»¹⁰.

Проводя различие между познавательным и ценностным содержанием этических категорий, мы не считаем возможным абсолютизировать это различие. Познавательный (или научный) и ценностный подходы к объективному миру взаимозависимы: ценностное суждение вырастает на основе познания объективных особенностей явлений природы и общества, а познание естественных и общественно-исторических явлений обусловлено интересом к ним, т. е. опосредствуется ценностными моментами.

Следует признать, что соотношение двух аспектов отражения действительности сознанием — ценностно-нормативного и познавательного — еще недостаточно выяснено в марксистской (не говоря уже о немарксистской) литературе, в частности и в этической¹¹. Среди ряда других относящихся к этому вопросов дискуссионным остается и вопрос о приложимости критериев истинности и ложности к ценностно-нормативным, в том числе и к нравственным, суждениям, хотя бесспорны для марксистов взаимосвязь ценностно-нормативных суждений с суждениями научными, не являющимися ценностно-нормативными (с теми, которые иногда называют дескриптивными), и возможность научного обоснования определенных нравственных (и вообще ценностно-нормативных) суждений.

¹⁰ Проблема ценности в философии. М.—Л., 1965, стр. 14—15.

¹¹ См. А. И. Титаренко, Г. Ф. Карвацкая, В. А. Титов. Этика: проблемы и перспективы.— «Философские науки», 1972, № 4.

Рассматривая под этим углом зрения этические категории, необходимо видеть в них содержание как познавательного, так и ценностно-нормативного характера. Научный подход к нему, с учетом обоих этих моментов, предполагает характеристику этого содержания на основе объективных критериев, одним из которых является его отношение к тенденциям общественного прогресса и к интересам прогрессивного класса общества.

В этой связи некоторые буржуазные теоретики, выступая против признания объективного содержания идеи истины в морали, утверждали, что марксистское понимание классового подхода к морали ведет к признанию нескольких истин в ней и к отрицанию самой истины. Так, народник П. Нежданов, абсолютизовавший понимание истины в морали и не сумевший разобраться в высказывании Энгельса о морали феодальной, буржуазной и пролетарской (в вопросе, какая из них истинна, т. е. какая из них содержит в себе наибольшее количество элементов, обещающих ей долговечное существование), вопрошал: «А что если ни одна из них не истинна, то что у нас остается? Ничего больше, как только полное безразличие нравственных воззрений. Полное нравственное безразличие — вот конечный вывод объективизма в области нравственности»¹². Разумеется, никакого нравственного безразличия и никакого объективизма в неждановском или ином смысле марксистская этика не допускает.

Единство истины и добра, их переходы одного в другое глубоко раскрыты в трудах В. И. Ленина, показавшего полную несостоятельность релятивизма в вопросе о соотношении истины и моральных ценностей, как и в других вопросах. Специально выписав и подчеркнув положение Гегеля из «Науки логики», которое гласило, что для теоретической идеи признается истинно-сущим «наличная, независимо от субъективного полагания, действительность», а для практической идеи эта действительность должна получить свое «истинное определение и единственную ценность через цели добра», В. И. Ленин отмечал положительное значение мыслей о единстве теоретического познания и воли, о переходе идеи истины в идею добра и наоборот¹³, обращал внимание на глубокую связь категорий добра и истины с практической деятельностью, с отражением в них конкретных общественных процессов.

Этические категории, понятия суть абстракции, теоретические обобщения результатов отражения социальной действительности.

¹² П. Нежданов. *Нравственность*. М., 1898, стр. 24.

¹³ См. В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 29, стр. 190, 196, 198.

Насколько глубоким, всесторонним будет это познание и обобщение, настолько этические понятия будут полнее отражать эту действительность. Но это отражение не должно абсолютизироваться, так как «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»¹⁴. Употребление этических понятий и категорий носит конкретно-исторический характер, а потому и изучение их должно вестись с учетом классового к ним подхода.

Классики марксизма всегда вели непримиримую борьбу против этического догматизма, абсолютизации этических понятий и категорий, абсолютизации этических оценок. Так, еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин неоднократно возвращается к критике абсолютизации моральных оценок и понятий. В своей работе «О продовольственном налоге» он говорил: ««Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них. Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму»¹⁵.

В статье «Приемы борьбы буржуазных интеллигентов против рабочих» В. И. Ленин разоблачал неудавшуюся попытку Струве, Изгоева, Бердяева и других проповедников абсолютной морали применить нравственные понятия и нравственные оценки на основе абстрактных истин. Вопрос касался различного понимания ликвидаторами и большевиками единства легальных и нелегальных средств борьбы пролетариата. Ликвидаторы называли чудовищным использование нелегальных организаций для революционной борьбы и призывали к объединению усилий рабочего класса в легальных организациях либеральной буржуазии. «Но ведь именно то, что чудовищно для пролетариата,— писал В. И. Ленин,— *либералы* называют добродетелью, благом, пользой, честностью, даже, вероятно, святостью...»¹⁶.

Объективную научную характеристику морали марксисты дают, выявляя ее отношение к тенденциям общественного прогресса, определяя то, чьим интересам, т. е. интересам какого

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 229.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 338.

класса, она наиболее соответствует и способствует ли революционным преобразованиям общественной жизни. Такой критерий моральной ценности исключает возможность говорить об абсолютном добре, абсолютном идеале, абсолютном благе, которых в действительности не существует.

Следовательно, в основе оперирования категориями в научной, марксистской этике лежит методологический принцип конкретного исторического подхода к общественным и нравственным явлениям с учетом действительных интересов тех или иных классов, групп и личностей, а не на основе раз и навсегда установленных догматов. Формула В. И. Ленина «диалектика конкретна и революционна»¹⁷ полностью приложима и к определению сущности и содержания этических категорий и понятий.

Критикуя социологов народничества, стремившихся доказать неизбежность конфликта между историческим детерминизмом и нравственными представлениями, В. И. Ленин показал, что ценностные представления не индетерминистичны, что «идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹⁸.

Но детерминистический подход к категориям этики, требуя раскрывать их обусловленность социальными отношениями, обнаруживать отражение в них данных отношений, вовсе не означает игнорирования специфических особенностей каждой из них. В некоторых из этих категорий (добро, идеал) социальные явления получают отражение в более абстрактной форме. Другая группа категорий (долг, справедливость) воплощает в себе более конкретное содержание. Такие категории, как честь и достоинство, совесть и счастье, отражают социальные отношения более явно через призму внутреннего мира личности.

Сложность выделения специфики этических понятий и категорий в большой мере зависит от этого переплетения всеобщего, особенного и единичного. Но она не снимает задач их исследования, которое позволит правильно оперировать понятиями и категориями в сфере науки этики, глубже постигать при их посредстве сферу морали.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 336.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.

К вопросу систематизации этических категорий и понятий

Систематизация этических категорий и понятий не может быть произведена успешно, если эту задачу решать, не выходя за рамки этики, без обращения к методологическим принципам диалектического и исторического материализма. Диалектическое единство содержания и формы, логического и исторического — главное условие марксистского метода классификации и систематизации в любой науке.

Опираясь на эти методологические принципы, а также на основные выводы специальных работ, посвященных методам системного исследования¹⁰, мы ставим лишь некоторые вопросы систематизации этических категорий, привлекаем внимание к исследованию системы и ее теоретического и практического значения.

Чтобы этика была действительно наукой, система ее категорий должна схватывать и передавать всю сложность и противоречивость моральных феноменов, богатство нравственных отношений, социальную обусловленность и социальное назначение морали. Без строгого соблюдения этого условия невозможно научное обоснование никакой системы этических категорий. Как бы ни была привлекательна с внешней стороны та или иная классификация категорий, без такого основания она неминуемо выльется в формальную, безжизненную систему, не имеющую в конечном счете ни практического, ни теоретического значения. Система категорий выражает систему самой науки и служит целям дальнейшего познания ее предмета. Для установления полноты системы категорий этики необходимо учитывать огромное богатство обобщаемых в них связей и отношений морали как предмета исследования, а также методологические принципы, основы, составные части этики как науки о морали, необходимо соблюдать единство общего, особенного и отдельного, единый критерий классификации и т. д. При этом система категорий (хотя она, как и всякая вообще система, представляет собой разделение понятий о них на группы в за-

¹⁰ В. Н. Садовский. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы.— «Социология в СССР», т. I. М., 1965; И. М. Попова. Системный подход в социологии и проблема ценностей.— «Вопросы философии», 1968, № 5; В. С. Тюхтин. Системно-структурный подход и специфика философского знания.— «Вопросы философии», 1968, № 11; И. Т. Фролов. Системно-структурный подход и диалектика.— «Вопросы философии», 1969, № 12; Системные исследования, исследования по общей теории систем (Сб. переводов). М., 1969; И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Философские проблемы исследования систем и структур.— «Вопросы философии», 1970, № 5; Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

висимости от обнаруживаемых в них сходств или различий) должна быть единой, что обуславливается единством самого предмета исследования в его объемном и разностороннем сущностно-социальном содержании.

Представляется интересной с теоретической точки зрения, хотя мы не разделяем всех выводов автора, классификация понятий и категорий этики, предложенная Л. М. Архангельским. Расчленив в абстракции форму и содержание морали, Л. М. Архангельский выделяет два разноплановых ряда этических категорий: структурные, характеризующие мораль со стороны внутренней взаимосвязи составляющих ее компонентов, и субстанциональные, выражающие сущность морального сознания и нравственной практики. К структурным он относит категории: норма, принципы, оценка (самооценка), идеал, взгляды, знания, убеждения, чувства, привычки, обычаи, поступки (поведение), отношения. К субстанциональным — добро, зло, благо, справедливость, долг, совесть, честь и достоинство, счастье и смысл жизни²⁰. Подобная классификация привлекает тем, что в ней категории рассмотрены по структуре и содержательной значимости.

Несомненно, что этические категории могут классифицироваться и систематизироваться по различным признакам. Есть основания для систематизации основных понятий по признаку различения структуры и субстанции морали как предмета этики. Но есть основания и для систематизации категорий по составным частям этической науки, ее формально-структурным признакам. Этические категории могут быть систематизированы также на основе выявления их генезиса (происхождения и развития), по степени обобщенности и объемности заключенного в них морального содержания, по их субординации (выделению категорий с превалирующим значением) в определенных общественно-исторических условиях, по степени значения и всеобщности их ценностно-нормативного содержания, т. е. по их отношению к категории высшего блага для общества, и на основе других принципов классификации.

Из многообразных принципов классификации этических категорий я остановлюсь, и то довольно-таки кратко и схематично, лишь на одном: по степени обобщенности и объемности морального содержания. Какие же исходя из этого принципа складываются связи и отношения между категориями, какова их субординация?

²⁰ См. Проблемы категорий марксистско-ленинской этики, стр. 6.

Как было уже сказано, наиболее общим понятием, выражающим нравственное в целом, является категория добра. В истории этической мысли категория добра, пожалуй, больше других категорий привлекала внимание мыслителей. Во многом это объяснялось именно наибольшей объемом этого понятия, что создает трудности для его определения по содержанию и некоторую расплывчатость при использовании его в качестве норматива в так называемой практической морали. В нашей литературе, однако, категория добра долгое время не подвергалась специальному изучению. Обнаружились попытки отдельных авторов заменить категорию добра в качестве наиболее общего этического понятия категориями смысла жизни, моральной цели и др. Так, в своей книге «Этика» И. Попелова стремится обосновать замену категории добра (или, что, на взгляд И. Попеловой, то же самое — категории наивысшей моральной ценности) категорией моральной цели. Она пишет: «Понятие нравственного добра несет в себе груз метафизики и производит впечатление абсолютной неизменной сущности. Понятие наивысшей моральной ценности вызывает представление об окаменевшей иерархии ценностей, о принципе соблюдения строгого подчинения и подчиненности. Наоборот, понятие цели вошло в обиход коммунистической морали и отвечает способу мышления и выражения в родственных областях»²¹. Марксистско-ленинская этика, конечно, не может быть построена на использовании лишь одной, наиболее общей категории, категории добра. И в этой связи мысли И. Попеловой о значимости категории моральной цели в системе этических категорий заслуживают несомненного внимания. Но, не умаляя значения понятия цели, мы в то же время не можем согласиться с цитированным выше утверждением. Дело в том, что категория моральной цели, выступающая также в качестве категории нравственного идеала, в этическом аспекте значительно уже по своему содержанию, чем категория добра.

Действительно, по своему наиболее общему характеру категории добра ближе всего категория нравственного идеала. Моральный идеал воплощает в себе наиболее общие цели, потребности морального развития общества или класса. В нем выражены представления о нравственности будущего общества, ожидания лучшего (естественно, различные у разных классов). Нравственный идеал дает нам ответ на вопрос о смысле жизни, побуждает человека выполнять долг перед обществом. Никакая другая категория этики, исключая категорию добра, не может

²¹ И. Попелова. Этика. М., 1965, стр. 482.

воплотить в столь общей форме всю разносторонность нравственного содержания, хотя и ограниченного рамками устремленности в будущее. В нравственном идеале, как в фокусе, концентрируются (однако со значительной степенью абстрактности) представления обо всех сторонах поведения человека будущего. Благодаря идеалу они получают значение большой моральной цели и озаряются ореолом могучей привлекательности. Но идеал в сравнении с тем, что определяется как добро, имеет ту особенность, что он в известном смысле соотнесен больше с будущим, чем с настоящим: для настоящего он во многом имеет значение лишь некоего желательного, а не того, что есть обязательная норма.

Из краткого сравнения этих двух категорий уже становится очевидным, что категориями моральной цели и идеала не может быть вытеснена категория добра.

Какую бы категорию этики мы ни исследовали, она так или иначе связана с категориями добра и идеала как с категориями наиболее общими. Хочется особо подчеркнуть эту мысль, ибо в теории и практике систематизации категорий обычно не указывается источник и не показывается основа их взаимосвязи, их подчинения и соподчинения, основа их субординации. Этот источник и основа заложены, на наш взгляд, в высшем благе, а оно может быть определено как концентрация добра и идеала в конкретном проявлении.

Попытки установить реальную связь между категориями добра и блага в теориях прошлого не могли решить эту проблему. Поэтому в марксистской этике в настоящее время возникает двойная задача: определить содержание высшего блага как единства материальных и моральных ценностей и установить, какова взаимосвязь добра и высшего блага (она касается общественного интереса, потребностей социального прогресса).

Сами по себе категории добра и идеала остаются абстрактными до тех пор, пока их содержание не преломилось через классовый интерес той или иной социальной группы: благо для какого класса, благо одних как зло для других.

То, что предстает в моральной системе как добро (и идеал), будучи взято со стороны обязательности его реализации членами общества (более или менее конкретно в конкретных ситуациях для конкретных людей), выражается категорией долга. Он принимает вид содержательных моральных предписаний, обязательных для исполнения. Долг ориентирует человека на выполнение обязанностей перед обществом, на то, чтобы поведение индивида не противоречило, а соответствовало интересам общества, класса, к которому принадлежит индивид.

Содержание добра и идеала преломляется и через категории чести и достоинства. Здесь это содержание выражает в сравнении с долгом другую сторону: в нем внешнее для личности более органически соединяется с внутренним. С честью человека, с которой он связывает представление о своей репутации в глазах окружающих, тесно срастается личное достоинство как ощущение человека от его пребывания на известном моральном уровне. В категориях чести и достоинства очень ярко проступает внутренний момент. Во имя сохранения чести и достоинства человек может лишиться даже жизни, пойти на любую жертву. Исходя из общественной и личной оценки и самооценки, личность осознает свою значимость или ничтожность в обществе. Это осознание своей значимости в обществе, ценности и полезности для общественного развития и составляет специфику категории чести и достоинства.

Категории чести и достоинства неразрывно связаны с категориями долга и совести.

Свое поведение личность осознает, анализирует, оценивает, признавая его правильным или ошибочным. Этот самоанализ, оценка поведения отражаются в категории совести. Совесть, следовательно, есть отношение личности к своим поступкам, осознание своего поведения и действий. В категории совести отражены контроль и самоконтроль личности в оценке собственных поступков, причем эта оценка формируется под влиянием общественных представлений, общественного мнения, общественного морального сознания. Живя в соответствии с принципами своей социальной среды, класса, человек осознает это, контролирует, является ли его поведение нравственно положительным, все ли он делает в борьбе за доброе, в преодолении отрицательного, может ли его совесть быть спокойной.

Нравственное отношение личности к обществу неразрывно связано с индивидуальной и общественной оценкой всего, в чем это отношение проявляется, по критериям, выраженным в действующих в обществе нравственных нормах. Соответствие или несоответствие оцениваемому оценки, получаемой людьми в их действиях и проявляющейся также в том, как и чем вознаграждаются люди, находит выражение в категории справедливости. Как справедливое или несправедливое воспринимается всё, от кого и от чего исходит та или иная реакция на поведение людей, следовательно, не только отдельные люди, но также наличные экономические отношения, политические и правовые факторы, вся совокупность условий жизни.

Осознание ценности своей деятельности, приносимой обществу пользы вызывает огромное моральное удовлетворение лич-

ности, дает человеку полноту ощущения духовных сил — счастье. Счастье, таким образом,— это прежде всего моральное удовлетворение человека тем, что он смог достичь своих желаний в общественной и личной жизни, добиться той цели, к которой стремился. Если в широком смысле слова счастье мы понимаем как наиболее полное проявление физических и духовных сил человека в их общественном применении, то с точки зрения нравственности счастье — это нравственное удовлетворение достижением своих идеалов и жизненных целей.

Из данного изложения видно, что при анализе этических категорий, изучении их субординации наиболее общими по своему содержанию являются категории добра и идеала. Они как бы дают содержание всем другим категориям этики, конкретизируясь в них. В категории долга выступают конкретные моральные требования общества к личности. Поэтому категория долга является существенной характеристикой морального облика человека. Имеют свои существенные черты и другие этические категории, о которых мы уже говорили. Но это не означает, что нужно выделять какую-то одну из них как главную и в этом виде противопоставлять ее другим категориям (общее еще не всегда есть главное). Все категории этики составляют цельную взаимосвязанную систему, в которой каждая необходима и не заменяется другими. Вопрос о том, какой из них в первую очередь следует отдать предпочтение, если рассматривать их в плане этической теории,— надуманный и несправедливый. Его возникновение обычно объясняется просто преувеличением значения той или иной категории в процессе ее исследования в отрыве от других категорий.

В этической литературе до сих пор еще не окончательно вывелись высказывания, по которым в современных условиях строительства коммунизма долг будто бы занимает первое место в системе категорий этики, а при коммунизме будто бы это место перейдет к категории совести и т. д.

Несомненно, на какие-то короткие отрезки времени и в каких-то совершенно определенных коллективах в процессе воспитания может быть больше внимания обращено на воспитание либо долга, либо чести и человеческого достоинства. Но такое предпочтение одного другому в воспитательной практике, а в какой-то мере иногда и в практике нравственных отношений в общем аспекте не является выражением соотношения категорий в системе этики как науки. В процессе конкретного воспитательного воздействия на личность мы оперируем этими понятиями на уровне морального сознания, которое в конкретном применении выливается в свою определенную систему. Но эта система

не может быть механически отождествлена с системой этических категорий. Последняя формируется на основе своих особых закономерностей, через теоретическое обобщение наблюдений за действием разносторонних факторов, влияющих на нравственное развитие личности.

Например, в процессе нравственного формирования личности мы можем придавать первостепенное значение в определенных условиях долгу. При этом система моральных понятий примет определенную содержательную и формально-логическую структуру, которая изменится при изменении воспитательской установки в новых условиях. В этической теории нравственного воспитания, охватывающей все многообразие воспитательных ситуаций, а не какую-нибудь одну из них, систематизация категорий и понятий только на основе признания роли долга выглядела бы уже односторонней. Еще более односторонней и неприемлемой такая систематизация категорий стала бы для общей теории этики. Следовательно, хотя определенная систематизация категорий этики и должна намечаться в плане конкретного применения к нравственному развитию личности в зависимости от условий, этапов, периодов состояния и развития и личности, и самого общества, такая систематизация не может быть отождествлена с общей системой категорий этической науки.

Основанием для классификации и систематизации этических категорий могут служить, как было указано, и структура этической науки, ее составные части. Вопрос структуры этической науки далеко еще не разработан в нашей литературе. Поэтому мы не претендуем на его сколько-нибудь полное исследование, а лишь наметим отдельные проблемы, некоторые составные части этики как науки. Такими, на наш взгляд, являются: 1) общая теория этики; 2) этическая аксиология; 3) нормативная этика; 4) этическая теория нравственного воспитания.

Общая теория этики имеет своей задачей на основе методологии диалектического и исторического материализма дать объяснение сущности и содержания морали, ее социального назначения, специфики соотношения общественного бытия и морального сознания. Благодаря решению этой задачи конкретизируется и научное содержание самых общих абстрактных понятий — категорий этики. Исследование этических категорий и их использование лишь тогда становятся научными, когда они зиждутся на коренных методологических принципах научной этики.

Аксиологическая этика концентрирует в себе изучение всей совокупности моральных ценностей, всей ценностно-ориентирую-

шей структуры морально-этического. Это очень объемная задача. Она включает анализ моральных ценностей, использованных в процессе многовековой истории общества, выявления всего морально-положительного для современной эпохи. Обобщенные в категории аксиологической этики многочисленные моральные феномены по существу призваны дать ответ на вопрос о том, в чем смысл моральной ценности, каковы ее сущность и содержание, каково ее отношение к моральным принципам, действующим в том или ином обществе, на различных этапах. Однако было бы неправильно ограничивать содержание аксиологической этики лишь категориями добра, идеала, справедливости. Все категории этики и не только категории, но и понятия морали — принципы, нормы, правила поведения, нравственные черты и качества личности, которые анализируются этикой в процессе добывания научных доказательств и выводов, — имеют определенные стороны ценностного содержания. Поэтому только в абстракции можно разграничить ценностную и нормативную этику.

В соответствии с этим разносторонним содержанием аксиологической этики и исходя из него формируется и нормативная этика. Принципы, нормы, правила поведения, зафиксированные в определенном типе морали и обобщенные в этической теории по их содержанию, функциям, значимости, неразрывно связаны с ценностным истолкованием. Однако нормативная этика, получая ценностное значение, выделяется в самостоятельную область при изучении составных частей этики как науки.

Название нормативной этики должно показать, что процесс обобщения моральных явлений в этой сфере науки происходит на основе исследования конкретных нравственных норм, требований, нравственно-должного как узловых понятий нравственного сознания.

В этой связи представляются правильными в своем существе утверждения Л. М. Архангельского, который в статье «Структура морали и система структурных категорий в этике» пишет: «Нравственная норма — существенный фактор и морального сознания, и нравственной практики, рассматриваемых как в индивидуальном, так и в социальном плане, ибо именно норма (или отклонение от нее) характеризует типичное, нравственное значение поступка, поведения индивидов, как и устойчивое, ставшее закономерным в нравственных отношениях социальных или профессиональных групп, классов, общества в целом. В том и другом случае нравственная норма выступает как синтез духовного и практического в морали, воплощая в себе ряд взаимодей-

ствующих элементов морали»²². Нравственные нормы, принципы, правила как структурные понятия морали находят в сфере этической науки обобщение в нормативной этике. Если общая этическая теория в первую очередь касается связанных с моралью мировоззренческих вопросов, общественного характера морального сознания и его социального назначения, если ценностная и нормативная этика более затрагивают общие функции морали, то остается еще в этике сфера, относящаяся к путям перехода морального сознания общества в моральное сознание личности. Поэтому научная этика немыслима без теории нравственного воспитания и нравственного развития личности.

Традиционное понимание структуры этики постоянно исключало из нее эту часть, считая вопросы воспитания и развития личности предметом психологии и педагогики. Такое отдаление этики от психологии и педагогики, начавшееся века тому назад, отрицательно сказалось (и еще сказывается сейчас) на теории нравственного воспитания. Прав С. Л. Рубинштейн, говоря о том, что «внешне противопоставленное индивидуальному сознанию должное, моральное, общественно-значимое именно поэтому выпало из сферы психической реальности и психологического изучения»²³.

Отрыв теории нравственного воспитания от этики приводит к умалению практической значимости этической науки, к ослаблению роли ее научных выводов для разработки целостной системы морального воспитания и развития личности на основе анализа достигнутых результатов в области психологии, педагогики и других наук.

Исключение из состава марксистско-ленинской этики этической теории нравственного развития имеет место и в некоторых современных работах по этике. Так, Г. Д. Бандзеладзе пишет: «Этика не есть наука о формах и методах нравственного воспитания. Ее предмет — нравственность, а не нравственное воспитание, но было бы нарушением принципа марксистской партийности наук, если формально ограничимся масштабами исследуемого объекта и наглухо закроем за собой дверь в своей узкой профессиональной скорлупе. Этическое знание неотделимо от педагогического, познавательная функция — от воспитательной функции, поэтому этический анализ каждой добродетели и каждого порока логически должен переливаться в анализ методов и форм, путей и средств воспитания добродетелей и искоренения пороков. Этика в определенной части яв-

²² Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967, стр. 447—448.

²³ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 147.

ляется теоретической основой для педагогики, а педагогика является определенным средством реализации практического назначения этики»²⁴.

В том, что этика не есть наука о формах и методах нравственного воспитания, Г. Д. Бандзеладзе, несомненно, прав: ее предмет шире, больше. Но, говоря о морали как предмете этики, совершенно неправильно противопоставлять мораль нравственному воспитанию, ибо с нравственным воспитанием связано все действие морали, нравственности. Оно имеет теорию, принципы, структуру, систему. При объяснении добродетелей или пороков действительно можно дать только анализ форм, путей и средств воспитания. А какая же наука призвана объяснить теорию, принципы, структуру, систему нравственного воспитания? По мнению Г. Д. Бандзеладзе, этой наукой является педагогика. Но педагогика, несомненно, широко рассматривая проблемы нравственного воспитания (здесь вряд ли можно умалять ее роль), во-первых, имеет применимость для определенных возрастных границ в освещении этих проблем, во-вторых, рассматривает нравственное воспитание уже по итогам обобщения данных о моральном сознании. Что же касается создания этической теории нравственного воспитания, то это не входит в сферу педагогики как науки.

Поэтому этическая теория воспитания, т. е. изучение принципов теории, системы, структуры нравственного развития общества и личности, требует настоящей разработки именно в составе марксистско-ленинской этики.

Более конкретное специфическое преломление этическая теория воспитания находит в так называемых отраслевых этиках — в профессиональной этике, которая смыкается с этикой нормативной (как ее специализированная форма). За последние годы вопросы профессиональной этики активно разрабатываются учеными разных отраслей знаний. Это и педагогическая, и медицинская, и спортивная, и артистическая и другие многие виды профессиональной этики. В связи с тем что в этой области исследования накоплен значительный материал, он также требует углубленного теоретического обобщения.

Таким образом, проблема этических категорий и понятий, единства и различий их с моральными понятиями — проблема разносторонняя и многогранная. Ее изучение нужно для разработки всей этической теории, а также для создания наиболее эффективной системы нравственного воспитания личности, что имеет особое значение для формирования нового человека в современных условиях развитого социализма.

²⁴ Г. Д. Бандзеладзе. К вопросу о структуре учебника марксистской этики. — «Актуальные проблемы марксистской этики», стр. 475—476.

Методологические проблемы этики

Методологические вопросы этики в их общей системе до сих пор не получили развернутого изложения, хотя уже может быть назван целый ряд посвященных им марксистских работ¹. Иногда методологическую проблематику этики отождествляют с метаэтикой. Поэтому представляется целесообразным прежде всего выяснить, что же именно относится к методологическим проблемам этики, уточнить соотношение методологии и специальных методов научного исследования (методики), обсудить вопрос о метаэтике.

¹ См. Г. Селзам. Марксизм и мораль. М., 1962; Я. Энгст. Некоторые проблемы научной этики. М., 1960; Г. Бек. О марксистской этике и социалистической морали. М., 1962; И. Попелова. Этика. О исторической и современной проблематике нравственной теории. М., 1965; Т. В. Самсонова. Теоретические проблемы этики. М., 1966; В. А. Блюмкин. О методах этического исследования. — «Актуальные проблемы марксистской этики». Тбилиси, 1967; А. Ф. Шишкин, К. А. Шварцман. XX век и моральные ценности человечества. М., 1968; В. Момов. Методологические проблемы на стыках. — «Новое время», 1968, № 9; А. Г. Харчев, В. Г. Иванов. Об историзме в этике. — «Философские науки», 1969, № 1; К. Л. Шварцман. Теоретические проблемы этики. М., 1969; А. А. Киселев. В. И. Ленин и вопросы этики. Львов, 1969; Л. М. Архангельский. Лекции по марксистской этике, ч. I. Методологические проблемы. Свердловск, 1969; С. Ангелов. Марксистская этика как наука. М., 1973; О. Н. Крутова. Человек и мораль. Методологические проблемы ленинского анализа нравственности. М., 1970; Ленинское этическое наследство и современность, разд. VI (Методология этических исследований). Тамбов, 1971; М. Г. Писманик. Методологические аспекты этико-атеистической проблематики. — «Вопросы методологии естественного и социального познания». Пермь, 1972; Г. Ф. Надольный. Людина і мораль. Київ, 1972; Предмет и система этики. Москва — София, 1973; Диалектический метод и этика. Тюмень, 1974.

О метаэтике как методологии этики наиболее убежденно пишет среди марксистов польский автор М. Фритцханд, опубликовавший, в частности, книгу «Главные вопросы и направления метаэтики». Если обратиться к его собственной формулировке, он предлагает трактовать метаэтику как «теорию познания и методологию нормативной этики или, шире, этического рассуждения»². При этом он считает, что метаэтика входит в состав этики наряду с двумя другими особыми областями этой науки — нормативной этикой и этологией (последняя отождествляется в одном случае с теорией морали³, в другом случае — с наукой об обычаях⁴). К числу метаэтических М. Фритцханд относит три основные и некоторые «побочные» проблемы. Основные проблемы — это, на его взгляд, возможность обоснования или опровержения этических, т. е. нравственных, суждений, значение и природа этических определений (предикатов) и, наконец, вопрос, можно ли с известным смыслом приписывать этическим суждениям истинность либо ложность. А среди прочих проблем, относимых к метаэтике, называются свобода воли и моральная ответственность, а также предмет этических оценок, т. е. поведение, его мотивы и результаты⁵.

В советской литературе по существу не высказано более или менее определенных и аргументированных мнений относительно возможного состава метаэтики⁶.

² М. Fritzhand. Główne zagadnienia i kierunki metaetyki. Warszawa, 1970, s. 29.

³ См. там же, стр. 49.

⁴ См. М. Fritzhand. W kręgu etyki marksistowskiej. Warszawa, 1966, s. 200.

⁵ См. М. Fritzhand. Główne zagadnienia i kierunki metaetyki, s. 39—48. Марксист из ГДР Вольфганг Эйхгорн I представляет себе марксистскую метаэтику иначе. «Если мы... — пишет он, — разбираем научно-теоретические проблемы этики, то мы оказываемся в области метаэтики» (W. Eichhorn I. Wie ist Ethik als Wissenschaft möglich? Berlin, 1965, S. 28—29). В пояснение этого он дает схему соотношения морали этики и метаэтики, обозначая первую как O , «область объекта», вторую — как T_1 , «теоретическую область первой ступени», третью — как T_2 , «теоретическую область второй ступени, теорию относительно T_1 » (см. там же). Приемлемо ли такое понимание метаэтики и ее соотношения, с одной стороны, с этикой и, с другой стороны, с моралью, станет ясно из последующего изложения вопроса в данной работе.

⁶ Правда, по поводу предложенного В. Эйхгорном понимания метаэтики советские авторы В. П. Кобляков и Л. В. Коновалова пишут (без какой-либо аргументации): «Нам представляется, что эта точка зрения нуждается в уточнении в том смысле, что к метаэтике следует отнести вопросы, раскрывающие и обосновывающие специфику этики как науки. Метаэтическое знание — не некая новая наука, а наиболее высокий уровень философских обобщений в этике, ее методологическая проблематика» (Предмет и система этики. Москва — София, 1973, стр. 244). Далее они называют четыре комплекса проблем, охватываемых, на их взгляд, метаэтикой: проблемы обоснования

Чтобы судить, насколько оправданно изложенное выше понимание метаэтики, рассмотрим, что такое методология и что такое метатеория в их наиболее существенных чертах.

В задачи методологии входит выяснение таких общих способов подхода к материалу (таких методов), которые, будучи приняты как внутренние основы формирования теории, способствуют ее построению и развитию. От методики методологию отличает то, что она занимается методами, направляющими общий ход научного исследования и общее истолкование его результатов, тогда как в поле зрения методики попадают методы, являющиеся специальными приемами обработки конкретного материала и получения отдельных выводов, которые затем нередко истолковываются неоднозначно и которые поэтому могут служить материалом для различных, противоречащих одна другой теорий.

Без осознанно или неосознанно используемой методологии, без относительно цельной системы подхода к эмпирическому материалу не производится никакое широкое теоретическое исследование. Без нее оно лишается единства. В этом — общее значение методологии. Но история науки и, в частности, история этики свидетельствуют, что методология, принимаемая исследователем, может быть не только научной. Она бывает и ненаучной, даже антинаучной, уводящей в сторону от истины.

Не касаясь процессов научного познания, понимание которых необходимо, однако, для лучшего представления о роли методологии⁷, отметим главное: к методологии в первую очередь относится использование общетеоретических положений как руководящих идей, как направляющих принципов, как методов общего подхода к объекту в ходе изучения конкретных явлений, в ходе создания теорий. Само восприятие эмпирического материала при разработке любой теории, в том числе и этической, в массе неосуществимо без какого-то отбора и истолкования этого материала. Отбор же, т. е. фиксация одного и игнорирование другого, и истолкование, т. е. установление связи воспринимаемого с ранее принятым, могут производиться

этики как науки, учение о методах этического исследования, проблемы, связанные с обоснованием специфики категорий, понятий и терминов этики, и, наконец, проблемы, относящиеся к изучению внутренней структуры этического знания.

⁷ См. *П. В. Копнин*. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966; *П. В. Копнин*. Логические основы науки. Киев, 1968; *П. В. Копнин*. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969; *Д. П. Горский*. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966; *Б. М. Кедров*. Ленин и революция в естествознании XX века. М., 1969; *Б. М. Кедров*. Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971. См. также: *М. Бернштейн*. О письме Эйнштейна Жаку Адамару. — «Эйнштейновский сборник». М., 1967.

только под тем или иным углом зрения: в свете уже имеющих общих представлений. Стало быть, восприятие эмпирического материала и развитие в связи с ним научной теории возможны только на некоторой общей основе, хотя бы несовершенной и подлежащей проверке. Они производятся как приложение к частному общему, как конкретизация общего. Очень ясно и точно это выразил А. Эйнштейн: «Метод теоретика,— говорил он,— требует, чтобы в качестве фундамента были использованы общие предпосылки, т. н. принципы, из которых он может дедуцировать следствия... Пока еще не найдены принципы, которые могут служить основой для дедукции, отдельные данные опыта ничего не дают теоретику; ему нечего делать с отдельными эмпирически полученными общими закономерностями. Вернее сказать, он должен застыть в состоянии беспомощности перед единичными результатами эмпирического исследования, пока ему не откроются принципы, которые он может сделать основой для развертывания дедукции»⁸.

Первоначальное общее, абстрактное представление, откуда бы оно ни было воспринято формирующейся теорией, по ходу исследования в чем-то подтверждается, в чем-то опровергается, корректируется. В любом случае при апробации на эмпирическом материале, при обогащении им, конкретизируясь, оно поднимается на новый уровень. Исполняя роль исходного и направляющего, само оно не остается неподвижным абсолютом. Оно уточняется. Но, и корректируясь, уточняясь, оно остается направляющим — выполняет методологическую роль.

Такое понимание методологии ведет к заключению, что методологическим значением по отношению к этике, как и к другим конкретным наукам и науке вообще, обладает философия, ибо именно она содержит в себе и разрабатывает наиболее общие представления о мире. Общей методологической основой научной этики служит марксистская философия — диалектический материализм. Диалектико-материалистический подход к морали представляет собой важнейшую методологическую гарантию действительной научности марксистской этики, ее эффективности в раскрытии объективных законов функционирования и развития морали. Особое методологическое значение для этики — одной из наук общественных — имеют положения исторического материализма как конкретизации диалектического материализма в применении к изучению общества. Именно на этой основе получают научное объяснение такие, например, сущест-

⁸ Вступительная речь А. Эйнштейна 2 июня 1914 г.— М. Планк. Единство физической картины мира. М., 1966, стр. 209—210.

венные для этики явления, как ценностные отношения, единство и противоположность личности и общества и т. п.

Имеют методологическое значение для этических исследований и положения самой этики: всякое более общее положение служит в ней руководством, которому нужно подчинять (одновременно проверяя его) все частные, более конкретные выводы.

Вместе с тем такое понимание методологии позволяет лишь с большой условностью выделять ее проблемы как особые, самостоятельные проблемы науки: в действительности методологические проблемы всякой науки суть вообще ее общие проблемы, взятые лишь в особом аспекте — в аспекте, выясняющем значение общих положений как принципов, которым подчиняются частные положения при их включении в единую теорию науки. Поэтому, как о том верно пишет А. А. Зиновьев, «методология конкретной науки не есть в таком же смысле локализованная часть науки, как, скажем, органическая химия есть часть химии, а оптика — часть физики... Методология данной науки исчезает в теле самой науки, а не образует особое тело наряду с ней. Когда наряду с наукой вырастает еще особая наука, являющаяся ее методологией, это скорее признак неблагополучия этой науки или методологии науки (а возможно, и обеих), чем признак ее прогресса»⁹.

Интенсивно развивающиеся ныне метатеории, в связи с разработкой которых возникло и понятие метаэтики, имеют своей задачей нечто совсем иное, чем методология.

Метатеорией называют теорию, в которой определенная предметная теория — математическая, физическая, этическая или любая другая — на базе аксиоматически вводимых абстракций и логической символики представлена формальной системой (логическим исчислением, формализованным языком) и подвергнута логическому (логико-лингвистическому) анализу. Преобразование предметной теории в формальную систему осуществляется при этом через процедуры формализации. Переход же от формальной системы к предметной теории предстает как содержательная интерпретация формальной системы. Построение метатеории и все связанные с этим процедуры, являясь действиями формально-логическими и только таковыми, позволяют, когда они удаются, четче систематизировать содержание предметной теории, рационализировать ее понятийно-категориальный аппарат, прояснить характер взаимосвязей между различными ее положениями, обнаружить и сформулировать еще не решенные в ней проблемы, проверить ее положения со стороны

⁹ А. А. Зиновьев. Логика науки. М., 1971, стр. 259–260.

их логической доказательности. Благодаря этому метатеории служат средством подъема науки. Построение метаэтики на таких началах может считаться делом перспективным, обещающим.

Возможности формализации, однако, не беспредельны. Доказано, что производить ее тем труднее, чем большую роль в предметной теории играют не количественные, а качественные характеристики. На каждом этапе формализации в предметной теории остается некоторая неформализованная часть. «Полностью могут быть формализованы лишь элементарные теории с простой логической структурой и небольшим запасом понятий... Если же теория сложна, она принципиально не может быть полностью формализована...»¹⁰ Неформализуемый остаток в таком случае может включать основные научные положения теории. Этика принадлежит к числу наук, особо трудных для формализации. Так что не следует ожидать слишком многого от попыток построения метаэтики. Но и в ограниченном объеме логическое исследование этической теории может быть полезно.

Обсуждая возможности метаэтики, принимаемой в вышеуказанном смысле¹¹, надо специально обратить внимание на некоторые качества всякой метатеории, вытекающие из ее логической природы. В акте формализации научные положения предметной теории, так или иначе отражающие в своем содержании действительность, отрываются от своего объективного содержания и берутся условно, лишь как единицы формализованного языка, как термины-символы, участвующие в логических операциях, которые производятся по каким-то правилам. Задача открывать в самой действительности законы бытия явлений здесь, следовательно, оставляется в стороне. На ее место выдвигается задача по выявлению аксиоматических условий (условий допущения) для конструирования логически стройной, абстрактной словарно-синтактической системы, в которой термины по введенным правилам соединяются в высказывания. В своих формально-логических действиях метатеория абстрагируется не только от связи с эмпирической действительностью, но и от философии как общего осмысления действительности. В метатеории принципиально нет места никакой философии. Она не состоит ни в каком отношении к основному вопросу философии, поскольку «в фундаменте логики вообще и любых ее разделов не лежат никакие онтологические допущения»¹². Метатеория, метанаука — это, следовательно, ни в коем случае не развитие знаний

¹⁰ Л. А. Субботин. Формализация. — «Философская энциклопедия», т. 5. М., 1970, стр. 389.

¹¹ Такое ее понимание предложено, например, в работе: Ф. А. Селиванов. Этика. Томск, 1961, стр. 13.

¹² А. А. Зиновьев. Логика науки, стр. 23.

о предмете данной теории, данной науки, например, о морали. Это такая теория предметной теории, которая абстрагирована от предметного содержания последней. Это чисто формальное логическое построение. А потому метатеория не дает и не может дать никакой методологии для изучения действительности. Данный вывод распространяется, в частности, и на этику.

Конечно, метатеоретически препарированная и реконструированная формальная система при возвращении от нее в акте интерпретации к предметной теории доставляет исследователю абстрактный материал для возможного содержательного развития предметной теории — указывает на лакуны, на недостатки доказательности в каких-то звеньях теории и на прочие подобные моменты, вместе с чем исследователь возвращается, в частности, к методологическим проблемам. Но это, собственно, уже нечто лежащее вне компетенции метатеории.

Если вопреки указанному выше выводу метатеория начинает рассматриваться как методология науки, наука тем самым отрывается от действительности и выхолащивается.

Почему же и откуда в таком случае возникла идея трактовать метаэтику как методологию этики и метатеорию как методологию теории, науки? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории философии XIX—XX вв. Она покажет, что обоснование тенденций к отрыву науки от философии, а вместе с тем и от действительности, к превращению науки в самодовлеющую сущность, которая будто бы сама дает себе все критерии, составляет наиболее характерную черту вообще позитивизма и, в частности, неопозитивизма. Наука, с точки зрения позитивистов, будто бы может сама стать себе и философией, и моралью, быть самоцелью. «Наука,— писал уже в советское время один из сторонников позитивизма И. А. Боричевский,— в ее всеобъемлющем целом самодовлеюща; она сама устанавливает свою философию, свою теорию познания, свое учение о сущем, свое учение о высшем благе»¹³. Такой взгляд на науку является так называемым сциентизмом, сциентаризмом. При попытке практической реализации он в итоге оборачивается обезжизниванием науки. Для сторонников такой ориентации науки — для неопозитивистов — развитие теории метатеорий явилось своеобразной находкой, которая предоставила им известные новые возможности пропагандировать их идеи. Неопозитивисты Р. Карнап, Г. Рейхенбах, Б. Рассел и др. приняли активное участие в развитии теории метатеорий и умело использовали ее в интересах подрыва доверия к философии, в интересах подме-

¹³ И. А. Боричевский. Введение в философию науки. Пб., 1922, стр. 107—108.

ны философии формальной логикой. Кстати, понятие метаэтики пришло в марксистскую литературу из работ именно неопозитивистов, и задача освобождения этого понятия от неопозитивистских наслоений не может недооцениваться.

Максимальной гарантией подлинной научности теории неопозитивисты изображают ныне проверку ее посредством соответствующих логических построений, метатеорий, будто бы заменяющих философию и становящихся методологией науки¹⁴. Таким образом, современные позитивисты, отрицающие объективное значение положений науки, замыкают ее в самой себе, «закрывают ей,— как пишет П. В. Копнин,— выход во внешний материальный мир», навязывают ей критерии, имеющие основу «не в объекте, а в субъекте и прежде всего в языке науки. Их главной мыслью является утверждение, что анализ науки означает прежде всего исследование ее языка»¹⁵.

Одним из результатов применения неопозитивистских установок к научной практике является восприятие предметной теории, науки, над которой вырастает метатеория, лишь своего рода преддверием подлинной науки, а не наукой в собственном смысле. Неопозитивистские авторы, например, всячески содействовали распространению мнения, по которому «нормативная этика», непосредственно занимающаяся моралью, ее обоснованием,— не наука, а подлинная наука — это метаэтика, занимающаяся лишь языком морали и логико-этическими проблемами, но не самой моралью.

Было бы неправильно утверждать, что в работах неопозитивистов нет ничего положительного для научной этики. Логический анализ категориального аппарата этики, этических и моральных суждений, на который они направили внимание исследователей, позволил по-новому поставить ряд вопросов. Но стремление неопозитивистов свести методологические проблемы этики к логическому анализу некоего формализованного языка в целом выражает тенденцию к отрыву этики от изучения реальных явлений и закономерностей моральной жизни общества и потому антинаучно.

Выясненное заставляет считать неверной в научном отношении мысль о метаэтике как о «теории познания и методологии» этики или как о ее выделенных в особую область «методологических и логических проблемах». В своем рациональном содер-

¹⁴ «...На место не поддающегося распутыванию комплекса проблем, который называют философией,— утверждал Р. Карнап.— выступает логика науки» (*R. Carnap. Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934, S. 205*).

¹⁵ П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика, стр. 396.

жании, т. е. в качестве логической теории этики, метаэтика не может включать в себя и решать каких бы то ни было методологических проблем этики. Методологические же проблемы этической науки составляют особую, относительно самостоятельную, но не локализуемую, как о том уже говорилось, ее область — такую область, которая является скорее некоторым аспектом этики, нежели обособленным набором относящихся к ее содержанию вопросов.

В этой связи представляется необходимым констатировать, во-первых, что методологические проблемы этики никак не ограничиваются теми, которые М. Фритцханд перечисляет в качестве проблем метаэтики, во-вторых, что произведенное им деление проблем на основные и побочные не выдерживает критики (такая, например, бесспорно основная проблема этики, как соотношение свободы и необходимости, которая имеет очень важный методологический аспект, оказалась у М. Фритцханда побочной), в-третьих, что к собственно метаэтическим, т. е. связанным с выяснением логической структуры морали и этики, должны быть причислены не только названные М. Фритцхандом, но и многочисленные иные проблемы, в-четвертых, что ни мораль, ни этика не имеют своей особой теории познания, хотя обладают своими гносеологическими аспектами, как входящими в сферу внимания метаэтики, так и остающимися вне нее, и, наконец, в-пятых, что деление этики на этологию, нормативную этику и метаэтику не оказывается достаточно обоснованным. Во всей трактовке М. Фритцхандом и метаэтики, и методологии этики явственно влияние неопозитивизма, положительное значение которого для этики этот автор переоценивает¹⁶.

Изучение того, в каком отношении метаэтика состоит к методологии этических исследований, приводит к необходимости осветить также, хотя бы лишь в целом, вопрос о специальных методах научного исследования предмета, которые этика, как и многообразные иные науки, повседневно использует: о таких, например, методах, как идеализация, обобщение, экстраполя-

¹⁶ Свое изложение метаэтики М. Фритцханд не противопоставляет ее трактовке неопозитивистами, а, наоборот, основывает на ней. Он постоянно оперирует ссылками на высказывания неопозитивистов и их аргументами. «Разделяя в целом возражения марксистов против эмотивизма,— пишет он о себе,— я не разделяю, однако, totalmente негативной оценки этого направления. Эмотивизм имеет, по моему представлению, и свои хорошие стороны, в некоторых отношениях даже сближается с марксизмом...» (М. *Fritzhand*. *Główne zagadnienia i kierunki metaetyki*, s. 413). Совершенно неkritичен М. Фритцханд и к работе принадлежащего к группе «Праксис» югославского философа Свезара Стояновича «Современная метаэтика» (S. *Stojanović*. *Savremena meta-etika*. Beograd, 1964).

ция, структурный, функциональный, системный подходы к объекту, моделирование, кибернетические методы и т. д. Как соотносятся с методологией они?

В нашей литературе использование этикой специальных научных методов освещено совершенно недостаточно¹⁷. Иногда высказываются противоречащие одно другому мнения о применимости отдельных методов. В. Г. Иванов и Н. В. Рыбакова находят, например, что в этике невозможен никакой серьезный эксперимент¹⁸, с чем не согласны другие авторы. Л. М. Архангельский об изучении взаимодействующих компонентов морали пишет: «Структурно-функциональный анализ является специфическим методом постижения истины в данном аспекте этических исследований»¹⁹. Но монополия лишь одного из многих методов на приложимость в данном аспекте исследований объясняется здесь, по-видимому, без достаточного основания: принципиально недопустимо отказываться от возможности получить новые результаты в какой бы то ни было области вследствие применения ранее не использовавшихся методов. Прав, как можно думать, А. Ф. Шишкин, утверждающий, что вопросы методики исследования (а использование специальных научных методов относится именно к методике) «не имеют самодовлеющего значения»²⁰: исследователь может применять в этике те методы и приемы накопления материалов и их последующей обработки, которые ему представляются подходящими для конкретной научной цели. Расширение применяемых методов обязательно ведет к обогащению науки новыми выводами. Но в общем плане большее значение для развития теории имеет не то, какие в данном случае использованы исследователем специальные научные методы, а то, соблюдены ли при этом определенные условия их использования. Важнейшее среди таких условий — подчинение всего исследования научной методологии, марксистско-ленинским методологическим установкам.

¹⁷ Помимо лаконичных параграфов или их частей в некоторых курсах этики этому посвящены статьи А. Г. Харчева «Мораль как предмет социологического исследования» («Вопросы философии», 1965, № 1) и В. А. Блюмкина (указана ранее), тезисы Л. А. Зеленова «Ленинские методы исследования морали» и М. Г. Писманика «К методологии социологического исследования нравственности» (см. Ленинское этическое наследство и современность. Тамбов, 1971), а также в какой-то мере раздел «Опыт конкретных социальных исследований в области морали» (Вопросы марксистско-ленинской этики. Тамбов, 1966).

¹⁸ См. В. Г. Иванов, Н. В. Рыбакова. Очерки марксистско-ленинской этики. Л., 1963, стр. 21.

¹⁹ Л. М. Архангельский. Лекции по марксистской этике, стр. 23.

²⁰ А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики. М., 1961, стр. 49.

Таково в целом соотношение методологических проблем этики, проблем применения в ней специальных методов научного исследования и метаэтики. С уточнением этого возможно перейти к рассмотрению относительно конкретных основных методологических проблем этики. Как уже было подчеркнуто, они связаны прежде всего с философским осмыслением действительности.

Общее понимание морали

Философский подход к действительности составляет необходимую предпосылку для этики прежде всего потому, что дает ей общее понимание ее предмета — морали, которое, развиваясь по мере разработки теории, в зависимости от получаемых результатов, служит главным руководством при любом конкретном этическом исследовании.

Мораль, что достаточно очевидно, существует не как автономная субстанция, а как особая принадлежность мира, обнаруживающаяся во взаимодействии с иными его проявлениями. Поэтому и общее понимание морали образуется не в итоге ее совершенно обособленного рассмотрения, а при ее восприятии в системе мира — как составная всего мировоззрения человека. Иными словами, общее понимание морали возникает не внутри этики, которая никогда не была и не может быть вполне изолированной дисциплиной, а из несравненно более широкой сферы знания. В этике оно лишь конкретизируется, расширяется и углубляется, превращаясь в развернутую теорию. В том же своем виде, в каком такое понимание обнаруживается даже у только еще приступающего к этическим исследованиям человека, оно складывается главным образом в результате мировоззренческого решения задачи, формулируемой в философском по своему качеству вопросе (с учетом его предметного содержания можно сказать: в этико-философском вопросе) об онтологической природе морали, и, следовательно, исходит непосредственно от мировоззрения, от философских взглядов человека.

Различные аспекты указанного вопроса, определяющиеся по мере углубления в предмет, касаются места морали в целокупности бытия, ее истоков, ее сущности, а тем самым и ее специфики и роли в общественной жизни²¹. Этика непосредственно

²¹ В современной буржуазной этике существует попытка объявить основным философским вопросом этики вопрос о гносеологической природе морали. Так, Бернард Мейо пишет: «Глубочайший спорный вопрос и наиболее резкое противоречие в современной моральной философии — между теми, кто утверждает, и теми, кто отрицает, что моральные суждения могут быть истинными и ложными» (*B. Mayo. Ethics and the Moral Life.*

обращается в данном вопросе к философии как к своей методологии, ибо ответ на него возможен лишь вследствие приложения к морали представлений о мире вообще (и человеке в мире). В отрыве от общего мировоззрения этика была бы не в состоянии найти ответ на данный вопрос, т. е. и сама была бы невозможна.

Когда перед нами возникает необходимость уяснить (а она обсуждается и в марксизме, и в буржуазных теориях, особенно в неопозитивизме), является ли этика действительно наукой и при каких условиях превращается в таковую²², мы можем разобраться в этом, только если устанавливаем, на основе какого общего понимания морали этика создает свою теорию, пользуется ли она научной методологией. До возникновения марксизма и до его распространения на этику она не была в строгом смысле слова вполне научной дисциплиной именно потому, что еще не опиралась на правильное, адекватное действительности, понимание морали.

История этики знакомит нас с различными способами общего понимания морали. Среди них особое внимание привлекают натуралистическое, в соответствии с которым мораль будто бы есть природное явление и врождена человеку, рационалистическое, относящее мораль к изобретениям человеческого разума, религиозное, по которому мораль имеет божественную природу и дана людям «свыше», богами или богом, далее, такое понимание, которое трактует мораль как не сводимый абсолютно ни к чему ни в чем и не объяснимый ни из чего феномен (эту концепцию можно условно назвать уникалистической), наконец, естественноисторическое, т. е. историко-материалистическое, марксистское. Любая этическая система так или иначе апеллирует к этим способам понимания морали, руководствуется

London, 1958, p. 69). Отдавая должное большому значению данного вопроса, следует подчеркнуть, что по его решению все же не определяется принципиальная граница между этическими направлениями. Так, сам Б. Мейо вместе с большинством неопозитивистов отрицательно отвечает на данный вопрос, а, например, неотомисты, К. Байер, неопозитивисты Г. Д. Эйкен и С. Тулмин — положительно (К. Baier. *The Moral Point of View*. Ithaca, 1958, p. 77ff; H. D. Aiken. *The Concept of Moral Objectivity. — Morality and Language of Conduct*. Detroit, 1963, p. 102—103). Среди марксистских авторов, как особенно явно это раскрывают дискуссии, прошедшие и еще идущие по этому вопросу в последние годы в нашей стране, в Англии, Польше, ГДР, Болгарии, имеются как сторонники, так и противники мнения о приложимости к морали, в частности к моральным суждениям, критериев истинности. О состоянии этого вопроса в советской этической науке см.: А. И. Титаренко, Г. Ф. Карвацкая, В. А. Тимов. Этика: проблемы и перспективы. — «Философские науки», 1972, № 4.

²² В этом отношении особенно характерна упомянутая выше книга В. Эйхгорна «Как возможна этика в качестве науки?» (W. Eichhorn *1. Wie ist Ethik als Wissenschaft möglich?*).

ими — каким-нибудь одним из них или чаще всего одновременно несколькими.

Названные выше способы понимания морали состоят, естественно, в тесной зависимости от главных направлений философии: в общем плане натуралистическая концепция так или иначе оказывается вариантом вульгарного материализма в его применении к этике, рационалистическая — проявлением субъективного идеализма, религиозная, супранатуралистическая — объективно-идеалистической, уникалистическая — агностической, а марксистская — диалектико-материалистической. Оно и понятно. Ведь указанный выше этико-философский вопрос представляет собой фактически только специальное применение основного философского вопроса к предмету этики. Иначе и нельзя определять онтологическую природу морали, кроме как в связи с общим пониманием бытия, мира, т. е. в связи с ответом на основной вопрос философии.

Натуралистическая концепция²³ послужила основой для разработки многих этических систем, в том числе и для имеющих хождение в современной буржуазной этике. К данному направлению этической мысли принадлежали Ч. Дарвин и его последователи, среди которых наиболее видными были К. Каутский и П. А. Кропоткин. Натуралистами в этических выводах являются по существу все теоретики расизма, например Ж. Гобино, Л. Гумплович. К натурализму должны быть причислены и имевшие каждый свои особые варианты этических представлений Ф. Ницше и З. Фрейд, а в новейшей буржуазной науке — также представители так называемой этологии.

Приведем ради примера несколько характерных высказываний Ч. Дарвина. В знаменитом труде «Происхождение человека» он писал: «...едва ли можно спорить против того, что у низших животных моральное чувство является инстинктивным или врожденным; и почему же не быть тому же самому и для человека?» — «Только допуская наследственную передачу нравственных склонностей, мы в состоянии понять различия, которые в этом отношении предполагаются существующими между различными расами человечества... Мы вправе ожидать, что добродетели разовьются и станут, может быть, постоянными благодаря наследственности»²⁴. Нам нет необходимости про-

²³ См. о ней статьи И. Лазари-Павловской, Е. Врублевского, К. Гржибовского в сборнике «*Etyka*» (Т. 6. Warszawa, 1970).

²⁴ Ч. Дарвин. Соч., т. 5. М., 1953, стр. 215, 237—238. См. также стр. 650. Ч. Дарвин выдвигал и ряд иных идей относительно морали, не сводящихся к этическому натурализму. У него не было абсолютно цельной концепции. Аналогичное можно утверждать и о большинстве других авторов-немарксистов. Это, конечно, не ликвидирует самого

слеживать, в каких формах натуралистическая концепция проводится в других учениях, доходя до обоснования современными этологами так называемого кодекса биологической морали²⁵. Для наших целей достаточно уже полученного нами свидетельства, что она на самом деле вполне жизненна и еще диктует свои методологические установки немалому числу авторов, занимающихся этическими проблемами.

То же самое приходится сказать и о рационалистической концепции. Она также насчитывает в своей истории около двух с половиной тысячелетий, восходя ко времени древнегреческих софистов Протагора и Фрасимаха и не утрачивая силы влияния до наших дней. В наиболее откровенных и чистых формах этический рационализм воплощен в идеях просветителей XVII—XVIII вв. Основоположниками моральных систем просветители того времени считали философов, мудрецов, законодателей и с подкупающей непосредственностью высказывали надежду на скорейшее рождение мощного гения, который сможет придумать абсолютно наилучшую систему, которую затем благодарные народы введут в действие на условиях общественного договора. «Какой-нибудь автор сделает открытие в этой области»²⁶, — заверял К. Гельвеций. Современные теоретики, продолжающие данную традицию общего понимания морали, главным образом в неопозитивизме, с его конвенционалистическими установками, высказываются осторожнее. Так, У. Франкена туманно говорит о «межсубъективной действительности», о «межсубъективной значимости» (*intersubjective validity*)²⁷ моральных норм. Но истинный смысл такой идеи заключается в утверждении лишь условно-субъективной, конвенциональной, т. е. «рациональной», природы морали.

Общезвестны религиозные учения этики, основанные на христианской, иудейской, мусульманской и прочей догматике или, как у И. Канта, на недогматических представлениях. По этим учениям человек морален в силу того только, что таким его создал бог, от которого он получил и заповеди нравственности. Нравственный порядок, утверждается, например, в папской энциклике «*Mater et Magistra*» (1961), «имеет основой только бога, оторванный от бога, он распадается»²⁸.

факта присутствия этического натурализма в работе Ч. Дарвина или иных концепций в работах иных авторов.

²⁵ См. R. Ardrey. *The Territorial Imperative*. N. Y., 1966, p. 76—80, 100.

²⁶ К. Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и воспитании. М., 1937, стр. 353.

²⁷ W. K. Frankena, *Recent Conceptions of Morality*. — *Morality and Language of Conduct*, p. 6.

²⁸ «*Mater et Madistra*». «Мать и наставница» (Ватиканская типография, 1962, стр. 59).

Относительно нова этическая концепция, выше условно названная уникалистической. Наиболее характерно для нее учение, изложенное в книге Дж. Мура «Principia Ethica» (1903) и по своему общему содержанию интуитивистско-неопозитивистское. Оно, как справедливо замечает прогрессивный философ М. Бунге, «отказывается объяснять и освещать (например, с точки зрения психологии, социологии или истории) этические термины, нормы и суждения, а также суждения ценностей и отрицает возможность как эмпирического, так и рационалистического оправдания или обоснования их»²⁹. Дж. Мур признает мораль совершенно исключительной сущностью, природа которой непостижима и установки которой улавливаются людьми иррационально, интуитивно. Впрочем, в существенных аспектах, возводящих своеобразие морали в степень неразгадываемой загадки, чего-то необъяснимого, эта концепция намечалась еще Д. Юмом и И. Кантом, а в античной традиции — еще Пирроном³⁰.

Убеждаясь в распространенности перечисленных немарксистских этических концепций (типов общего понимания морали), мы оказываемся перед необходимостью выяснить, плодотворны ли они в качестве методологического руководства, обеспечивают ли они этике достижение истины о морали. Чтобы увидеть и высказать, что все они в научном отношении несостоятельны и к истине не ведут, сегодня уже не требуется никаких открытий. Взаимная критика их сторонников, особенно к настоящему времени, продемонстрировала это достаточно убедительно, хотя она и не могла быть доведена до конца без положительного, подлинно истинного выяснения общей природы морали. Показательно в данном отношении приятие буржуазными авторами результатов данной Дж. Муром критики «натуралистической ошибки» в истолковании морали. Показательно и широкое признание общего кризиса современной немарксистской этической мысли, уже осознающей (не без попыток превратного объяснения, конечно) свою неспособность раскрыть сущность морали и законы ее развития. Окончательное доказательство ложности немарксистских концепций морали выпало на долю марксизма и содержится в самом факте разработки научного понимания общей природы морали. Разработка этого понимания стала возможной благодаря тому, что марксизм подошел к ней впервые с позиций диалектико-материалистического, историко-материалистического мировоззрения.

²⁹ М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967, стр. 34.

³⁰ См. И. С. Нарский. Давид Юм. М., 1973, стр. 101—114; Л. И. Котов. Прогресс или деградация нравов? Свердловск, 1971, стр. 59.

Констатируя это, необходимо, однако, подчеркнуть, что решающий вклад марксизма в создание научной этики стал возможен по меньшей мере вследствие ряда взаимосвязанных обстоятельств: ввиду формирования и пробуждения к активной общественной жизни пролетариата — класса, который в силу своих социальных интересов и соответствующих идеологических задач нуждается в строгом научном представлении о морали и иных общественных явлениях и не имеет оснований искаженно изображать эти явления, маскировать их действительную сущность и общественную роль; ввиду возникновения диалектико-материалистического и историко-материалистического мировоззрения, марксистской методологии познания действительности; ввиду самообнаружения бесплодности немарксистской этики, которая вместе с тем все же уже накопила богатый фактический материал и опыт различных попыток его осмысления.

Марксистское общее понимание морали есть бескомпромиссное отрицание всех других типов ее понимания. Одновременно оно воспринимает и на новой основе развивает рациональные зерна, положительные элементы итогов опыта всех немарксистских концепций морали.

Уточним, что это значит. Мораль, вне сомнений, неотъемлемо присуща людям и как индивидам, и как совокупному человеку, человечеству: она специфически человеческое явление. В этом смысле она есть проявление его природы, и отрицать этого нельзя. Но вопреки этическому натурализму ее конкретное развитие в виде исторически сменяющихся моральных систем не может быть объяснено одними природными факторами: их для этого более чем недостаточно. Оно обусловлено факторами общественными, историческими, находящимися выше чисто природных явлений, вне поля зрения натурализма.

Мораль, бесспорно, имеет и рациональную природу, что совсем не означает ее зависимости только от разума человека, но означает лишь то, что ее требования и оценки, хотя они и не плод произвольного конструирования разумом человека, всегда должны быть убедительны для человека, пользующегося ими, и не могут без разумного обоснования противостоять иным по содержанию моральным требованиям и оценкам. Когда в жизни общества действующие моральные системы заменяются другими, их замена происходит не иначе как через критику старой морали и демонстрацию преимуществ, достоинств новой, т. е. при участии и через посредство разума.

Мораль и уникальна как явление, но не больше и не меньше, чем любые другие специфические явления. Она уникальна не в смысле полной независимости от прочих явлений мира и невоз-

возможности ее постижения, а только в смысле ее самостоятельного места в системе бытия. Она своими специфическими чертами отличается от всего прочего, развивается на основе не только общих с другими явлениями, но и своих собственных, только ей свойственных, закономерностей и влияет на людей по-своему, не как другие явления.

Все положительное из старых концепций наследуется марксистским пониманием морали. Но оно преемствуется в существенно переработанном и восполненном совершенно новыми идеями виде. Поэтому марксистское понимание морали и является закономерным продолжением и развитием прежних концепций морали. Без них и до них оно было бы невозможно: их появление и самоисчерпание создали необходимую почву для его возникновения. Но оно было бы невозможно, если бы не стало и их преодолением.

Основу марксистского — естественноисторического — общего понимания морали составляют установление ее общественной сущности и ее отнесение к разряду надстроечных явлений. Иначе говоря, онтологическая природа морали, по диалектико-материалистическому воззрению на мир, — надстроечная.

В настоящей работе нет нужды подробно объяснять, что под этим подразумевается. Ограничимся лишь тем, что отметим следующее. Для явлений общества, а следовательно, и для надстройки характерны не чисто природные закономерности, в условиях действия которых общество в полной мере остается, а его особые — общественные, естественноисторические — закономерности, выделяющиеся и обособляющиеся среди природных. *Естественноисторическими* они именуются в марксизме для фиксации их не абсолютной, а относительной противопоставленности естественным, природным. Вместе с последними (как их совершенно специфическая группа) они объективны, неустранимы, имеют тотальное, всеподчиняющее по отношению к соответствующим общественным явлениям действие. *Естественноисторическими* же они именуются ради необходимости подчеркнуть их, хотя и относительную, все же вполне определенную специфику рядом с чисто природными, связанную по преимуществу с их особым проявлением на каждом отдельном этапе исторического развития общества. Поэтому для понимания общества имеет громадное значение понимание его исторических, по особым законам развития сменяющих одна другую, формаций.

Общественные формации складываются как исторические единства различных взаимозависимых компонентов общественной жизни: производительных сил общества, затем обусловленных ими производственных отношений, составляющих экономи-

ческую структуру общества, и, наконец, возвышающихся над этой структурой, как над своим базисом, надстроечных явлений — общественного сознания, а также соответствующих ему идеологических отношений между людьми и различных общественных учреждений. Каждый из перечисленных компонентов общественной жизни играет в ней особую роль, активно влияя на все остальные. Но главное в их соотношении — то, что производительные силы выступают как первичные по отношению к производственным отношениям, а эти последние — как первичные по отношению к надстройке, детерминируя таким образом ее реальное содержание, хотя и в пределах сохранения ее специфики, ее внутренних закономерностей.

Так в общем миропонимании марксизма определяется общее понимание того, что называется надстройкой. Так, следовательно, в системе марксистского миропонимания определяется и природа морали — одного из надстроечных явлений. Марксистское понимание морали как надстроечного явления, в корне отличное от всех иных способов ее общего истолкования, но воспринимающее в себя в критически переработанном виде все их рациональные зерна, и составляет в области этики наиболее общую исходную основу, методологическое руководство для ведения всех действительно научных исследований, для создания марксистской теории морали.

Этика, например, имеет своей задачей установить, каковы формы исторического развития морали. Методологическим руководством в изучении этого выступает прежде всего представление о принадлежности морали как надстроечного явления к общественным формациям различного типа. Конкретное изучение фактического материала именно под этим углом зрения позволяет среди колоссального многообразия проявлений моральной жизни, непосредственно связанных с историей лишь отдельных народов на отдельных ее этапах, выявить моральные системы определенных типов. Они-то и рассматриваются при этом как главное, существенное в моральном развитии человечества. Так, Ф. Энгельс, подходя с позиций общего марксистского мировоззрения к явлениям морали в странах Европы прошлого столетия, определил ее главные системы («теории»), а также некоторые их более частные формы и связал их с прочими историческими факторами. «Какая мораль,— писал он,— проповедуется нам в настоящее время? Прежде всего христианско-феодалная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую, причем здесь опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитско-католической и ортодоксально-

протестантской до либерально-просветительской морали. Рядом с ними фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последней — пролетарская мораль будущего; таким образом, в одних только передовых странах Европы прошедшее, настоящее и будущее выдвинули три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий морали»³¹. Аналогичным образом, прилагая общее понимание морали к конкретным ее проявлениям, марксистская этика определяет и вообще все основные моральные системы, а затем также их модификации для всех периодов истории человеческого общества, позволяя науке изучать факты моральной жизни без путаницы в существенном и несущественном, необходимом и случайном.

Этика имеет своей задачей также изучение конкретных функций морали. Методологическим руководством и здесь служит представление о морали как надстроечном явлении, обуславливая рассмотрение морали в сопоставлении с правом, политикой и иными надстроечными явлениями не безотносительно к прочим явлениям общественной жизни и не в случайном сравнении с ними, а прежде всего в зависимости от производственных отношений данного общества и в ее роли прежде всего именно по отношению к ним.

Словом, любое исследование морали получает научное значение и ведет к установлению более глубокой истины о ней лишь постольку, поскольку оно согласуется с приобретенным благодаря марксистскому миропониманию общим представлением о морали и уточняет, развивает его. Отклонение от этой методологической установки неизбежно приводит исследователя к тому или иному немарксистскому пониманию морали, к ошибочным выводам. Таково общее методологическое значение марксистского понимания природы морали как надстроечного явления. Благодаря ему мы получаем возможность успешно подвигать вперед этические исследования, исправлять допускаемые ошибки, а также бороться против антинаучных течений в этике.

На последних двух аспектах значения марксистского понимания морали сто́ит специально остановить внимание.

Современная буржуазная этика, по причине своей зависимости от идеологических целей буржуазии, отрицает марксистское направление: в этике, стремится подорвать доверие к его достижениям, настойчиво выдвигает все новые и новые свои теории, продолжая ожесточенно бороться. Это противник не мертвый, а живой и весьма деятельный. Эффективным средством раскрытия принципиальной научной несостоятельности всех новых, как

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 94.

и всех старых, выступлений буржуазной этики является выяснение лежащих в их основе общих представлений о природе морали, которые в них бывают затенены какими-либо «новациями». Такой подход к делу убеждает, что всякое новое в буржуазной этике оказывается в своем существе лишь возобновлением старых, теоретически несостоятельных позиций. Так, неопозитивизм проводит в этике тенденции рационалистического и уникалистического понимания морали (субъективного идеализма и агностицизма), экзистенциализм — рационалистско-солипсистские и т. д. Выявление этого, конечно, — еще далеко не все, что нужно для борьбы против подобных учений. Должны вскрываться еще и их социальная сущность, и многое другое. Но это — методологическая основа их критики в гносеологическом и онтологическом планах.

Перед научной этикой стоит также задача борьбы с ошибочными уклонами внутри нее. Ошибки такого рода возникают при столкновении с внутренними противоречиями явлений — из-за односторонности в восприятии противоречий и невольного их упрощения. Не подчинив понимания наблюдаемых частных фактов уже проверенному на других случаях пониманию морали, исследователь логикой своей ошибки подвигается к конструированию неверного общего представления о природе морали. Действенный способ выправить такую ошибку — возврат к проверенному общему представлению, поиски объяснения явлений именно на его основе (при необходимости — с его уточнением и развитием), показ того, что замена общего представления ведет к неверной трактовке явлений.

В современных условиях, когда марксизм уже разработан глубоко и в самых разнообразных предметных направлениях, когда марксистская этика уже накопила значительный опыт и превратилась в развернутую науку, внутри марксистской этики представляют наибольшую опасность, по-видимому, не идеалистические и агностические представления, несостоятельность которых стала уже чрезвычайно очевидна, а вульгарно-материалистическое, натуралистическое представление о морали. Оно состоит в недооценке социального содержания морали и переоценке ее биологической основы.

Последним случаем уклона в этический натурализм можно считать статью одного из специалистов в области генетики человека, В. П. Эфроимсона, «Родословная альтруизма. (Этика с позиций эволюционной генетики человека.)»³² Заслуживает серьезного изучения указание В. П. Эфроимсона на природную

³² «Новый мир», 1971, № 10.

этичность (т. е. моральность) человечества — на наследование этических (нравственных) реакций, на сложный комплекс этических (нравственных) эмоций и инстинктов, «подхватываемых отбором в условиях той специфики существования, в которую заводило человечество увеличение лобных долей мозга»³³. Однако В. П. Эфроимсон неправ, когда утверждает, что и само содержание морали (моральность человека уже не как невозможность для него жить в условиях отсутствия какой-либо, той или иной, морали, а как ориентированность на конкретные нормы) определяется биологически — законами естественного отбора и наследственности. Он, например, пишет, что на форму группового отбора опирался истребительный обычай кровной мести, что этим же отбором поддерживался принцип «все за одного, один за всех», что «естественным отбором заложены основы для внутриплеменной этики» (т. е. морали), что для распространения на все человечество этой этики (морали) достаточно «лишь внешнего стимула», что под действием естественного отбора направленно развивались и входили в фонд наследственных признаков человека «эмоции человечности, доброты, рыцарского отношения к женщинам, к старикам, к охране детей», что естественный отбор «вырабатывал альтруистические эмоции и этику тогда, когда она могла опираться на большинство и действовать в согласии с большинством» (кстати, такую этику, т. е. мораль, автор называет общечеловеческой), но что этот отбор не мог выработать этику (мораль, нравственность), «устойчивую к обольщивавшей технике жрецов, священников, расистов, фашистов, хунвейбинов»³⁴. Это — самая недвусмысленная попытка вытеснить историко-материалистическое объяснение морали натуралистическим, биологическим. И хотя автор в одном месте своей статьи заявляет, что естественный отбор «не создал и не мог создать самую этику» (нравственность), а лишь привел к перестройкам наследственности, на основе которых у человека складывалась «способность к этическим оценкам, к восприятию этических оценок, более того, потребность в этических оценках»³⁵, это его утверждение, как показывают ранее приведенные цитаты и ссылки, было отброшено и перечеркнуто им при истолковании конкретных явлений морали.

³³ «Новый мир», 1971, № 10, стр. 199. См. также стр. 212, 194. В этом отношении высказывания В. П. Эфроимсона можно поставить в параллель со следующим положением Людвика Кшивицкого: «...по своей природе мы «моральны»; мы являемся, собственно, пустым нравственным сосудом, пока в нас не вложит содержания наша среда...» (*Л. Крживицкий. Происхождение и развитие нравственности. Гомель, 1924, стр. 42*).

³⁴ «Новый мир», 1971, № 10, стр. 200, 205, 212, 213.

³⁵ Там же, стр. 200.

К каким удивительным заключениям можно прийти при этом, особенно ярко показывает последний абзац статьи В. П. Эфроимсона. Внимание людей к достижениям генетики (!), утверждает он в этом абзаце, «поможет осознать, что туманные, неясные душевные побуждения, что та совесть, от которой ради житейского успеха в эксплуататорском обществе нужно отречься как можно скорее, на самом деле являются непреложным фактом нашего существования, саморегенерирующим свойством, несущим в себе и награду, и расплату за поступки человека»³⁶. Мысли воистину странные! Как это так — человеку отречься от непреложного факта своего существования и от своего саморегенерирующего свойства? И неужели совесть вместе с «туманными побуждениями» несет в себе и награду, и расплату за поступки человека «на самом деле», в то время как иные награды и расплаты, столь развитые в обществе, практикуются, по-видимому, впустую? Не полнейшая ли это несуразица? Таковы плоды замены историко-материалистического объяснения морали натуралистическим.

Опыт подобных ошибок показывает, что верность исходным принципам марксистского понимания нравственных явлений необходима для правильного разрешения всех возникающих вопросов этической теории и заставляет пристальнее следить за должным использованием марксистской методологии в этике.

Объективное и субъективное

Тесно связан с онтологической характеристикой морали и потому также имеет для этики громадное методологическое значение вопрос о соотношении в ней объективного и субъективного.

Вся идеологическая надстройка, к которой относится и мораль, принадлежит к так называемому субъективному фактору в жизнедеятельности общества. Ее общественная функция состоит главным образом в том, чтобы направлять общественную жизнь в определенное русло, выражая и оправдывая позиции, цели, стремления, вкусы, интересы противостоящих один другому социальных субъектов (различных общностей), проводя в своем действии на людей волю этих субъектов (общностей). Субъективность, таким образом, — сущностная черта всей идеологической надстройки, включая и мораль, определяющая действительное содержание ее общественной функции. С другой стороны, мораль, как и вся идеологическая надстройка, есть нечто вполне реальное, ощутимо существующее и функциони-

³⁶ Там же, стр. 213.

рующее среди прочих явлений действительности. Она, иными словами, объективна. А объективное является таковым лишь постольку, поскольку не зависит от субъектов (ни от человека, ни от человечества), от их воли. Стало быть, исследователь встает перед необходимостью признать присущими морали, как и прочим надстроечным явлениям, одновременно двух взаимоисключающих свойств: и субъективности, и объективности. Отсюда возможность теоретических ошибок, хотя само по себе совмещение в явлении его противоположных свойств не может считаться чем-либо исключительным, так как единство противоположностей — всеобщий закон бытия и развития явлений.

Об объективности и субъективности морали в работах советских авторов можно встретить разные.

Иногда, признавая, что моральные суждения выражают позиции и требования общества или класса, пишут тем не менее, что эти суждения высказываются не как волеизъявления данного субъекта, а как некие общезначимые положения, констатирующие долженствование или ценность объекта безотносительно к чьей-либо воле, правомочиям и власти, что моральные суждения имеют независимый от позиции какого-либо субъекта характер, что они внесубъектны. Моральные требования, с этой точки зрения, вообще безотносительны к воле какого-либо субъекта, не основываются на ней и выражают лишь нечто объективное, законы общественной жизни. В таких утверждениях, если кратко сформулировать их суть, проводятся, хотя и с некоторой непоследовательностью, признание объективного и отрицание субъективного характера морали.

Высказывается иногда и противоположное мнение, отрицающее объективность, объективный характер морали, ее проявлений. Говорят, например, что порока самого по себе не существует, что моральных, как и аморальных, свойств самих по себе в поступках, в поведении человека нет. С этой точки зрения, качество, свойство моральности, положительной или отрицательной, те или иные действия получают лишь в суждениях людей. Это качество, свойство рассматривается, стало быть, как явление целиком субъективное, никак не объективное.

Сопоставляя данные точки зрения, следует признать, что в констатации одних действительных особенностей морали каждая из них падает в крайность (которой как раз и обусловлена их взаимонепримируемость), а вместе с тем и в ошибочность, состоящую в отрицании других, противоположных особенностей морали. Между тем свидетельства как объективности, так и субъективности морали настолько бесчисленны и очевидны, что буквально не позволяют отрицать ни того, ни другого из этих

ее противоположных качеств, если от реальных фактов не уходить в сферу излишней теоретической абстракции. Апеллируя, однако, не к одной только очевидности, приведем некоторые аргументы, направленные по преимуществу не против рассматриваемых конечных суждений, несостоятельность которых достаточно явственна, а главным образом против доводов, которыми они обосновываются.

Так, обосновывая «внесубъектность» моральных суждений, придают особое значение форме, в которой они высказываются. По форме такие суждения на самом деле часто выглядят бессубъектными, не содержат прямой ссылки на чью-либо волю: нечто просто объявляется в них добром или злом, ими просто констатируется долженствование и т. д. Но, во-первых, такая форма свойственна суждениям отнюдь не только моральным, а и правовым, политическим. Между тем субъективный характер последних вовсе не ставится под вопрос. Во-вторых, одно дело — форма, другое — содержание. Далее обнаруживается слабость аргумента об основывании моральных явлений на чем-то объективном и об их подчинении законам общественной жизни: он не доказывает бессубъектности морали, так как ни основывание на объективном, ни подчинение объективным законам сами по себе вовсе не мешают проявлению субъективности. Все и всяческие проявления субъектов связаны с объективным миром и его законами, а не составляют своего абсолютно обособленного и незаконного мира. Так что аргументы, привлекаемые для доказательства внесубъектности (бессубъектности, несубъективности) морали и для отрицания ее субъективной природы, не достигают своей цели, оказываются неэффективными.

Что касается мнения, относящего мораль целиком к сфере субъективного сознания, достаточно, видимо, констатировать, что, не будь мораль принадлежностью объективной действительности, она не могла бы и развиваться по законам, посящим объективный характер, не могла бы быть причислена к составу надстройки, т. е. некоторого реального образования реального мира общественной жизни, общественных отношений.

Истину можно и нужно искать, отказавшись от рассмотренных крайностей, признав и объективное, и субъективное в морали.

Один из таких подходов к морали предлагают К. А. Шварцман и А. Ф. Шишкин. В совместной работе они пишут, что вся мораль «обладает объективным содержанием» и вместе с тем она, как и право, «выражает волю определенного класса»³⁷.

³⁷ А. Ф. Шишкин, К. А. Шварцман. XX век и моральные ценности человечества, стр. 29, 32.

Но каким образом соединяются в морали противоположности объективного и субъективного? Стремясь ответить на этот вопрос, авторы допускают мысль о различном характере объективности, свойственной тем или иным явлениям действительности. К. А. Шварцман находит, что «само понятие «объективное» в сфере морали отнюдь не тождественно объективным признакам социальных явлений, не связано с их «независимостью от субъекта, его сознания»»³⁸.

Такого рода решение вопроса вызывает возражение в том смысле, что единство объективного и субъективного в морали (как и всюду, где оно наблюдается) необходимо установить, не сглаживая противоположности между ними.

В этом плане представляется в основе правильным то решение проблемы, которое настоятельно предлагает Ф. А. Селиванов. Констатируя присущность «этическим качествам» одновременно и признаков субъективности, и признаков объективности, одновременно зависимости и независимости от субъекта, он пишет: «Речь может идти лишь о зависимости и независимости в разных отношениях. Этические качества не зависят от субъекта, от его сознания потому, что существуют независимо от того, признает эти этические качества субъект или не признает, правильно оценивает или неправильно моральное значение поведения (всех его компонентов) человека. Только метафизически мыслящий человек может на основании того, что этические качества субъективны, отрицать их объективность. Отрицание объективности этических качеств — отрицание того, что этические качества, существуя лишь в отношении к субъекту (личности, классу, обществу и т. д.), существуют по своим собственным законам, независимо от того, как субъект к этим законам относится»³⁹.

Хотя в этом рассуждении есть теоретическая непоследовательность (не может быть принято положение о существовании моральных явлений «лишь в отношении к субъекту», если они «не зависят от субъекта», «существуют независимо от того», признает их субъект или не признает), несмотря на это, Ф. А. Селиванов все же определенно показал, что явления морали объективны *в одних* и субъективны *в других отношениях*.

Диалектика объективного и субъективного в ее наиболее общем проявлении состоит в том, что их противоположность, будучи действительной противоположностью, не допускающей сме-

³⁸ К. А. Шварцман. Теоретические проблемы этики, стр. 19.

³⁹ Ф. А. Селиванов. Введение.— «Сборник упражнений по марксистско-ленинской этике». Тюмень, 1971, стр. 8.

шения одного с другим, не абсолютна, а относительна и включает взаимопереходы одного в другое. При этом определяющим значением обладает объективное, поскольку именно на объективном, ни от каких субъектов не зависящем основании, «внутри» объективного и по его законам развития происходит само выделение тех или иных субъектов. Субъект как носитель сознания и воли, через посредство сознания и воли осуществляющий свою активность по отношению к окружающей его действительности, т. е. человек в его индивидуальном или совокупном проявлении (в виде общностей людей), возникает и развивается в своем качестве субъекта силой имманентных законов материального мира, независимо от своих желаний, воли, идей, хотя и через их посредство. Во всех без исключения свойствах и качествах, вместе со своим сознанием и волей, человек-субъект представляет собой часть объективного мира, в целом подчиненную его общим законам. Человек как субъект поэтому *в целом* объективен. Вместе с тем не в целом, *а в известных частных отношениях*, конкретнее — в своем сознании и воле, а также в своей деятельности, поскольку она обусловлена его сознанием и волей, он субъективен. Его субъективность есть его относительная зависимость от своего собственного сознания и воли, являющаяся относительной потому, что она существует и выявляется лишь на основе, в пределах, внутри его объективного бытия. Иначе говоря, он субъективен лишь постольку, поскольку рассматривается в одном отношении — в противопоставлении явлениям мира, не обусловленным волей и сознанием. Поскольку же он рассматривается в другом отношении — не в противопоставлении, а в единстве с прочими явлениями мира, — он даже в этих чертах объективен: его сознание и воля — реальные феномены объективного мира, одно из специфических проявлений этого мира. Это и означает, что субъективное в человеке одновременно и подчинено объективному, и противопоставлено ему как противоположность. Данный вывод в полной мере относится к морали как выражению воли общества (общностей, совокупного человека), с известной относительностью определяющей поведение индивидов, лиц.

Та воля общности, которая составляет реальное содержание какой-то системы морали, возникает и существует именно как воля, как проявление субъекта, как реализация субъективности данной общности. Но, во-первых, как факт, как явление действительности, т. е. взятая более широко, она одновременно объективна. А, во-вторых, субъект не является конечной ее субстанцией, хотя в ее детерминации неустраим. Во всех своих важнейших параметрах воля общности и выражающая ее си-

стема морали определяются, не лишаясь, конечно, относительной самостоятельности, не лишаясь качества субъективности, объективными условиями, в силу которых только и возможен данный субъект, данная общность,— экономической структурой общества на данном этапе его исторического бытия. Так, воля людей, более всего свидетельствующая об их качестве субъектов, об их субъективности, сама оказывается в определенных отношениях сведенной к объективному и объективной — в качестве свойства объективного в своем бытии человека, в реальном действии на человека, в своем основном содержании, которое является лишь своеобразным переводом на ее особый язык объективного положения данной общности в экономической структуре общества. Во всех этих отношениях воля общества не зависит ни от чьей воли, от сознания людей как субъектов. И в выявлении этих отношений заключается сведение субъективного к объективному, обнаружение детерминации субъективного объективным, раскрытие перехода от субъективного к объективному, раскрытие возможности воспринимать и изучать это субъективное (в частности, и мораль) как специфическое объективное.

Имея в виду индивидов, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «не зависит от их воли ... то, что они проводят свою собственную волю в форме закона»⁴⁰. Не зависит от их воли и проведение ими их совокупной воли в форме морали.

Во всем этом заключено несомненное противоречие. Но оно не несуразность, которую можно отрицать, а противоречие самой жизни, самой действительности, ибо действительность диалектична. Поэтому и необходимо его изучать в его конкретных формах. Этика, в частности, призвана, исходя из данных выводов как из своего методологического руководства, устанавливать всю полноту конкретных проявлений противоречия и единства субъективного и объективного в морали.

В качестве науки этика, беря мораль как объект изучения, изучает ее именно в ее объективных проявлениях, исследует объективные законы ее действия и развития. Этим этика отличается от моральной проповеди, исходящей из субъективных сторон морали, хотя и с расчетом на ее объективную действительность. Но это отнюдь не значит, что этика как наука игнорирует субъективность морали. Она лишь сводит эту субъективность к объективному в процессе изучения фактического материала. В отношении теоретическом марксизм, как писал В. И. Ленин, подчиняет «этическую» (моральную) точку зрения принци-

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 322.

пу причинности⁴¹, т. е. усматривает в морали явление, так же обусловленное в своих особенностях объективными причинами, как и прочие явления объективного мира. Основывающаяся на таком понимании морали научная этика методологически оказывается прямой противоположностью субъективистским, ненаучным этическим учениям, которые выдвигались, например, Г. Зиммелем, П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским и др.

Свобода и необходимость

Камнем преткновения для немарксистской этики было и остается соотношение свободы и необходимости в морали. Вопрос о них, неотделимый от вопроса о вменяемости человеку его поступков и его ответственности за них, затрагивает одну из сторон соотношения между субъективным и объективным и принадлежит к числу ключевых в этике. А потому и ответ на этот вопрос имеет общее методологическое значение для этики. Не диалектический подход к соотношению свободы и необходимости приводит к тому, что свобода принимается за отсутствие необходимости, за отсутствие внешних и внутренних препятствий для действий индивида в любом направлении, а необходимость, наоборот, — за отсутствие свободы, за исключение возможностей для выбора действий индивидом по его желанию, в соответствии с его волей. И в связи с этим проповедуются либо полный произвол личности, вседозволенность, абсолютный волюнтаризм, либо полная неспособность личности к самостоятельным решениям и действиям, абсолютный фатализм. В одном случае обосновывается абсолютная ответственность индивида (однако часто лишь перед самим собой), в другом — абсолютная невменяемость ему его поведения.

Не станем входить в перипетии немарксистской этики. Вплоть до новейших учений неопозитивизма, экзистенциализма и пр. она неизменно впадает при попытках разрешить проблемы совмещения свободы и необходимости если не в заведомую непоследовательность, то в крайности или не может преодолеть идеалистической постановки проблемы. Обратимся к решению проблемы в марксизме.

Диалектика действительности такова, что необходимость в своем проявлении включает в себя как свое ограничение две свои противоположности — возможность и случайность. Именно они в известном смысле дают форму для реализации необходимости, хотя отношение к той и другой не исчерпывает всех ее

⁴¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440—441.

противоречий. Таким образом, необходимость не проста — она сложна. Необходимость не однородна — она противоречива. Необходимость не плоска — она объемна. Помимо того, в случае с каждым особым явлением она характеризуется некоторыми особыми же, соответствующими специфике данного явления чертами. Указанные объективные свойства необходимости и создают для субъекта возможности действовать на основе одних и тех же условий по-разному. Объемом необходимости во всяком случае исчерпывается объем возможностей для действий субъекта.

Сказанное позволяет пояснить, что такое свобода. Свободой является не отсутствие необходимости, а известный объем возможностей, которыми субъект на основе имеющихся у него сил в состоянии пользоваться в рамках данной необходимости, по своему усмотрению выбирая свои действия. В форме свободы перед субъектом предстают объективные возможности действовать при данной необходимости и, таким образом, использовать эту необходимость в своих целях. Свобода, стало быть, — производное необходимости. В необходимости она имеет объективную основу и через посредство возможностей ограничена ее рамками. Всякие попытки субъекта в использовании свободы выйти за пределы реальных возможностей, а тем самым и необходимости обречены на неудачу. Но в пределах их действительного объема субъект по мере своих сил и своего умения может действовать именно так, как ему нужно или как ему хочется, руководствуясь своим собственным усмотрением. Отсюда и проистекает с точки зрения осуществимости вся активность человека.

Ради уточнения отметим, что то, чего хотят и как используют свою свободу субъекты, не принадлежит, однако, к одному разряду капризов и прихотей, хотя без подобных элементов не было бы самих субъектов. В основном за поверхностной пеленой случайного субъекты хотят именно того, что им объективно необходимо, что обусловлено их объективным положением. Так что и с этой стороны, рассматривая свободу, мы возвращаемся к необходимости и убеждаемся в глубокой зависимости первой от второй.

Наконец, уясняя, что такое свобода в ее взаимосвязи с необходимостью, надо обратить внимание на то, что при выборе действий и, следовательно, при использовании своей свободы человек-субъект пользуется ею по-разному и с разным эффектом: иногда успешно, добиваясь малыми средствами больших и притом желаемых результатов, иногда неудачно, не достигая своей цели или достигая ее с трудом и даже с большим ущербом

бом для себя. Такой эффект во многом зависит от того, действует ли человек вслепую, наудачу, или со знанием дела, со знанием возможностей, открываемых данной необходимостью. Поэтому и сформулировано положение: свобода есть познанная необходимость. Незнание препятствует человеку пользоваться имеющимися в рамках необходимости возможностями, стесняет его свободу, а знание освещает ему возможности, практически расширяет рамки свободы.

Но сказанное еще не раскрывает собственно морального аспекта соотношения свободы и необходимости. Чтобы подойти к нему, нужно предварительно указать некоторые особенности жизнедеятельности общества. Обязательным условием существования всякого общества и каждого из индивидов является не безразлично какое, а в массе своей достаточно определенное использование индивидами их свободы в совершении различных действий. Для общества поэтому всегда существует необходимость добиваться того общего порядка действий, тех типов поведения индивидов, которые обеспечивают непрерывающееся течение общественной жизни. Задача эта решается многим способом. Один из них — мораль. Она формируется в обществе именно как средство таким образом направлять поведение людей, так направлять употребление ими возможной для них свободы действий, чтобы при этом осуществлялась указанная общественная необходимость и обеспечивалось течение жизни общества. Мораль, следовательно, оказывается одним из каналов соединения свободы индивидов и общественной необходимости.

Не касаясь ни происхождения морали, ни ее специфики среди прочих явлений общественной жизни, удовлетворимся простой констатацией того, что мораль выполняет функцию регулятора в использовании человеком его свободы. Но подчеркнем, что осуществление регуляционной функции моралью заключается прежде всего в том, что мораль разделяет и квалифицирует все реально возможные по физической исполнимости человеком действия на обязательные, допустимые и недопустимые для него (нормативизирует возможные, создает моральные нормы), а самого человека рассматривает как ответственного за действия, совершаемые в результате использования им его свободы (за соблюдение норм), вменяет эти действия совершающему их лицу в ответственность (в вину, в заслугу и т. д.). Именно благодаря этому мораль придает соотношению необходимости и свободы особый моральный аспект.

Нагляднее представить это можно, сопоставив два различных случая — один, при котором все посылные для человека дей-

ствия равно морально допустимы (например, в ситуации выбора транспорта для поездки куда-либо), и другой, который сталкивает человека при выборе действия с нормой, разделяющей обязательное и недопустимое (например, в ситуации, связанной с обязанностью приобретать билет на поездку). В первом случае, когда нормы как бы нет, человек в своем выборе может руководствоваться помимо учета существующих возможностей (ехать поездом, плыть кораблем и т. д.) исключительно своими субъективными настроениями, желаниями, даже прихотями и обществу нет дела до результатов его выбора, его действия. Во втором случае (ехать, приобретя билет, или без билета) человеку в выборе действий приходится руководствоваться уже не только наличными возможностями и своими желаниями, а и нормой, регулирующей использование им возможностей. Человек физически в состоянии нарушить норму (ехать без билета). Он свободен в этом. Но обществом это будет вменено ему в вину, и, неся за эту вину ответственность, он будет морально осужден (прочих возможных последствий мы не упоминаем). Как видим, ситуация проявления свободы выбора, волевого решения, действия здесь действительно немало отличается от первой.

В целом можно считать, что моральный аспект соотношения свободы и необходимости возникает там, где в условия их осуществления включена мораль с ее нормами и налагаемой ею ответственностью за поведение. Нравственная, моральная свобода есть свобода в условиях действия морали. Наличие моральных норм, морального вменения, моральной ответственности превращает охватываемые ими действия субъекта в его поступки и поведение. Эти последние являются не чем иным, как действиями, деятельностью, вменяемыми субъекту в ответственность с позиций морали.

Составляя представление о нравственном аспекте соотношения свободы и необходимости, надо видеть, что мораль функционирует только в условиях, когда у человека действительно есть свобода, понимаемая как возможность выбора, и что мораль совсем не сокращает эту свободу в ее объеме, а только регулирует, направляет ее использование. Человек перед лицом морали в полной мере остается субъектом, вершащим с учетом моральных норм самостоятельно свой выбор, проявляющим в своих действиях свою волю. Но его действия, его решения в связи с наличием моральных норм характеризуются лояльностью по отношению к этим нормам или нелояльностью, сознательностью отношения к ним или несознательностью, добровольным или недобровольным их принятием или отвержением

и приобретают свойство вменяемых ему. При этом мораль, хотя в известном смысле и усложняет, вместе с тем и облегчает использование человеком его свободы, ибо человеку трудно действовать, если он морально не сориентирован, а обстоятельства вынуждают его к действию.

К тому же моральные нормы, даже узкорегламентационные, не являются и не могут быть абсолютно полными предписаниями, не оставляющими ничего на собственную инициативу принимающей их личности. Всякая норма — одна на практически бесконечный ряд жизненных ситуаций, из которых каждая имеет наряду с повторяющимися также неповторимые черты. Поэтому человек всегда в процессе применения нормы (чем более широкой, тем больше) сохраняет тот или иной значительный объем свободы, лишь в самом общем смысле регулируемой нормативно, т. е. как бы вовсе не регулируемой посредством нормы. Объем такой свободы оставляется то большим, то меньшим различными моральными системами, главным образом в зависимости от исторически преходящей общественной необходимости, хотя отчасти и под влиянием случайных моментов. Наконец, для понимания моральной свободы существенно то, что на протяжении тысячелетий в жизни общества действуют не одна, а многие сменяющиеся и притом развивающиеся моральные системы, которые выполняют нетождественные социальные миссии, что создает еще одно поле свободы для личности — поле выбора личностью той моральной системы из числа действующих в данное время, установки которой ей представляются более оправданными и приемлемыми.

Марксизм, однако, очень далек от проповедуемого некоторыми неопозитивистами и экзистенциалистами «принципа толерантности», по которому любой выбор субъектом его моральной ориентации так же хорош, как и всякий другой, будто бы нет никаких объективных критериев для их квалификации. Марксизм показывает, что каждая нравственная система, каждая нравственная ориентация людей приобретают жизненность и распространение не в силу своей оригинальности или каких-то неуловимых качеств, а в силу того, что в существующей социальной обстановке они выражают некую тенденцию, связанную с интересами того или иного класса, общественного слоя: она несет свою службу этому классу, слою. Следовательно, выбор между различными моральными системами, ориентациями является для личности в более широком плане выбором того класса, той социальной группы, с чьей исторической судьбой человек вольно или невольно связывает свою личную судьбу. Этот выбор бывает революционным, консервативным или

реакционным, бывает стихийным и сознательным, бывает несамостоятельным и самостоятельным.

Поскольку историческая необходимость внутренне противоречива и обуславливает в классовом обществе одновременно существование всех его классов на каждом данном этапе (одних — как революционных, других — как реакционных), вполне закономерно предпочтение личностью любой из действующих в данное время моральных систем. Но предпочтение революционной морали при этом перспективнее, чем ориентация на реакционную мораль, исторически уже обреченную на исчезновение. Отсюда следует, что высшей — на данном этапе — моральной свободой обладает та личность, которая строит свое поведение по высшим моральным нормам своей эпохи, ориентируясь на наиболее перспективную моральную систему.

В литературе можно встретить утверждения, что нравственная свобода сопряжена вообще с восприятием установок лишь наиболее прогрессивной морали данного времени. «...Марксизм-ленинизм, — пишет, например, один из авторов, — понимает под нравственной свободой... осознание тех процессов, которые составляют содержание общественного прогресса, и организацию деятельности личности в соответствии с этими процессами»⁴². Утверждения такого типа ошибочны. Они неверны прежде всего потому, что упускают из виду нерасторжимость связи между свободой, вменяемостью и ответственностью. Где нет свободы, там нет и вменяемости. Там нет и ответственности. Можно или нельзя людям, придерживающимся не прогрессивной, а реакционной морали, вменять в ответственность их поведение, их поступки? Стоит только поставить перед собой этот «контрольный» вопрос, чтобы, ответив на него положительно, понять, что все взрослые нормальные люди ответственны за свои поступки и притом единственно потому, что всегда и везде располагают какой-то свободой выбора и совершения своих поступков — известной моральной свободой. Объем этой свободы по историческим причинам и в зависимости от ситуации бывает различен. Но он никогда не равен нулю.

Разумеется, утверждая наличие моральной свободы у всех людей во всех исторически типичных обстоятельствах, мы не вправе отказываться от исследования качественных и количествен-

⁴² А. А. Киселев, В. И. Ленин и вопросы этики. Львов, 1969, стр. 70; см. также: К. А. Шварцман. Этика... без морали. М., 1964, стр. 165; О. С. Терновой. Детерминизм и мораль. Свобода и ответственность. — «Основы марксистско-ленинской этики». Минск, 1965, стр. 50—51; В. Н. Чернокозова, И. И. Чернокозов. Основы коммунистической морали. М., 1971, стр. 176; М. И. Боровский. О критерии нравственности, Минск, 1970, стр. 72—73.

ных характеристик моральной свободы у разных людей и в разное время, в разных социальных условиях. Только изучая такие ее характеристики, мы можем приходить к выводу о высших и более низких формах моральной свободы в ту или иную эпоху в зависимости от ориентации людей на прогрессивную или на противостоящую прогрессу мораль того времени. Но различные формы моральной свободы нельзя смешивать с моральной свободой как таковой. Их смешение ведет к путанице в этической теории.

Наивысшей формой нравственной свободы является та, которую предоставит людям коммунистическое общество. Именно об этом обществе, причем о зрелом коммунизме, классики марксизма говорили как о царстве свободы в полном смысле, понимаемой как господство над необходимостью — над процессами природного, общественного и духовного развития.

Классовость

В. И. Ленин указывал, что, подчиняя этическую точку зрения принципу причинности (т. е. рассматривая мораль как объективное и объективно детерминируемое явление), марксизм «сводит ее к классовой борьбе»⁴³. Внимание к классовому характеру морали и ее роли в классовой борьбе — один из важнейших методологических принципов марксизма в этике, во многом фокусирующий все другие методологические принципы. В его основе лежит впервые открытый К. Марксом «великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только боем или менее ясным выражением борьбы общественных классов»⁴⁴.

Уже отмечалось, что мораль выражает волю того или иного социального субъекта, направленную на регуляцию поведения индивидов и их групп: она всегда есть мораль каких-то социальных общностей. Но на поверхности она нередко не несет признаков принадлежности какому-либо особому социальному субъекту и выглядит как раз моралью и всех сразу и ничьей в отдельности. Против превратного истолкования такой видимости и направлено марксистское требование раскрывать связь явлений морали с социальными субъектами, т. е. в классовом обществе — в первую очередь с классами, с их жизненными ин-

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 441.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 259.

тёресами. Марксизм устанавливает, что зависимость морали от классовых интересов столь фундаментальна, что при всей относительной автономии морали эта зависимость всегда по важнейшим показателям определяет динамику, противоречия, тенденции моральной жизни классового общества.

Непреложный для научной этики принцип исследования морали как явления классового встречает, однако, трудности при реализации. Трудности вытекают уже из того, что классовые начала не образуют всего полностью состава морали и существуют в противоречивом единстве с ее неклассовыми началами. Следовательно, этике необходимо изучать соотношение и способы проявления, сопряжения, взаимоперехода и функционирования классовых и неклассовых элементов морали. Как и в случае с другими противоположностями, здесь таится опасность, с одной стороны, абсолютизировать различия между противоположностями классового и неклассового, с другой стороны — недооценить их.

По сути вся домарксовская и вся современная буржуазная этика стоит на почве отрицания классовости морали. Она стремится сводить противоположности различных моральных норм и систем к истине и заблуждениям, религиозности и неверию, дикости и цивилизации, особенностям Востока и Запада, к расе, случайным факторам и к чему угодно еще, только не к классовости. Для этого существуют некоторые гносеологические причины. Тем не менее в основном такое положение объясняется причинами социальными.

Но порой и в марксистских работах классовые и неклассовые черты морали бывают изображены неточно. В относительно недавнем прошлом, до 50-х годов, недопонималось значение общечеловеческих компонентов морали. В настоящее время в ряде работ ощущается тенденция к умалению ее классовости.

Надо оговориться, что совсем не все в морали, что не классово, является общечеловеческим. Человечество в социальном отношении на разных этапах образует массу многообразных общностей. Каждая из них, даже каждая профессия, развивает как средство своего сплочения и противопоставления другим общностям свою собственную моральную систему. В классовом обществе такие системы морали, налагаясь на основные, классовые, формы общественной морали, образуют многочисленные модификации последних и имеют свое относительно самостоятельное значение. В нравственной жизни общества, следовательно, помимо классовых функционируют далеко не только общечеловеческие элементы, что совсем не облегчает классового подхода к ней.

Самой сложной проблемой классового анализа нравственности представляется все же проблема соотношения ее классовых и общечеловеческих элементов.

На этот счет в литературе накопился ряд различных мнений. Утверждается, что общечеловеческое в морали есть то, что соответствует интересам большинства человечества, интересам трудящихся; то, что соответствует исторической необходимости и прогрессу; истинное в морали; форма морали, в отличие от ее содержания; некоторое особое содержание морали, в первую очередь нравственный закон; простые нормы нравственности; мораль бесклассового общества и т. д. Простое сопоставление таких утверждений показывает, что они лишь отчасти обладают взаимодополнительностью. В большой степени они несогласуемы. Очевидно, что через их выдвижение идет поиск правильного решения проблемы. Поэтому при их рассмотрении нужно с трезвой критичностью проверять все связанные с ними теоретические выкладки.

Видимо, целесообразно в первую очередь рассмотреть то мнение, к которому различные авторы подходят с разных сторон, высказывая его с некоторыми вариантами: мнение, по которому общечеловеческое в морали нашего времени — это мораль рабочего класса, мораль коммунистическая⁴⁵. В наиболее крайних формах оно выражено Я. А. Мильнером-Ирининым, который находит, что вообще «единственная мораль современного человечества — это коммунистическая (пролетарская) мораль, которая и есть, таким образом, мораль общечеловеческая»⁴⁶. Нетрудно установить, что именно побуждает исследователей высказывать такое мнение. Несомненно, что этот факт, что мораль пролетариата есть мораль класса, который имеет своей исторической миссией освобождение общества от разделения на классы, от эксплуатации одних классов другими, который не заинтересован в увековечении своего классового господства. Это тот факт, что мораль пролетариата имеет тенденцию к превращению в мораль будущего бесклассового общества, в мораль действительно общечеловеческую.

⁴⁵ См. А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики, стр. 101; Г. Д. Бандзеладзе. Опыт изложения системы марксистской этики. Тбилиси, 1963, стр. 260 (то же в его кн.: *Этика*, Тбилиси, 1970, стр. 256); Н. Н. Куликова. Содержание и критерий нравственного прогресса. М., 1966, стр. 49; В. С. Штейн. Проблема простых норм нравственности и справедливости в марксистско-ленинской этике. — «Актуальные проблемы марксистской этики», Тбилиси, 1967, стр. 177; О. Н. Крутова. Человек и мораль, стр. 16.

⁴⁶ Я. А. Мильнер-Иринин. *Этика, или Принципы истинной человечности*. М., 1963, стр. 6. Я. Энгст, однако, также утверждал, что «коммунистическая мораль является... по существу и единственной моралью современности» (Я. Энгст. *Некоторые проблемы научной этики*, стр. 14).

Но одно дело — тенденция и общее направление развития, другое — современное состояние. Возможно ли вообще некоторому классовому быть одновременно и общечеловеческим как раз в том самом отношении, в котором оно классово? Нетрудно установить, что невозможно. отождествление некоторого классового в морали с общечеловеческим является смешением частного с общим. Общее, несомненно, проявляется через частное, но не через какое-то одно частное, а через все его формы, причем не отождествляясь с ним.

Как и всякая другая, пролетарская мораль, конечно, несет в себе общечеловеческие элементы. Но общечеловеческое в ней существует не в тех же самых отношениях, что и классовое, а в других. Так, она обнаруживает общечеловеческое, поскольку принадлежит к общечеловеческому явлению морали вообще. Она, как и прочие модификации морали, — тоже мораль, высшая из известных истории до сих пор ступеней и закономерное историческое (этапное) проявление единого морального развития человечества. В ее содержании и в формах ее проявления, следовательно, есть нечто общее со всеми предшествующими системами морали. Но в ней есть и то, в чем она не объединяется с прочими системами морали, а, наоборот, противостоит им, что составляет ее специфику. Последнее как раз и есть ее пролетарское качество. Иными словами, ей свойственны и нечто общее с другими моральными системами (общечеловеческое), и нечто специфическое (классовое). Поскольку она берется в классовом качестве, она никак не общечеловеческая, а именно пролетарская, частная, особенная, не всеобщая. Не поняв и не приняв этого, мы не имели бы вообще основания характеризовать какую бы то ни было мораль как классовую.

В данной связи приходится обратить внимание на то, что, изучая любую совокупность явлений, составляющих некоторое единство, нельзя путать признаки, по которым эти явления объединяются, с признаками, по которым они различаются, признаки общности и тождества — с признаками различия и специфики. Это относится, конечно, и к людям, обществу, ко всему человеческому. По одним признакам некоторые общественные явления могут быть свойственны всем людям, всему человечеству — общечеловеческими, по другим признакам они могут быть свойственны, наоборот, лишь каким-то отдельным группам людей, т. е. не общечеловеческими (например, речь, язык по факту своего существования, по выполнению функции оформления мысли, по коммуникативной функции — явление общечеловеческое, а по конкретным словарю, грамматике и пр. — явление

национальное, служащее лишь одному или другому народу).

Классовые черты характеризуют в каждом конкретном случае не все человечество, а какой-либо один класс, обособляя его среди прочих людей, среди других классов, отделяя его от них. Только благодаря тому, что у некоторой большой группы людей наличествуют такие особые черты, она и становится классом. Поэтому ни то обстоятельство, что пролетарская мораль прогрессивна и представляет в буржуазном обществе интересы и данного класса, и будущей по отношению к буржуазному обществу коммунистической формации, в которой не будет классов (вопрос об этой перспективе в связи с общечеловеческим в морали будет еще рассмотрен специально), ни то обстоятельство, что пролетарская мораль имеет не только узкоклассовое, но и общедемократическое значение, ибо во многом смыкается с моральными традициями непролетарских трудящихся масс, служа выражением некоторых коренных интересов этих масс,— ничто в целом не превращает пролетарскую мораль в общечеловеческую до тех пор, покуда она в условиях классовой борьбы служит целям сохранения и развития классовой самостоятельности пролетариата, т. е. при всем своем развитии еще остается пролетарской в своем существе, еще не выводит нас за рамки классового общества.

Мораль пролетариата — классовая по самой своей сущности. Классовая она не по форме только, не по одним каким-то внешним признакам, а по своему действительному содержанию, по своим функциям, ради которых она только и развивается и в которых она прямо противостоит прочим нравственным системам, каковы бы ни были свойственные ей общечеловеческие элементы. Именно как классовая, выражающая интересы лишь части, но передовой части человечества, существующая наряду с другими системами морали, тоже классовыми, а не единственная в современном мире, она и представляет собой явление прогрессивное, реальный зародыш общечеловеческой морали будущего. Эта ее классовая характеристика означает, что пролетарская мораль, как и другие классовые системы морали, взятые по отдельности, представляет собой не всю вообще мораль человечества, а лишь ее особую разновидность.

Помимо прочего, признание только одной (в данном случае пролетарской) системы классовой морали моралью общечеловеческой и непризнание общечеловеческими других ее систем создает совершенно схоластическую проблему различения «классового как общечеловеческого» и «классового как только классового». Рационального решения такая псевдопроблема не имеет.

Таким образом, отождествление какой бы то ни было классо-

вой морали с общечеловеческой моралью не выдерживает критики. Другое дело — признавать в классовой системе морали общечеловеческие элементы, стороны.

Однако встает вопрос, нельзя ли все же какую-то классовую мораль считать общечеловеческой, хотя бы в ограничительном смысле, — общечеловеческой «только для данной эпохи», признав ее на данном историческом этапе вообще единственной для всего общества. Я. А. Мильнер-Иринин называет пролетарскую мораль общечеловеческой как раз потому, что она, на его взгляд, «есть единственная возможная мораль современного человечества, тогда как «мораль» буржуазии является таковой только по названию»⁴⁷.

Отказываясь называть моралью явление (буржуазную мораль), обладающее формой и содержанием морали, сторонники данной точки зрения допускают неоспоримый произвол, злоупотребление терминологией. Но их мнение нельзя принять, даже если оперировать их произвольно измененной терминологией. Коль скоро какая-то мораль классовая, т. е. коль скоро она выражает интересы одного класса в его противопоставлении другим, она не может выражать интересы противоположных классов. Так что общечеловеческой она не становится, даже если все противостоящие ей системы аналогично действующих явлений формально и искусственно именовать не моралью, а лжеморалью, псевдоморалью или антиморалью.

Кроме того, в рассматриваемой концепции по существу отвергается внутренний характер классовости морали, внутренний для морали характер соотношения ее классовых и общечеловеческих компонентов, сторон. По логике данной концепции, подлинная, неложная мораль представляется общечеловеческой вся и во всем, поскольку вся и во всем она признается вообще единственной моралью данной эпохи. Причем оговорка о «данной эпохе» в итоге тоже неминуемо отпадает, так как единственная для одной эпохи мораль не может не признаваться единственной и для всех других эпох, раз ничто, кроме внешних обстоятельств, не связывает ее с каким-то одним или другим классом. Я. А. Мильнер-Иринин об этой морали по существу и пишет как о единственной не только для одной эпохи, а как о единственной вообще для всего человечества и даже для «всей бесконечной Вселенной», «вне зависимости от того, в какой

⁴⁷ Я. А. Мильнер-Иринин. *Этика, или Принципы истинной человечности*, стр. 6; см. также: М. А. Камышан. *Проблема сущности морали как формы общественного сознания в свете идей работы В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи»*. — «Ленинское этическое наследство и современность», стр. 71.

стране и в каком обществе проживают люди»⁴⁸. Разумеется, классовость по отношению к такой морали оказывается чисто внешним обстоятельством: в современную эпоху, как признается, эту единственную общечеловеческую мораль использует пролетариат, тогда как ранее, выходит, ею же пользовались другие классы.

Совершенно не объясненным остается в данной концепции, чем, если не моралью, надо считать во всем тождественную морали «лжемораль» (псевдомораль, антимораль), выражающую интересы эксплуататорских классов. Прямой смысл слова «лжемораль» обуславливает единственно оправданную возможность называть этим словом сумму относящихся к нравственной сфере явлений, которые неадекватны своему назначению, ведут не к тем результатам, которые нужны. В таком смысле этот термин и употреблялся старой этикой. К морали эксплуататорских классов он, однако, не подходит, так как установлено, что она адекватно отражает интересы этих классов, ведет к результатам, соответствующим социальным потребностям эксплуататоров. Именно поэтому использование термина «лжемораль» в данном случае является актом произвола и ненаучно.

Таким образом, методологически совершенно несостоятельна попытка представлять одно классовое в морали общечеловеческим, а другое классовое — неморальным или ошибочным в морали, ее искажением. Относительность противоположности классового и общечеловеческого, предполагающая их взаимопереходы (в самом общем смысле классовость есть черта, обязательная для всякой морали классового этапа истории человечества, и в этом смысле она, взятая абстрактно, общечеловечна, а общечеловечность реализуется в морали на этом этапе только через классовые ее системы), не означает, что можно произвольно заменять одно другим, недиалектически отождествлять классовое с общечеловеческим.

Обратимся к вопросу, можно ли считать общечеловеческим в морали классового общества то, что соответствует интересам большинства населения. Некоторые авторы находят, что можно. Пишут, например, что «по своей сущности и назначению общечеловеческое отвечает насущным, коренным интересам большинства населения на каждом данном отрезке исторического развития, совпадая с прогрессивным в истории»⁴⁹.

⁴⁸ Я. А. Мильнер-Иринин. *Этика — наука о должном.* — «Актуальные проблемы марксистской этики», стр. 24, 22.

⁴⁹ Е. И. Бородинкина. *Соотношение общечеловеческого и классового содержания морали.* Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 9. См. также: Н. Н. Куликова. *Содержание и критерий нравственного прогресса*, стр. 66; М. А. Камышан. *Октябрьская революция*

Такое мнение принципиально неверно уже потому, что и оно, как и отождествление общечеловеческого с классовым, является смешением части с целым. Оно тем более неправильно, что касается частей такого целого (эксплуататорского общества), которое внутренне антагонистично, и такой части (эксплуатируемых), которая, несмотря на свой количественный перевес, не обладает господствующим положением в этом целом.

Исторически претензию на то, чтобы именно его частные интересы, именно его, им установленные общественные порядки, его сознание, его мораль рассматривались как общечеловеческие, высказывало главным образом эксплуататорское меньшинство, спекулировавшее при этом на социальной неразвитости эксплуатируемого большинства, которое не всегда сознавало ясно свои собственные интересы, не всегда умело отделять их от интересов господствующего эксплуататорского меньшинства. Однако, констатируя подобные факты, марксизм как раз и требует вскрывать их классовую подоплеку и теоретическую несостоятельность. Когда входящий в состав эксплуатируемого большинства пролетариат достигает классовой зрелости и, вступая в борьбу со своими эксплуататорами, вырабатывает самостоятельное сознание, он совсем не берется говорить от имени всех слоев населения, включая эксплуататорские классы. Осознав свои интересы, он видит известное их единство с коренными интересами других слоев трудящихся, но в прямом противопоставлении интересам эксплуататоров, а не в отождествлении с ними. Таким образом, он даже формально не может говорить об общечеловеческом характере своих интересов. Знамя революционного пролетариата — открытая классовость.

Надлежит также учитывать, что рабочий класс, пробуждаясь к революционной борьбе, составляет среди трудового большинства населения только одну из его частей. Вопреки склонности многих авторов, нельзя говорить «вообще» о единстве всех слоев и классов трудящихся, народных масс, не делая или не предполагая важных уточнений на этот счет. Трудящиеся массы в разное время делятся в социальном отношении на весьма различающиеся общности, жизненные интересы которых, особенно повседневно актуальные, существенно расходятся между собой и даже приходят в столкновения. Родовые, племенные и иные общности доклассового периода, позже свободные и рабы, ремесленники и крестьяне, многие сословия и касты, наконец, современные пролетарии, не владеющие никакой участвующей в

производстве собственностью, и мелкобуржуазные слои, сохраняющие в своей частной собственности те или иные из средств производства,— это далеко еще не все социальные общности, на которые исторически дифференцировались трудящиеся как большинство населения. Каждая такая общность имела свои особые интересы и боролась за них. Они поэтому не могут находить выражение просто в одной и той же морали⁵⁰. Предполагать, что все трудящиеся «одинаково способны» на работу коммунистического преобразования общества, по выражению В. И. Ленина, «было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарковского, социалиста»⁵¹.

Выявление единых интересов, заслоняемых расходящимися интересами, и достижение реального единства даются различным слоям трудящихся лишь в итоге тяжелой борьбы, главным образом в периоды крупных общественных движений, в периоды назревших социальных перемен, да и то чаще всего неполно, с весьма неадекватным выражением их в сознании масс, в частности, в моральном сознании. При этом многое зависит от хода событий, от ряда факторов, связанных не только с глубинными интересами классов, но и с моментами борьбы, с ее напряжением. Единство в этих условиях с неизбежностью ограничивается лишь некоторыми отношениями, некоторыми сферами действия и целями, а не распространяется на все — далеко не доходит до слияния, до образования идиллически непротиворечивого «большинства». Можно вспомнить, например, как много сил в 1917 г. и в последующем потребовалось большевикам положить на разъяснение того, в чем состояло и состоит единство коренных интересов рабочих и крестьян нашей страны, каковы выгоды их классового союза, смычки.

«Крестьяне,— говорил В. И. Ленин,— есть особый класс: как труженики, они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники»⁵². Не придавать этому значения и говорить «просто» о трудящихся, о широких народных массах означало бы утрачивать правильную классовую ориентацию. Поучительно в этом смысле следующее разъяснение В. И. Ленина, относящееся, конечно, ко времени капиталистического общества: «Что такое широкие народные массы? Это — неразвитые

⁵⁰ «Нравственность трудящихся одной эпохи по существу не отличается от нравственности трудящихся другой эпохи...», — считает в противоположность этому Г. Д. Бандзеладзе (см. его кч.: *Этика*, стр. 98).

⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 361. В. И. Ленин давал и более категорические формулировки на этот счет, например: «Крестьянин как труженик и крестьянин как эксплуататор...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 263; см. также стр. 455).

пролетарии и мелкие буржуа, полные предрассудков мещанских, националистических, реакционных, клерикальных и проч. и проч. ... Призыв... к «уважению» морально-правового сознания широких народных масс есть призыв мещанина к уважению мещанских предрассудков»⁵³. Поэтому в социалистической революции во многом различны судьбы, цели, пути классов, составляющих трудящиеся массы. Не случайно социалистическая революция нуждается в установлении диктатуры не большинства населения, не всех трудящихся, а только одного пролетариата.

Осуществление такой диктатуры требует гибкого классового союза рабочих с крестьянами и иными непролетарскими слоями трудящихся, а следовательно, выявляет единство коренных интересов пролетариата и других слоев трудящихся. Но этот союз не есть растворение пролетариата в «большинстве» народа. Наоборот, этот союз закрепляет за пролетариатом положение авангарда и вождя непролетарских масс, который сохраняет свою самостоятельность и держит революционную инициативу в своих руках. Союзные отношения означают использование диктатуры пролетариата в интересах всех трудящихся, но прежде всего в интересах социалистического общественного преобразования, которое у непролетарских масс встречает не совсем то отношение, что у пролетариата. Поэтому на время, переходное от капитализма к социализму, не может быть равенства между рабочим и крестьянином⁵⁴. Трудящиеся не могут в этот период действовать как простое большинство, потому что это было бы большинство не пролетарское, а крестьянское, мелкобуржуазное, самостоятельно не способное идти по пути социалистического преобразования общества. «Возьмите 60 крестьян, 10 рабочих,— говорил в применении к подобной ситуации В. И. Ленин.— ...Что же, они равны по-вашему? 60 крестьян имеют право решать, а 10 рабочих должны подчиняться? Великий принцип равенства, единства трудовой демократии и решения большинства!»⁵⁵ Тех, кто думал, что здесь может решать большинство, В. И. Ленин называл шутами гороховыми и высмеивал их слова.

Лишь постепенно, уже после низвержения буржуазии, пролетариат оказывается способен привлечь на свою сторону «многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 199—200.

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 356. См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 269—268, 453—461.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 360.

выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры»⁵⁶. И все это во всей своей сложности отражается в сфере нравственной жизни пролетариата и непролетарских слоев трудящихся.

Так, что, ни рассуждая о закономерностях развития нравственности, ни в какой-либо иной связи нельзя об общих, единых интересах народных масс говорить неисторически и неконкретно как о том, что будто бы всегда лежит на поверхности общественной жизни в виде чего-то вполне выявленного, вполне осознанного, не осложненного никакими противоречиями и обнаруживающего цельное большинство населения. Тем более недопустимо отождествлять с этим сложным, противоречивым и весьма изменчивым единством, порой вовсе теряющимся в возникающих столкновениях, общечеловеческие компоненты морали.

Выше было отмечено, что в нашей литературе высказывается также мысль, по которой общечеловеческое в морали есть то, что соответствует в ней исторической необходимости. Например, утверждается: «Соответствие содержания нравственности с требованиями исторической необходимости — основа ... общечеловеческого характера моральных представлений»⁵⁷. Под соответствием моральных явлений требованиям исторической необходимости в подобных высказываниях подразумевается совпадение действия этих явлений по своей направленности с прогрессивными, и только с прогрессивными, тенденциями общественного развития.

Внимательный анализ мыслимых теоретических оснований подобного мнения (по общему правилу оно высказывается без обоснования) показывает, что и оно не ведет нас к правильным выводам. Критерий соответствия исторической необходимости (или ее требованиям) оказывается в данном случае псевдокритерием. На его основе невозможно отделить в морали и в любой другой области ни классовое от общечеловеческого, ни прогрессивное от антипрогрессивного. Исторической необходимостью, хотя и по-разному, бывают обусловлены, т. е. ей по-своему соответствуют, и первое, и второе, и третье, и четвертое. Сама историческая необходимость, конечно, только потому и является исторической, что она преходяща: на сегодняшнем этапе она делает необходимым то, что не было таковым на

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

⁵⁷ О. Н. Крутова. Человек и мораль, стр. 35.

предшествующем этапе и что, возможно, не будет необходимым на последующих этапах. Она, следовательно, имеет свою тенденцию, с которой непосредственно связан, в частности, исторически преходящий характер всего прогрессивного и всего антипрогрессивного. Однако эти последние — и прогрессивное, и антипрогрессивное — являются каждое в своем качестве именно необходимыми исторически, а не необходимыми.

Исторической необходимости непосредственно противостоят в интересующем нас отношении не классовое и антипрогрессивное, а явления, которые еще не приобрели или уже утратили характер необходимости, и явления более или менее случайные. Не обусловленные общественной потребностью и тем самым необходимостью, случайные явления в морали имеются. Это, например, отдельные условности этикета, которые могут быть заменены по произволу узкого круга лиц и могут вообще быть без большой беды отброшены этими лицами. Такие явления составляют сферу относительно несущественного в морали. Ни классовые, ни общечеловеческие компоненты морали в своем основном содержании к случайному не сводятся. Те и другие, каждые по-своему, обусловлены исторической необходимостью.

Исторической необходимостью, несомненно, определяются как ввод той или иной нравственной системы в практику на одном этапе, так и прекращение ее использования на другом этапе, как ее прогрессивное значение вначале, так и ее консервативное или даже реакционное значение впоследствии. Но и в этой связи для нас на данной основе не возникает какой-либо особой возможности различать в той или иной системе нравственности ее классовые и общечеловеческие начала. Такого положения, чтобы для общественной жизни было необходимым только общечеловеческое, а классовое было бы не необходимым, не возникает на протяжении тысячелетий. С переходом общества к коммунизму такое положение наступит. Но, относящееся к довольно отдаленному будущему, оно не есть общее правило, которое мы могли бы применять ко всей истории морали и ко всем вообще проявлениям исторической необходимости. Сегодня оно еще не стало (и непосредственно завтра тоже еще не станет) актуальной необходимостью.

Совершенно бесосновательно связывание с исторической необходимостью, а вместе с тем и с общечеловеческим лишь того в морали, что соответствует прогрессивной тенденции развития (пишут, например, что общечеловеческое выступает в виде представлений прогрессивного класса или что нравственность трудящихся классов имеет классовый характер, но в то же время является и всеобщей, общечеловеческой, «поскольку она естест-

венна и прогрессивна»). Реакционные тенденции в морали и вообще в общественной жизни представляют собой такое же закономерное, объективно обусловленное и исторически неизбежное проявление жизнедеятельности реакционных классов, как прогрессивные тенденции — проявление жизнедеятельности прогрессивных классов. Этот факт мы не можем произвольно отбрасывать и отрицать. Приписывание необходимости только прогрессу — следствие се недиалектического истолкования. В жизни необходимость диалектична. Она обладает не однолинейностью, а внутренней раздвоенностью, противоречивостью — качеством, дающим основание обеим сторонам развивающегося общественного противоречия — и прогрессивной, и антипрогрессивной. В антагонистическом обществе исторической (по своему содержанию более всего экономической) необходимостью обусловлено развитие всех классов-антагонистов, всей их борьбы между собой, всех их моральных систем. При этом, разумеется, одни классы и их моральные системы на том или ином этапе бывают обусловлены исторической необходимостью как прогрессивные, другие — как консервативные или реакционные. Отсюда следует, что надлежит специально изучать, каким качеством — прогрессивности или иным — и почему обладает в общественной жизни на том или ином этапе то или иное из обусловленных исторической необходимостью явлений, а не представлять без дальнейших разговоров только необходимое прогрессивным и только прогрессивное необходимым, как в свое время Григорий Сковорода объявлял только нужное нетрудным и только нетрудное нужным.

И общечеловеческие, и классовые элементы одновременно и неизбежно присутствуют в морали как прогрессивных, так и антипрогрессивных классов. Стоит только от слишком абстрактных представлений перейти к рассмотрению конкретных форм общечеловеческого в морали и приглядеться хотя бы к одной из них, чтобы стало очевидным, что этими формами общечеловеческого пользуются в своей нравственной практике не только передовые, но и реакционные классы, что эти формы свойственны не только прогрессивным, но и реакционным нравственным системам. Уже сам факт принадлежности реакционных, антипрогрессивных нравственных систем к общечеловеческому явлению нравственности как таковой, оспариваемый лишь единичными авторами-марксистами и лишь в силу неправомерного употребления терминологии, свидетельствует, что этим системам не могут быть чужды те общечеловеческие черты, которые делают всякую конкретную мораль вообще моралью. Несомненно, далее, что так называемые простые нормы используются нрав-

ственностью антипрогрессивных классов столь же обязательно, как и нравственностью прогрессивных классов, а эти нормы имеют общечеловеческий характер. Аналогичным образом обстоит дело и со всеми прочими общечеловеческими элементами морали.

Изучение связи между исторической необходимостью, соотношением классового и общечеловеческого и соотношением прогрессивного и антипрогрессивного (консервативного, реакционного, регрессивного) в морали чрезвычайно актуально. Но эту связь, имеющую в действительности очень сложный и противоречивый характер, неверно изображать прямолинейной и однозначной, будто бы выражаемой взаимосоответствием необходимости лишь с общечеловеческим и прогрессивным. Соотношения и исторической необходимости с не необходимым, и классового с общечеловеческим, и прогрессивного с антипрогрессивным в морали подвижны, изменчивы, подвержены взаимопереходам. Все прогрессивное при этом (исторически преходящее прогрессивное, ибо иным оно не бывает) в известном смысле сохраняет во всех исторически необходимых переменах роль ведущего, определяющего. Но к нему ни на одном этапе не сводится в полном объеме ни исторически необходимое, ни общечеловеческое ни в морали, ни в иных общественных явлениях.

А потому и не выдерживает критики желание считать соответствие исторической необходимости (ее требованиям) основой только общечеловеческого в морали, мнение, будто бы по такому чрезвычайно общему признаку, как соответствие исторической необходимости, взятой вообще (без внимания к ее внутренней противоречивости), можно различать общечеловеческое и классовое в морали.

Имеется попытка представить общечеловеческое в морали выражением истины в ней. «Эти две характеристики морали,— говорится, например, в одной из монографий,— в конечном счете едины. Мораль рабочего класса, классовая и общечеловеческая одновременно,— объективно-истинная, а мораль предшествующих прогрессивных классов истинна в той мере, в какой она содержит элементы общечеловеческого»⁵⁸.

Не станем дискутировать по вопросу о принципиальной возможности считать мораль явлением, характеризваемым с точки зрения его истинности или ложности (ныне среди марксистов широко признано, что это вопрос действительно еще дискуссионный). Ограничимся обсуждением лишь того, можно ли отожде-

⁵⁸ О. Н. Крутова. Человек и мораль, стр. 36. Неясно, кстати, что хотел сказать автор, противопоставляя «объективно истинное» «истинному в какой-то мере».

ствлять «истину в морали» именно с общечеловеческим в морали. В теоретическом плане, каковы бы ни были прочие соображения на этот счет, один из значимых моментов, который следует как вывод из уподобления общечеловеческого в морали истине, заключается в том, что все не составляющее общечеловеческого в морали с этой точки зрения мы должны считать ложным, ошибочным, принадлежащим к заблуждениям, ибо именно такова непосредственная противоположность истины. Представление это не может быть принято потому, что нельзя считать ошибкой, заблуждением, чем-то ложным мораль, адекватно выражающую интересы тех классов, чьей моралью она является, даже если классы эти реакционны.

Относительно морали классового общества в связи с выявлением в ней общечеловеческого необходимо признать прежде всего бесспорность того, что, каковы бы ни были противоположности между моральными системами тех или иных классов, все эти системы представляют собой лишь различные модификации одного и того же особого явления общественной жизни — морали как таковой. Иными словами, необходимо исходить из следующих положений: мораль не составляет некоего неизменного абсолюта, а соответственно меняющимся общественным потребностям преобразуется и выступает в виде различных модификаций; однако в любых ее модификациях не ликвидируется общая специфика морали как особого явления социальной действительности: есть нечто, объединяющее все конкретные модификации морали, делающее их именно моралью, а не чем-то другим, и обеспечивающее непрерывность существования морали в ее исторической трансформации. Это нечто, противостоящее специальным признакам каждой из отдельных модификаций морали, противостоящее, в частности, особым признакам каждой из классовых систем морали, общее им всем, и есть, несомненно, общечеловеческое в ней. В чем оно конкретно выражается, какие элементы его составляют, нельзя определить абстрактным путем и должно выявляться лишь при конкретном сравнении различных (а в пределе — всех) известных истории систем морали.

Отметим, что сама мораль как явление, сохраняющее единство во всех своих конкретных исторических модификациях, взятое именно и только в общем и целом, а не в своих конкретных проявлениях, общечеловеческа. Она общечеловеческа прежде всего в том смысле, что ни одна человеческая общность не может существовать и развиваться без морали.

В абстрактном плане, до более конкретного рассмотрения общечеловеческого в морали, мы можем затронуть еще вопрос о

его историческом развитии и многообразии. До сих пор речь об общечеловеческом в морали шла по преимуществу как о том, что в равной мере присуще всем ее историческим модификациям со времени ее возникновения до ее научно предвидимого будущего. Но это — общечеловеческое вне его развития. Между тем, разумеется, правомерно также говорить о развитии общечеловеческого в морали и его особенностях на различных этапах истории. С учетом этого термин «общечеловеческое в морали», видимо, возможно употреблять по крайней мере в двух значениях — как относящийся ко всему историческому развитию морали и как относящийся к проявлениям моральной жизни лишь на отдельных этапах развития.

С этими уточнениями возможно перейти к рассмотрению конкретных компонентов общечеловеческого в морали.

В марксистской этической литературе давно уже указано как на общечеловеческие, так и на простые нормы нравственности. Отношение к этим нормам в разное время у марксистов было неодинаковым и не раз становилось предметом дискуссии. После принятия указывающей на них новой, ныне действующей Программы КПСС факт наличия простых норм в морали и их общечеловеческого характера уже не оспаривается. Но в отношении их понимания существует немало неясностей и разных мнений.

Иногда простые нормы нравственности объявляются некоторым моральным минимумом в отношениях между людьми, не входящим в сферу классовых отношений. Вряд ли с этим можно согласиться. Классовость пронизывает все отношения классового общества снизу доверху и сверху донизу. Конечно, она проявляется многообразно и чаще всего непрямолинейно. Но она проявляется во всех без исключения общественных отношениях, которые бывают внутриклассовыми и междуклассовыми, но не внеклассовыми. Так что ни минимума, ни максимума внеклассовых отношений, будто бы обеспечивающего единство классового общества, в этом обществе нет. Сама идея, будто бы единство классов может быть неклассовым, заключает в себе несообразность. Простые нормы нравственности действуют в условиях классового общества не за пределами классовых отношений, а в их пределах. Моральное же единство такого общества, т. е. его качественная определенность в моральном отношении, есть единство классовых противоположностей в его морали и не имеет за пределами этих противоположностей никакого продолжения.

Фактически еще не стал предметом серьезного обсуждения принципиально важный вопрос о критерии, признаке, на основании которого можно отделять простые общечеловеческие нормы

нравственности от норм, не являющихся ни простыми, ни общечеловеческими, эффективных только в какой-либо одной системе морали. Указывают, что простые нормы обладают понятным для всех значением, ни у кого не вызывают возражения, для всех приемлемы. Но и без доказательств видно, что такие критерии недостаточно строги для их полноценного использования в науке. На наш взгляд, удовлетворительным критерием выделения простых норм нравственности можно считать ту их особенность, ввиду которой эти нормы без видимых изменений объема, сферы приложения и структурной характеристики способны действовать одновременно в различных моральных системах, даже противоположных.

Не могут быть обойдены молчанием дискуссии в связи с содержащимся в «Учредительном Манифесте» Первого Интернационала положением об обязанности рабочего класса «отстаивать те простые законы морали и справедливости, что должны бы управлять отношениями частных лиц, как верховное в законах общения народов»⁵⁹. Автором «Учредительного Манифеста» был К. Маркс. Тем не менее некоторые марксисты считали это положение немарксистским. Г. В. Плеханов и Л. И. Аксельрод-Ортодокс доказывали, наоборот, что оно марксистское, но давали ему не интернационалистское, а националистическое применение и при этом склонялись к кантианским выводам. В двадцатые, тридцатые, сороковые годы среди советских марксистов установилось мнение о его неправомочности. Ныне в работах по данной теме возобладало обратное мнение. Подчеркнем, что сегодня подлежит обсуждению не факт существования и развития простых норм, или законов, нравственности и справедливости (он признан), а лишь положение о них, сформулированное в «Учредительном Манифесте». Что в нем вызывает вопросы?

Требуется уточнения прежде всего то, в каком смысле не обладающие классовым характером простые нормы можно считать в отношениях между народами чем-то верховным, высшим (paramount). В наиболее точном значении высшими для революционного пролетариата являются его классовые нормы, что и выражено в призыве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а затем подтверждено всей практикой пролетарского интернационализма, направляемой марксистскими партиями рабочего класса. В частности, нормы, которыми регулируются отношения

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 11. Перевод уточнен. В Сочинениях он таков: «... добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».

между народами, ныне уже идущими по социалистическому пути, ни в коей мере не сводятся к простым⁶⁰.

В. И. Ленин по поводу формулировки из «Учредительного Манифеста» высказывался предположительно, в вопросительной форме, что, несомненно, свидетельствует о допускаемой в ней неясности, о необходимости уточнений, и говорил так: «Не есть ли это «программа-минимум» в интернациональной политике?» Эту формулировку он именовал словами «о принципах отношений между государствами»⁶¹.

По-видимому, под высшим, верховным в этом случае только и следует понимать то, что до революции относится к первоочередным целям рабочего класса в международных отношениях, начально необходимое ему в данной сфере общественной жизни, то, чего он может и должен добиваться от государств, еще остающихся буржуазными. Это не то высшее, что становится задачей для рабочего класса, уже совершившего революцию и устанавливающего международные отношения в новых условиях, по «программе-максимум».

Далее. Слова К. Маркса о том, что простые законы морали и справедливости «должны бы управлять» (ought to govern) отношениями «частных лиц» (of private individuals), нуждаются в пояснении как со стороны того, в какой мере революционные пролетарии могут во взаимоотношениях между собой и с лицами из других классов оставаться лишь частными лицами, а не представителями своего класса, так и со стороны того, не означают ли эти слова указания на несоблюдение или по меньшей мере на частые нарушения декларируемых буржуазией моральных норм.

О таких нормах В. И. Ленин специально писал, что они справедливо осмеивались революционными пролетариями «тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров»⁶². Марксизм совсем не ограничивается речами о безотносительной к классам нравственности и справедливости, презрительно относится к «гуманной» фразе о *справедливости*⁶³, не допускает поклонения модным буржуазным богиням «справедливости, свободы, равенства и т. д.» и прочей «современной мифологии» буржуазии⁶⁴. Вопрос о справедливости и нравственности в марксизме ставится так: «Закон-

⁶⁰ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, стр. 20—23, 56, 60—61.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 267.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 174.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 337.

⁶⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 55.

ность и справедливость с какой точки зрения? Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем»⁶⁵. — «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата»⁶⁶. Такие заявления и разъяснения чрезвычайно далеки от абстрактной проповеди нравственности и справедливости.

Приведенные соображения заставляют рассматривать тезис о простых законах морали из «Учредительного Манифеста» как не совсем четкий и нуждающийся в комментариях, как сформулированный К. Марксом при особых, стеснявших его обстоятельствах. Чтобы уяснить, с чем это было связано, надо обратиться к истории рабочего движения, Интернационала.

I Интернационал возник как революционное объединение рабочих, ранее принадлежавших к течениям оуэнистов, бланкистов, прудонистов, мадзинистов и т. д. Им только еще предстояло прийти к марксизму. Свои революционные устремления они выражали еще незрело, используя фразы, которые «могут означать все или в то же время ничего»⁶⁷. К этому нельзя относиться высокомерно. О фразеологии такого рода Ф. Энгельс говорил, что в агитации она «имеет *при известных обстоятельствах* свое оправдание»⁶⁸. Миновать этап ее широкого распространения в рабочем движении практически было невозможно. Неудивительно, что «в документах Интернационала приходилось кое-где говорить на языке тех людей, к которым обращались»⁶⁹. Это было временной уступкой, скидкой на еще не преодоленные слабости, на теоретическую неискушенность и идеологические предрассудки объединившихся в Интернационал рабочих.

Существенны конкретные обстоятельства, при которых были приняты «Учредительный Манифест» и «Устав» Интернационала. Первоначальные, не дошедшие до нас варианты документов, охарактеризованные К. Марксом как чепуха, были составлены и даже одобрены без его участия⁷⁰. С большим тактом, избежав опасности испортить взаимоотношения с товарищами, К. Маркс сумел все написать заново. Рассказывая об этом Ф. Энгельсу, К. Маркс замечал: «Было очень трудно сделать так, чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 292.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 310.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 76.

⁶⁸ Там же, стр. 154.

⁶⁹ Там же, стр. 76; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 365.

⁷⁰ См.: Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 г. Протоколы. М., 1961, стр. 6—11, 275—277.

делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения... Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть *fortiter in re, suaviter in modo*⁷¹, т. е. сильным на деле, учтивым по манере. Причем К. Маркса все же обязали, как сообщал он Ф. Энгельсу, принять для преамбулы «Устава» две фразы о «долге» и «праве», а также «истину, нравственность и справедливость».

Таким образом, К. Маркс был вынуждаем обстоятельствами быть мягче, терпимее, «учтивее» при выборе способов высказывания своих взглядов, приносить некоторые жертвы предрассудкам ряда членов формировавшегося Интернационала в вопросах теории⁷². Причем в большой мере это касалось понятий истины, нравственности, права, справедливости.

Этим и объясняется некоторая неясность интересующей нас формулировки о простых законах морали, нравственности.

Простые нормы находят применение в чрезвычайно часто встречающихся, но тривиальных ситуациях. Они мало связаны с мировоззрением, не противоречат приверженности человека любой из действующих в обществе нравственных систем. Поэтому они никогда не составляют ядра, определяющего элемента ни одной системы морали, хотя и входят в них, а не действуют помимо таких систем, за их рамками.

Для понимания простых норм нравственности принципиальное значение имеет как раз то обстоятельство, что они не могут функционировать вполне автономно и не образуют никакой самостоятельной системы морали, а получают применение только в виде составного, притом подчиненного элемента нравственных систем, в соединении с иными, не общечеловеческими и не простыми нормами морали (в классовом обществе — с классовыми), которые образуют реальное ядро данной системы нравственности, выступают в системообразующей роли и, в частности, придают общую направленность действию простых норм. Иначе говоря, простые нормы в составе различных классовых

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 13; см. также стр. 366.

⁷² Центральным Советом Интернационала 1 ноября 1864 г. была выражена признательность «за их труды по составлению столь замечательного Манифеста» трем членам Совета — «доктору Марксу, г-ну Уэстону и г-ну Ле Любе» (Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866... Протоколы, стр. 10—11). Оуэнист Дж. Уэстон был автором первоначального проекта «программы», представитель французского мелкобуржуазного радикализма В. Ле Любе — автором второго варианта «декларации принципов», К. Маркс — автором окончательного текста. Об Уэстоне как авторе начального материала И. Г. Эккартус писал К. Марксу, что он «не знает, по-видимому, никакой другой основы рабочего движения, кроме избитой фразы *truth and justice* [об истине и справедливости]» (там же, стр. 276).

систем морали остаются одними и теми же, но общесоциальный эффект их действия бывает при этом радикально различным: в одном случае они служат на пользу одному классу, в другом — другому. Только поэтому такие нормы отвергаются рабочим классом, когда они в составе буржуазной морали прикрывают буржуазное господство, но в полной мере принимают пролетариатом, когда они включаются в мораль пролетарскую и служат интересам рабочего класса. Так что, оставаясь общечеловеческими в смысле их использования самими различными социальными общностями, они реально используются этими общностями не в общечеловеческих, а в особых (в классовом обществе в классовых) интересах.

Отсюда следует, что простые нормы нравственности общечеловечны не абсолютно, а только в определенных отношениях. В составе классовых систем морали они служат классам, причем классам разным: в одних случаях пролетариату, в других — буржуазии или каким-то иным. Поэтому нельзя согласиться с высказываемым иногда мнением, что они, будучи итогом деятельности всего народа, функционируют вопреки эксплуататорскому строю. Ввиду их общечеловеческого характера они сочетаются как раз с любым строем общественных отношений и со всеми направлениями морального развития, в том числе и с эксплуататорской моралью. Как орудие, поворачиваемое в разные стороны, они могут действовать и в направлении упрочения того или иного строя, и в направлении его разрушения.

Переходя из одной моральной системы в другую, простые нормы нравственности не остаются совершенно неизменными. Они развиваются в соответствии с обогащением общественной жизни, образованием новых и исчезновением некоторых старых сфер деятельности людей. Однако в сравнении с непосредственно классовыми элементами простые нормы — все же относительно константный элемент морали, эволюционирование которого совершается более или менее постепенно и плавно.

Простыми нормами не исчерпывается то в морали, что имеет общечеловеческий характер. К общечеловеческому в морали принадлежит единство наиболее общих форм проявления и законов действия и развития морали. Таковы, если от самой общей констатации начать переход к более конкретному их выявлению, общая регулятивная функция морали как социального явления, специфическим образом направляющего поведение людей, распространенность ее действия на некоторую сферу поведения людей, ее надстроечный характер, ее существование в двух тесно связанных между собой, но вместе с тем и различающихся формах: в форме общественного явления, стоящего над

личностью, внешнего для нее, и в форме общественного явления, входящего во внутренний мир личности в виде определенных моральных убеждений, привычек, качеств личности.

Далее, это некоторый круг специфически моральных понятий в их общем смысле и соотношении — понятий добра, долга и т. д., составляющих основу так называемого языка морали, который также имеет в целом общечеловеческий характер. Круг этих понятий со временем расширяется. Но в своем основном составе они все же существуют века и даже тысячелетия, переживая смену многих различных моральных систем. Понятия, составляющие этот круг, в их взаимосвязи образуют некоторую общую форму выражения морального содержания как такового, используемую для передачи самого разнообразного конкретного морального содержания, порой прямо противоположного. «Добро, зло, долг, совесть, достоинство — эти и другие формы морального сознания, — совершенно правильно пишет В. С. Марков, — являются общечеловеческими только в том смысле, что они выработаны не практикой одного какого-либо класса и что без них не обходится ни одна система морали. При этом в каждой системе морали содержание их определяется по-своему, с точки зрения основных интересов данного класса»⁷³.

Общечеловеческими в морали являются также формы возникновения, существования и действия ее норм (в частности, обязательность подчинения личного общественному как условие действия любой моральной нормы), формы связи с ними моральных оценок как актов сравнения поведения с нормами, формы опоры того и другого — норм и оценок — на общественное мнение, а не на институты официальной власти и т. д.

Общечеловеческим явлением в морали классового общества, как то уже было вскользь отмечено выше, выступает и взятая в общем виде ее классовость, т. е. невозможность для морали, как и для многих иных общественных явлений, быть неклассовой. Есть в морали и другие общечеловеческие явления. Во всей полноте они могут быть установлены только специальными исследованиями.

Общечеловеческие компоненты морали, через посредство которых получает выражение, в частности, и ее классовое, необщечеловеческое содержание, способствуют осуществлению преемственности, составляющей необходимый момент перехода от одной моральной системы к другой. Преемственность, однако, не огра-

⁷³ В. С. Марков. Классовое и общечеловеческое в морали. — «Агитатор», 1969, № 2, стр. 52.

ничивается сферой общечеловеческого, распространяется и на специфическое, необщечеловеческое в моральных системах, которое находится в диалектической связи взаимоперехода с общечеловеческим, проявляющимся в каждой отдельной, специфичной моральной системе не иначе, как в виде особой модификации общечеловеческой морали, ибо общее всегда реализуется через частное, через особенное.

Из сказанного явствует, что классовое в морали — не абсолютная, а лишь относительная противоположность общечеловеческому и что в целом то самое в морали, что в одном отношении выступает как общечеловеческое, в другом отношении выступает как классовое, как относящееся только к одной особой моральной системе. Нет буквально ни одного морального явления, которое в классовом обществе не обладало бы этими сторонами: в одном отношении — принадлежностью к классовому, в другом — принадлежностью к общечеловеческому. Так что те классовые и общечеловеческие компоненты, или элементы, в морали, которые мы все время имеем в виду, в действительности представляют собой разные стороны одного и того же.

Но при отмеченной относительности противоположности классового и общечеловеческого в морали объективна. Ее нельзя сбрасывать со счетов. Ее, наоборот, необходимо специально прослеживать и выявлять, если мы не хотим уподобить марксистскую этику этике буржуазной, «растворяющей» классовое содержание морали в общечеловеческом. Поэтому нельзя согласиться со следующим, например, заявлением: «К числу «издержек», которые имели место, следует отнести разрыв классовой и общечеловеческой сторон морали, их противопоставление, отстаивание их независимости, самостоятельности»⁷⁴. Противопоставление этих сторон морали и отстаивание их относительной самостоятельности, их относительной независимости не только не означают издержек в развитии марксистской этики, а означают, наоборот, ее заслугу и фактически являются условием для установления действительной взаимосвязи классового и общечеловеческого в морали различных классов. Издержку в развитии марксистской этики составляет противоположная установка — отождествление, неразличение классового и общечеловеческого.

В жизни взаимосвязь указанных двух сторон морали сложна. Так, по ходу исторического развития утрачиваются одни формы

⁷⁴ Е. И. Бородинкина. Диалектическое единство классового и общечеловеческого в морали — важнейший принцип марксистско-ленинской этики. — «Ленинское этическое наследие и современность», стр. 67.

реализации общечеловеческого и приобретаются другие. Меняются, что более очевидно, также и классовые моменты, но меняются они иначе, чем общечеловеческие. Основными субъектами морали в классовом обществе выступают классы, поэтому классовое содержание морали для общества в известном смысле важнее общечеловеческого ее содержания. От него непосредственно зависит конкретная роль морали в обществе, прогрессивная или антипрогрессивная.

Следует иметь в виду также, что классовое содержание морали в силу многих обстоятельств часто приобретает видимость общечеловеческого. Поэтому открывать классовое под общечеловеческим не легче, чем общечеловеческое под классовым. В научном плане важны обе эти задачи. В практическом отношении для прогрессивных сил общества неизмеримо важнее раскрытие классового.

Переходы от одной моральной системы к другой в ходе нравственного прогресса человечества теоретически могут отчасти быть представлены в виде такого отрицания старых моральных систем новыми, при котором преодоление старого и здоровая преемственность осуществляются как бы в порядке «вынесения за скобки» старого классового элемента морали с одновременным приданием ей нового классового значения и последующим ее разворачиванием в цельную новую классовую систему путем главным образом ее пополнения и обогащения. Практически в такую «процедуру», выполняемую новым классом, входит «переоценка ценностей» морали — критический пересмотр старой морали и поиски в ней всего полезного для новой. Эта переоценка ценностей занимает более или менее значительное время и преодолевает крайности негативизма, прожектерства, слепого заимствования и подражательства. Но для нас важно отметить, что в ней можно в какой-то мере увидеть отделение классового от общечеловеческого в морали — отделение одного классового и замену его другим классовым же. Особенно убедительно все это видно на примере восприятия героев прошлого в качестве положительных образцов в новой морали. Эти герои могут служить образцами в новых условиях не иначе как за вычетом их специфических классовых особенностей, в переосмыслении их поведения. Но сам факт их положительного восприятия новой моралью — свидетельство присутствия в их моральных качествах и поведении наряду с классовым также того, что является нравственно общечеловеческим.

Имеет громадное значение также такой общеизвестный аспект классового и общечеловеческого в морали и иных общественных явлениях, как классовое настоящее и бесклассовое будущее с

его единой для всех моралью. Только в будущем коммунистическом обществе мораль, по словам Ф. Энгельса, станет действительно человеческой моралью, стоящей выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них⁷⁵. Это будет наиболее полное осуществление морального единства человечества, всех составляющих его людей.

Одним из этапов превращения классовой (пролетарской) морали в мораль общечеловеческую является мораль нашего современного социалистического общества. Это выраженная форма морали переходного типа, совершенно особым образом совмещающая в себе классовые и общечеловеческие черты. Будучи по происхождению моралью революционного рабочего класса, оставаясь таковой в соотношении с буржуазной моралью, мораль советского общества, если брать ее на главном поле ее действия, внутри советской страны, выражает интересы уже не одного только рабочего класса, но и спланивающегося вокруг рабочего класса всего советского народа. В этом определенном отношении она, хотя еще и не стала общечеловеческой, уже «переросла (или перерастает) из классовой в *общенародную*»⁷⁶, уже поднялась на ступень выше, ближе к общечеловеческой морали коммунизма.

Таким образом, если обобщить и восполнить сказанное, один из аспектов исторического преобразования в общечеловеческую мораль классовой морали — коммунистической морали революционного рабочего класса — начинает выглядеть примерно так: «...Сфера действия этой морали последовательно расширяется, охватывая сначала коммунистов и рабочих, затем идущих за ними трудящихся, затем людей социалистического лагеря и, наконец, все человечество. Классовое, пролетарское перерастает в общечеловеческое»⁷⁷. Одновременно, конечно, в этой морали происходят и многообразные качественные изменения, соответствующие актуальным потребностям каждого из переживаемых исторических этапов: отпадают одни нормы, возникают другие и т. д.

Следует отметить также то обстоятельство, что общечеловеческая мораль зрелого коммунизма явится высшей ступенью морали как явления, взятого во всей его полноте.

Соотношение классовых и общечеловеческих сторон морали, разумеется, не исчерпывается рассмотренными аспектами. Но в основном оно ими все же охватывается.

⁷⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 96.

⁷⁶ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960, стр. 127.

⁷⁷ Там же.

Правильно понимать соотношение классового и общечеловеческого в морали, проявляющееся чрезвычайно многосторонне,—насушная необходимость для научной этики, определяемая тем, что принцип классового подхода к общественным явлениям представляет собой средоточие других методологических принципов марксистской общественной науки, в частности и марксистской этики.

Конкретность и историзм

Одним из наиболее важных методологических принципов диалектического материализма, имеющих значение как для этики, так и для других наук, является принцип конкретно-исторического рассмотрения предмета, в данном случае морали.

Конкретно-исторический метод непосредственно противостоит другому важному научному методу — абстрактно-логическому, но противостоит не абсолютно, а относительно. Оба они плодотворно применяются наукой тогда, когда их используют во взаимосвязи, во взаимодополнении. В этом случае они удерживают теоретиков от превращения разрабатываемой теории в безжизненное и схоластическое философствование при неумеренном и одностороннем применении абстрактно-логических путей ее создания и в слепую фактографию при одностороннем и недальновидном доверии только конкретно-историческому подходу к материалу. В самом общем смысле исторический и логический методы составляют единство: логический является «тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей», он обеспечивает «отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»⁷⁸. Переходящая в единство взаимосвязь этих методов не исключает, а, наоборот, предполагает их относительную самостоятельность, преимущественное использование то одного, то другого на различных этапах и в различных пунктах научного исследования. Именно как метод, не дискредитирующий и не отменяющий абстрактно-логические исследования, а корректирующий их, обеспечивающий им жизненность, эффективность, плодотворность, конкретно-историческое рассмотрение явлений становится неотъемлемой принадлежностью научной этики.

Обратимся к вопросам применения конкретно-исторического подхода к морали.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

Антиисторическим поискам некоей единой и неизменной, на все времена и для всех народов скроенной морали (устремленности к этическому абсолютизму) и не менее антиисторическим тенденциям к признанию невозможности отдать какое бы то ни было предпочтение одной или другой моральной системе (склонности к этическому релятивизму) марксизм противопоставляет пронизанную глубоким историзмом теорию общественных формаций и их моральных систем. Эта теория позволяет и вынуждает отбросить идею абсолютной морали. Она также позволяет и обязывает во всем основном свести беспредельное многообразие нравственной жизни человечества за все время его существования ко вполне обозримой совокупности исторических типов морали, связанных с конкретными социальными общностями и приходящих один на смену другому в соответствии с объективными законами развития человечества. Эта теория сразу ставит на твердую почву научности все проблемы выделения моральных систем из «хаоса» моральной жизни людей, дает возможность рассматривать эти системы не в случайном сопоставлении, а в их реальной естественноисторической связи, понять объективное место каждой среди других, определить их действительную роль на каждом этапе по отношению к общественному и нравственному прогрессу. Иными словами, теория общественных формаций дает этике нужные ей объективные критерии для научного изучения всех тех явлений морали, представление о которых без такого подхода к ним, при рассмотрении их только абстрактно-логически, неизменно упиралось либо в этический абсолютизм, либо в этический релятивизм.

В существенном аспекте конкретно-историческое рассмотрение морали классовых формаций становится классовым ее рассмотрением. Однако классовый подход именно тогда в полной мере бывает научным и плодотворным, когда он действительно конкретно-историчен. Иначе неизбежна его вульгаризация, влекущая за собой научно несостоятельные выводы, что очень наглядно можно видеть, с одной стороны, по левацко-ревизионистским, с другой стороны, по право-ревизионистским уклонам от марксизма.

Не станем возвращаться к рассмотренным в связи с классовостью морали положениям ряда работ по этике, обнаруживающим некритическое отношение к этическому абсолютизму. Ясно, что эти положения, погрешающие против классового подхода к морали, нарушают и принципы конкретно-исторического анализа ее явлений. Возьмем другие моменты, также затрагивающие связь моральных форм с историческими условиями.

Устанавливая факт социальной обусловленности и функцио-

нальной, служебной нагруженности всех идеологических явлений в обществе, и в том числе явлений нравственных, марксизм раскрывает секрет того, почему определенные формы морали, эффективные в одних условиях, вовсе непригодны в других, почему они преобразуются от народа к народу и от этапа к этапу. Расстановка социальных сил, в целом укладывающаяся в рамки той или иной формации как общего типа общественных отношений, бывает достаточно своеобразна для каждой страны и для «каждой особой *полосы* исторического процесса»⁷⁹. Общее реализуется через особенное и единичное, и это в полной мере распространяется на мораль в ее зависимости от основных социальных факторов и в ее видоизменении под их воздействием. Поэтому и нужно, чтобы понять в ней тот или иной феномен, взятый непосредственно из жизни, подойти к нему не только со стороны общего представления о морали, но и со стороны его зависимости от специфической социальной обстановки, которой он непосредственно порожден и в которой он функционирует.

Если конкретно-исторический подход к морали необходим для установления научной истины о явлениях морали, для их теоретического объяснения, то еще более он необходим этике для практических рекомендаций по развитию морали. В этом наука никак не может исходить только из абстрактно-логических выкладок, ибо в самом лучшем случае такие выкладки могут привести ее лишь к чрезвычайно общим выводам, которые не найдут непосредственного применения на практике.

«Марксист,— говорил В. И. Ленин,— ни в каком случае не должен забывать, что лозунг *непосредственно* предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из *общего* лозунга известной программы... Для этого надо учесть *конкретную* историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из *предыдущих* шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста»⁸⁰. Это сказано В. И. Лениным по поводу политических, а не нравственных лозунгов, требований, рекомендаций. Но принципиальный подход марксиста к явлениям политической и явлениям моральной жизни во всем основном методологически един. Различие возникает прежде всего в связи с большей подвижностью, более сильной зависимостью политики от факторов момента в ее сравнении с моралью. Поэтому сказанное В. И. Лениным

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 312.

о задачах науки в связи с политическими лозунгами мы можем почти целиком применить к задачам науки в отношении развития нравственности. Общей коммунистической программы социального преобразования общества еще недостаточно для определения тех нравственных норм, которые объективно нужны на конкретных этапах преобразования капиталистического общества в коммунистическое. Каждому из этапов требуются свои нормы, соответствующие его особенностям как результату предыдущего развития.

При конкретно-историческом подходе должны учитываться в числе прочего и своеобразные нравственные традиции, и вообще все конкретные особенности исторического развития именно этого народа (его в прошлом приниженное положение или, наоборот, его принадлежность к народам с высоким экономическим и культурным уровнем, наличие или слабая развитость у него революционных традиций и т. д.). Не может быть вполне тождественным нравственное, как и все в целом общественное, развитие разных народов, даже если они объединяются и вместе идут к единой цели. Соответственно и отношение к тем или иным нравственным нормам, образцам должно быть дифференцированным. Слепое копирование, шаблонное применение одними народами нравственного опыта других не может давать вполне положительных результатов. Общее, что объединяет разные народы в их социальном и нравственном развитии и что определяет их равную принадлежность к одному и тому же типу нравственного развития, при правильном отношении к делу обязательно реализуется через некоторые специфические черты нравственного развития каждого из народов. Поэтому нельзя игнорировать ни общего, ни особенного в нравственном развитии народов. Недооценка общего ведет главным образом к националистическому уклону, недооценка особенного — к национальному нигилизму.

Условия исторического этапа определяют также уместность конкретных нравственных норм с точки зрения зрелости развития. Вполне соответствующее одному этапу становится пережитком на более позднем этапе и, наоборот, оказывается преждевременным на более раннем. Так, в современных условиях в нашей стране еще несвоевременно рассчитывать на готовность людей к труду только из любви к самому труду, вне материальной заинтересованности. С другой стороны, для нас уже непригоден и расчет на одну лишь материальную заинтересованность в труде, пренебрегающий моральными факторами.

Поучительны уроки стихийного хода нравственного развития и сознательного воздействия на него партии под руководством

В. И. Ленина в нашей стране в первые послеоктябрьские годы. Еще не накопив опыта по закладыванию основ нового общества, не располагая примером других народов, которые бы уже прошли этот путь, но исполненные революционного энтузиазма, активные участники советского строительства проявляли сильную тенденцию перенести навыки политического действия периода революции в область нравственных отношений — энергично и сразу навсегда установить в них абсолютно новые порядки. Именно отсюда, например, происходили в быту попытки широкого внедрения коммун с характерными для них установками на возможно больший отказ от всего личного, с вынесением порой даже интимного на общий суд коллектива. Отсюда шла и пролеткультовская установка на выработку «чисто пролетарских» идей, являвшаяся на деле вульгаризацией классово-пролетарской линии. Взорвать старое, срочно сконструировать и насадить новое — так можно сформулировать сущность этого настроения. Высказывались и левацкие пожелания вообще покончить с «такими вещами, как «долг», «должное», «справедливость» и тому подобные благочестивые словеса светской поповщины»⁸¹, со всякой моралью, неправомерно понимаемой как мораль только буржуазная⁸².

Такие тенденции встретили решительное сопротивление и осуждение у В. И. Ленина. Предупреждая от ошибок, он говорил: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий умеренного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому»⁸³. Против левацких заскоков, против антиисторического подхода к морали и вообще ко всей культуре, которую будто бы следует строить совершенно по-новому, выбросив все старое, В. И. Ленин выступал неоднократно. Во

⁸¹ *И.л. Вардин*. Этика или боевой устав? — «Правда», 20 декабря 1921 г.

⁸² См. об этом: *Г. А. Гонгарев*. Разработка проблем марксистской этики в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина. — «Философские науки», 1967, № 2.

⁸³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 223.

всех этих его выступлениях красной нитью проходит мысль, что нельзя увлекаться фантазиями и абстракциями, отрывать от реальной действительности с ее актуальными именно на настоящем этапе нуждами, что необходимо, преследуя революционные цели, исходить из имеющихся условий, и конкретных обстоятельств.

В апреле 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин указывал на необходимость преодолеть пренебрежительное отношение к простым нормам нравственности: после победы пролетарской революции они служили уже интересам не буржуазии, а трудящихся, делу налаживания хозяйства и всей общественной жизни в стране, а потому становились «очередными и главными лозунгами момента»⁸⁴.

В июне 1919 г. В. И. Ленин писал в знаменитой брошюре «Великий почин» о новой общественной связи, о новой общественной дисциплине (а тем самым и о новой морали), которую строит пролетариат. Буржуазно-интеллигентскому, фразистому, оторванному от жизни подходу он противопоставлял конкретно-исторический, деловой подход к вопросам революции, требовал от коммунистов, от идеологических работников партии особого внимания к творческому опыту самих революционных масс, к тому, как новое непосредственно вырастает благодаря инициативе передовых рабочих из условий их жизни, борьбы, труда. В. И. Ленин подчеркивал, что правильное решение задач перехода к социализму и коммунизму «может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, причем эти отношения складываются не в фантастически-гармоничной, «идеальной», обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии»⁸⁵. С этой точки зрения он и анализировал великий почин московских рабочих-железнодорожников — коммунистические субботники, в которых увидел «*фактическое начало коммунизма*»⁸⁶.

В октябре 1920 г., после ряда напоминаний, направленных против отрыва представлений о развитии нравственности от запросов повседневной жизни, В. И. Ленин выступил с программной речью «Задачи союзов молодежи». Она, как известно, в значительной части посвящена специально коммунистической морали

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 174.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 16.

⁸⁶ Там же, стр. 22.

и особенно выпукло проводит принцип конкретно-исторического подхода к ней. Этот принцип господствует и в определениях морали как таковой, и в рассмотрении задач молодежи, воспитывающей себя в духе коммунистической морали,— задач, которые в общем виде сводятся к подчинению каждого шага борьбе за коммунизм.

Через год, в ноябре 1921 г., выступая со статьей «О значении золота теперь и после полной победы социализма», В. И. Ленин доказывал, что в тот момент звеном цепи, за которое надо было всеми силами ухватиться, чтобы подготовить переход к следующему звену, становилось в экономическом строительстве оживление внутренней торговли под государственным контролем. Коммунистам такой вывод мог показаться странным, ибо оживление торговли, торговли частной, означало оживление буржуазно-экономических отношений. Но конкретно-исторический анализ обстановки показывал, что в противоположность поверхностному взгляду на вещи именно это решение давало в тех условиях больше всего для победы дела коммунизма. И В. И. Ленин делал отсюда соответствующий вывод также для морали. «Не дадим себя,— писал он,— во власть «социализму чувства» или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле»⁸⁷. Он обосновывал моральную позволительность пользоваться всеми и всякими экономически-переходными формами для решения задач революционного преобразования общества.

Большую кампанию в течение нескольких лет В. И. Ленин вел против неверных установок Пролеткульта в отношении строительства всей новой культуры и, в частности, в отношении развития новой нравственности, новой морали. Он вскрывал бесперспективность попыток выдумывать «классовые идеологические надстройки» в студиях Пролеткульта и учил по-деловому анализировать задачи переживаемого страной исторического этапа и действительный опыт революционного пролетариата, в среде которого уже действовала и получала дальнейшее развитие пролетарская коммунистическая мораль.

Борьба В. И. Ленина и партии против отрыва от конкретных исторических обстоятельств в выдвижении нравственных требований к массам трудящихся была настолько эффективна, что во всей последующей истории нашей страны уже практически не возникали серьезные рецидивы стремлений разрабатывать мо-

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 227.

раль безотносительно к действительному этапу общественного развития.

Тем не менее в этом отношении все же можно отметить некоторые идеи, высказываемые отдельными авторами в наше время и требующие критической настороженности. Вопрос касается прежде всего той склонности преувеличивать значение простых норм нравственности в нашей жизни, объявлять мораль нашего общества уже моралью общечеловеческой, выдвигать как некую моральную истину вселенские принципы человечности и т. д., которая в последние десять с небольшим лет довольно явственно обнаружилась в немалом количестве опубликованных этических работ и которая объективно способствует принижению классового значения нашей морали⁸⁸. Здесь мы сталкиваемся не только с известным забеганием вперед, но и с довольно явным отклонением вообще в сторону от действительного пути нравственного прогресса, от того его этапа, который характерен для нашего общества в его сегодняшнем реальном состоянии.

Бесспорно, что классовое развитие нашего общества привело к сближению всех классов и социальных групп трудящихся. Сегодня, на этапе развитого, зрелого социалистического общества, все классы, все социальные группы нашей страны — это дружественные, преследующие единые главные цели классы и группы социалистических трудящихся. Соответственно этому возросло и повысилось по своему общему уровню моральное единство советского народа. Это ясно и недвусмысленно констатировал XXIV съезд КПСС. Моральное единство советского народа развивается ныне и еще долго будет развиваться как единство всего народа на основе коммунистической морали именно рабочего класса, а не на основе морали общечеловеческой. С этой точки зрения и вызывают возражение те тенденции представить классовость как нечто уже преодоленное, которые обнаружилились в ряде этических работ.

В этой же связи нуждаются в критическом отношении попытки истолковать нравственный прогресс человека как совершенствование отношений между людьми в сторону утверждения в этих отношениях всего подлинно человеческого, как развитие и укрепление простых норм нравственности, рассматриваемых в качестве ядра общечеловеческих моральных требований, как повышение уровня гуманизации нравственности. Каковы бы ни были детальные истолкования этих определений, они имеют ту общую черту, что отрывают нравственный прогресс от кон-

⁸⁸ См. об этом: «Коммунист», 1968, № 14; «Вопросы философии», 1968, № 8, 9; Насущные вопросы этики. М., 1971.

клетных противоречий во всей их полноте, через которые и благодаря которым он совершается. Из понятия нравственного прогресса при этом в большей или меньшей мере выпадают классовые противоречия, те или иные формы классовой морали, а человек и гуманизм берутся как нечто качественно неизменное, неисторическое, абсолютное, «подлинно человеческое». Все это в целом не соотнобразовывается с теорией общественных формаций и соответствующих им классовых систем морали, выступающих как реальные ступени нравственного прогресса, не согласуется с конкретно-историческим подходом к развитию нравственности.

Дальнейшие успехи марксистских этических исследований, несомненно, в большой степени зависят от того, насколько правильно будет в единстве с методом абстрактно-логическим применяться в них метод конкретно-исторического подхода к рассматриваемому фактическому материалу.

Конечно, конкретно-исторический подход к морали не должен вести и при его правильном применении не ведет к ликвидации абстрактно-логического подхода к ней. Он не только оставляет, но и обеспечивает возможность и необходимость видеть в морали социальное явление в его целостности на протяжении всей истории человечества, видеть ее общие структурные особенности, общие функции и т. д., брать мораль в известном отвлечении от ее исторических форм. Однако без ущерба для теории такое абстрактно-логическое рассмотрение морали можно обособить от ее конкретно-исторического рассмотрения лишь до известных пределов, ибо оно всегда нуждается в проверке конкретно-историческим методом, в объединении с ним. Иначе оно не может обеспечивать научно состоятельных результатов.

Методологическая проблематика этики не ограничивается рассмотренной. Но исчерпывающе она и вообще не может быть рассмотрена, так как методологическим значением обладает каждое общее положение по отношению ко всем более частным положениям теории и, стало быть, всякая попытка полного изложения методологических проблем науки свелась бы к изложению всей данной науки под специфическим углом зрения.

Тем не менее рассмотренные проблемы могут считаться узловыми, центральными, важнейшими для этики в методологическом отношении, поскольку именно их диалектико-материалистическим решением в целом определяется весь характер этики как марксистской науки.

Содержание

Предисловие	3
Специфика и структура морали	7
<i>Проблема специфики морали — 9. Проблема структуры нравственного сознания — 38.</i>	
Социальные функции морали	50
<i>Понятие «функция морали» — 53. Ценностно-ориентирующая функция — 65. Регулятивная функция — 75. Функция формирования социального субъекта — 91. Интегральные итоги функционирования морали — 99.</i>	
Проблемы индивидуальной нравственности	106
<i>Этический подход к исследованию личности — 106. Структура индивидуальной нравственности — 118. Личность как объект и субъект моральной регуляции — 132.</i>	
Особенности выражения в языке морально-этического содержания	144
<i>Единство языка и мышления — 147. Язык морали и язык этики — 164. Основы развития этического языка — 182.</i>	
Категории и понятия этики	194
<i>Сущность и специфика категорий и понятий морали и этики — 195. К вопросу систематизации этических категорий и понятий — 218.</i>	
Методологические проблемы этики	228
<i>Методологические проблемы этики, метаэтика, методика этических исследований — 229. Общее понимание морали — 238. Объективное и субъективное — 249. Свобода и необходимость — 255. Классовость — 261. Конкретность и историзм — 286.</i>	

Мораль и этическая теория

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Редакторы *Л. К. Насекина, А. Г. Гусакова*

Художественный редактор *А. Н. Жданов*

Технические редакторы *В. А. Григорьева, О. М. Гуськова*

Сдано в набор 24/IV 1974 г.

Подписано к печати 15/VII 1974 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 18,5.

Тираж 13 000. Тип. зак. 678. Т-12232.

Цена 1 р. 17 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». 121099,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 17 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»